

Министерство образования и науки Российской Федерации
Тольяттинский государственный университет
Гуманитарно-педагогический институт
Кафедра «Теория и практика перевода»

Ю.И. Горбунов, Е.Ю. Горбунов

ОСНОВЫ ЯЗЫКОЗНАНИЯ

Электронное учебное пособие

УДК 81(075.8)

ББК 81

Рецензенты:

д-р филол. наук, доцент, профессор кафедры
«Романо-германская филология» Волжского университета
им. В.Н. Татищева *Г.Л. Денисова;*

д-р филол. наук, доцент, профессор кафедры «Теория и практика перевода»
Тольяттинского государственного университета
Т.Н. Андреюшкина.

Горбунов, Ю.И. Основы языкознания : электронное учебное пособие /
Ю.И. Горбунов, Е.Ю. Горбунов. – Тольятти : Изд-во ТГУ, 2017. – 1 оптический диск.

Учебное пособие предназначено для студентов 1–2 курсов, обучающихся по направлениям подготовки бакалавров 45.03.02 «Лингвистика» (профили «Перевод и переводоведение», «Теория и методика преподавания иностранных языков и культур»), 45.03.01 «Филология» (профиль «Отечественная филология (русский язык и русская литература)»).

Пособие отражает авторский курс и составлено в соответствии с государственным стандартом.

Текстовое электронное издание.

Рекомендовано к изданию научно-методическим советом Тольяттинского государственного университета.

Минимальные системные требования: IBM PC-совместимый компьютер: Windows XP/Vista/7/8; PIII 500 МГц или эквивалент; 128 Мб ОЗУ; SVGA; CD-ROM; Adobe Acrobat Reader.

© ФГБОУ ВО «Тольяттинский
государственный университет», 2017

Редактор *Т.Д. Савенкова*
Технический редактор *Н.П. Крюкова*
Компьютерная верстка: *Л.В. Сызганцева*
Художественное оформление,
компьютерное проектирование: *Г.В. Карасева, И.В. Карасев*

Дата подписания к использованию 19.09.2017.
Объем издания 7,3 Мб.
Комплектация издания: компакт-диск, первичная упаковка.
Заказ № 1-01-17.

Издательство Тольяттинского государственного университета
445020, г. Тольятти, ул. Белорусская, 14,
тел. 8 (8482) 53-91-47, www.tltsu.ru

Содержание

ПРЕДИСЛОВИЕ	5
Модуль 1. ЯЗЫК КАК ОБЪЕКТ ТЕОРИИ	11
Тема 1. Языкознание как наука	11
Тема 2. Происхождение языка	30
Тема 3. Лингвистические антиномии	36
Тема 4. Теория знака и письмо	43
Модуль 2. ФОНЕТИКА И ФОНОЛОГИЯ	61
Тема 5. Фонетика	61
Тема 6. Фонетическое членение речи	68
Тема 7. Просодика	74
Тема 8. Фонология	85
Модуль 3. ЛЕКСИКОЛОГИЯ	94
Тема 9. Лексикология как раздел языкознания	94
Тема 10. Основные пути изменения значения слова	104
Тема 11. Фразеология как раздел лексикологии	117
Тема 12. Лексикография как раздел лексикологии	124
Модуль 4. ГРАММАТИКА	128
Тема 13. Морфология как раздел грамматики	128
Тема 14. Синтаксис как раздел грамматики	147
Тема 15. Предложение	155
Тема 16. Классификации языков мира	167
БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК	179
ГЛОССАРИЙ	183

ПРЕДИСЛОВИЕ

Необходимость издания данного учебного пособия была вызвана введением нового федерального государственного стандарта по направлениям подготовки бакалавров по филологии и лингвистике, а также изменением названий ряда дисциплин, среди которых «Основы языкознания». Кроме того, нельзя не учитывать того фактора, что языкознание находится в состоянии постоянного развития и на этом основании существующие учебники и учебные пособия по данной дисциплине требуют обновления с учетом актуальных изменений. В связи с этим в настоящем издании нашли отражение новые направления в современном языкознании, как-то:

- лингвокультурология;
- инженерная лингвистика;
- лингвистическая синергетика.

В учебном пособии особое внимание уделяется анализу развития сосюрологии на современном этапе. Необходимость актуального анализа сосюрковского наследия объясняется тем фактом, что в 1996 году в Женеве, в оранжерее дома Фердинанда де Соссюра, были обнаружены его новые, ранее неизвестные рукописные материалы. Эти материалы были опубликованы издательством «Галлимар» в Париже в книге «Ф. де Соссюр. Заметки по общей лингвистике» [Saussure 2002]. Составители книги Симон Буке и Рудольф Энглер (с участием Антуанетты Вейль) сочли целесообразным включить в это издание и другие рукописные заметки Ф. де Соссюра по общей лингвистике, которые хранятся в Женевской Публичной и университетской библиотеке и были изданы Р. Энглером в 1968–1974 годах. Найденные заметки Ф. де Соссюра по проблемам семиологии представляют особый интерес и заслуживают самого тщательного анализа ученых. Первая попытка такого анализа предпринимается нами в данном издании.

Дисциплина «Основы языкознания» является первым теоретическим курсом в системе методологических лингвистических дисциплин. Это элементарное изложение основных понятий науки о языке — общего языкознания, дающее знания о природе и структурном характере языка, его основных единицах и системных отно-

шениях между ними, о механизмах функционирования и изменений. «Основы языкознания» знакомят будущих лингвистов и филологов с общепринятой лингвистической терминологией, методами лингвистического исследования, применяемыми в современной науке, развивают навыки анализа конкретных языковых фактов.

Цель и задачи изучения дисциплины

Цель – сформировать у студентов представление о языкознании как о науке; расширить лингвистический кругозор и подготовить их к изучению других предметов лингвистического цикла; выработать критическое отношение к любой теории, что, несомненно, является основой формирования профессионала в области гуманитарного знания, межкультурной коммуникации, образования и культуры.

Задачи

1. Познакомить студентов с основами науки о языке и основными понятиями современной лингвистики.
2. Дать представление о языке как системе, выработать системный подход к анализу языковых явлений.
3. Дать представление об основополагающих дихотомиях (язык – речь, синхрония – диахрония, парадигматика – синтагматика, тождество – различие, означающее – означаемое и др.).
4. Выработать научное понимание сущности языка, его функций, явлений, роли в жизни общества.
5. Познакомить с содержанием наиболее значимых трудов ведущих отечественных и зарубежных лингвистов.
6. Показать сферу практического применения полученных знаний; обучить элементарным исследовательским процедурам.

Место дисциплины в структуре Основной образовательной программы высшего образования (ООП ВО)

Данная дисциплина относится к базовой части профессионального цикла.

Для освоения «Основ языкознания» студенты используют знания, умения, навыки, сформированные в процессе изучения иностранного языка в общеобразовательной школе.

Дисциплины, учебные курсы, для которых необходимы знания, умения, навыки, приобретаемые в результате изучения «Основ языкознания»:

- практический курс основного языка;
- практический курс второго иностранного языка;
- основы теории первого иностранного языка (теоретическая фонетика, теоретическая грамматика, лексикология, история языка, стилистика);
- основы теории второго иностранного языка;
- введение в теорию межкультурной коммуникации.

Содержание дисциплины

Модуль	Тема
Семестр 2	
1. Язык как объект теории	1. Языкознание как наука
	2. Происхождение языка
	3. Лингвистические антиномии
	4. Теория знака и письмо
2. Фонетика и фонология	5. Фонетика
	6. Фонетическое членение речи
	7. Просодика
	8. Фонология
Семестр 3	
3. Лексикология	9. Лексикология как раздел языкознания
	10. Основные пути изменения значения слова
	11. Фразеология как раздел лексикологии
	12. Лексикография как раздел лексикологии
4. Грамматика	13. Морфология как раздел грамматики
	14. Синтаксис как раздел грамматики
	15. Предложение
	16. Классификация языков мира

Общая трудоемкость дисциплины – 7 зачётных единиц трудоемкости (ЗЕТ).

Методические рекомендации по организации самостоятельной работы студентов

Подготовка студентов по дисциплине «Основы языкознания» предусматривает самостоятельную работу, организация которой строится на основании учебно-методического комплекса, включающего 3 части:

- 1) учебное пособие;
- 2) практикум;
- 3) материалы для контроля знаний по дисциплине.

В каждом семестре студентам предстоит прослушать 8 лекций (16 часов) и подготовиться к 8 семинарским занятиям (16 часов).

Во втором семестре изучаются темы модулей 1 и 2. В третьем семестре изучаются темы модулей 3 и 4.

Тексты лекций, представленные в данном учебном пособии, сопровождаются вопросами и заданиями для самоконтроля. Ознакомившись с содержанием лекции, студент имеет возможность уже на первом этапе самостоятельной работы обдумать ключевые моменты темы, выявить основные положения рассматриваемых теорий и концепций, выделить термины и их определения. В качестве опоры студенту служит глоссарий, сопровождаемый списком литературы, которые приводятся в конце учебного пособия.

Второй этап самостоятельной работы студента начинается с подготовки к семинару по заданной теме. В этом случае студент обращается ко второй части разработанного нами учебно-методического комплекса по дисциплине «Основы языкознания» – практикуму (см.: Горбунов Ю.И., Горбунов Е.Ю. Основы языкознания : практикум [Электронный ресурс]. Тольятти : Изд-во ТГУ, 2015). Он также рассчитан на два семестра – второй и третий.

Каждый семинар содержит стандартный комплекс методических указаний, направленных на организацию самостоятельной работы студента. Комплекс методических указаний включает следующие компоненты:

- 1) план семинара;
- 2) список основной и дополнительной литературы по теме семинара;
- 3) задания;
- 4) упражнения;

- 5) примерный сценарий семинара;
- 6) модель тестирования.

Кроме того, в заключительной части практикума приводятся глоссарий, темы рефератов, ключи к тестам, вопросы к экзамену и сводный библиографический список в соответствии с программой дисциплины.

Самостоятельная работа студента организуется на основании методического алгоритма действий, который предусматривает в соответствии со структурой каждого семинара последовательный переход от одного этапа к другому. Рассмотрим эти действия.

Действие 1. Студент знакомится с планом семинара, который включает перечень вопросов по изучаемой теме.

Действие 2. Студент знакомится со списком основной и дополнительной литературы, который приводится по каждой теме отдельно с указанием соответствующих страниц.

Действие 3. Студент выполняет задания 1–3, которые предусматривают:

- 1) знакомство с основными положениями изучаемой темы, изложенными в программе дисциплины;

- 2) составление конспектов по теме семинара на основании отдельного списка основной и дополнительной литературы с указанием соответствующих страниц;

- 3) работу со словарями, которая предполагает выписку на отдельные карточки ключевых терминов по теме семинара и их определений в словарях лингвистической терминологии.

Действие 4. Выполнение комплекса упражнений, которые направлены на закрепление знаний и отработку навыков и умений по изучаемой теме семинара.

Действие 5. Работа с примерным сценарием семинара по его теме в интерактивных формах: дискуссии круглого стола в рамках предполагаемой студенческой научной конференции (задание 4).

Действие 6. Работа с моделью тестирования, представленной в интерактивной форме лингвистического соревнования двух команд студентов (задание 5). Выполняя это действие, студент принимает решение о вхождении в одну из команд, участвует в коллек-

тивной работе предварительного формирования командного банка тестовых заданий по теме семинара, который будет предъявлен соперникам в заключительной стадии семинара. За каждый правильный ответ команда студентов получает 5 баллов. По окончании семинара производится подсчет общей суммы баллов в командном зачете, выявляется команда-победитель, определяются наиболее активные участники лингвистического соревнования – лидеры команд.

В процессе самостоятельной работы по подготовке к семинару студент имеет возможность обратиться к материалам, представленным в заключительной части практикума. Это:

- 1) глоссарий, который содержит дефиниции лингвистических терминов, отражающих основные понятия дисциплины «Основы языкознания»;
- 2) ключи к тестам, которые входят в состав модульного тестирования по отдельным семинарским темам;
- 3) темы рефератов.

Активное участие в семинаре, творческое использование предлагаемых учебных ресурсов позволят студентам глубоко понять поставленные проблемы, раскрыть свои способности и должным образом подготовиться к предстоящему экзамену или заключительному тестированию по изучаемой дисциплине.

Ю.И. Горбуновым подготовлены модули:

1. Язык как объект теории.
2. Фонетика и фонология.
3. Лексикология.

Е.Ю. Горбуновым подготовлены модуль 4. «Грамматика», а также глоссарий и список литературы.

Авторы учебного пособия признательны рецензентам, взявшим на себя труд по его прочтению и оценке.

Модуль 1. ЯЗЫК КАК ОБЪЕКТ ТЕОРИИ

Тема 1. Языкознание как наука

Учебные вопросы

1. Языкознание — наука о языке
2. Связь языкознания с другими науками
3. Функции языка

Языкознание – наука о языке

На земном шаре существуют тысячи различных языков. И все же мы говорим не только о «языках», но также о «языке» — человеческом языке как о чем-то едином. Мы вправе поступать так потому, что при всех громадных различиях между языками они все в самом главном имеют между собой много общего.

Языковедение (языкознание, лингвистика) — наука, изучающая языки (в принципе — все существующие, когда-либо существовавшие и могущие возникнуть в будущем), а тем самым и человеческий язык вообще. Дисциплина «Основы языкознания» знакомит с основами науки о языке, она есть начальный, элементарный курс общего языкознания, дающий первые сведения о языке вообще и его структуре, об основных понятиях и терминах языкознания, без знания которых невозможно серьезно заниматься ни одним языком.

Как всякая наука, языковедение возникло в связи с практическими потребностями, но постепенно развилось в сложную и разветвленную систему дисциплин как теоретического, так и прикладного характера. Внутри **теоретического языковедения** условно различают **частное** и **общее**.

Частное языковедение занимается отдельным языком (русским, английским, узбекским и т. д.) или группой родственных языков (скажем, славянскими языками). Оно может быть **синхроническим**, описывающим факты языка в какой-то момент его истории (чаще всего — факты современного языка), либо **диахроническим** (историческим), прослеживающим развитие языка на протяжении определенного отрезка времени. Разновидностью диахронического явля-

ется сравнительно-историческое языковедение, выясняющее путем сравнения родственных языков их историческое прошлое.

Общими особенностями человеческого языка занимается **общее языковедение**. Оно исследует сущность и природу языка, проблему происхождения и общие законы его развития и функционирования, а также разрабатывает методы исследования языков. В рамках общего языковедения выделяется **типологическое языковедение**, осуществляющее сопоставление между собой как родственных, так и неродственных языков, сопоставление, направленное на выяснение общих закономерностей языка. Общее и, в частности, типологическое языковедение выявляет и формулирует языковые универсалии, т. е. положения, действительные для всех языков мира (**абсолютные универсалии**) или для значительного большинства языков (**статистические универсалии**).

Абсолютными универсалиями являются, например, следующие утверждения: 1) во всех языках существуют гласные и согласные звуки; 2) на всех языках люди говорят предложениями; 3) во всех языках есть имена собственные; 4) если в данном языке существует различие по грамматическому роду, то в нем обязательно существует различие и по числу. Пример статистической универсалии: почти во всех языках в местоимениях различается не менее двух чисел (исключения: древний и современный яванский). Подробная характеристика языковых универсалий содержится в известной статье Ч.Ф. Хоккета «Проблема языковых универсалий» [см.: Введение в языковедение: Хрестоматия 2000: 82–91].

Одной из важных задач общего языковедения является научное определение понятий, которыми пользуется языковедение, таких, например, как упомянутые выше «гласный» и «согласный», «предложение», «имя собственное» и т. п.

Прикладное языкознание также решает и частные задачи, касающиеся одного языка, и задачи, принципиально прилагаемые к материалу любого языка: создание и усовершенствование письма; обучение письму, чтению, культуре речи, неродному языку; создание систем автоматического перевода, автоматического поиска, аннотирования и реферирования информации, создание систем, обеспечивающих общение человека с машиной на естественном языке.

Первый в нашей стране учебник по прикладной лингвистике вышел в издательстве Санкт-Петербургского университета в 1996 году [см.: Прикладное языкознание 1996].

Связь языкознания с другими науками

Язык как средство общения и как систему знаков изучают многие науки. Факты и явления языка и речевой деятельности имеют разные признаки и поэтому могут быть рассмотрены с разных сторон. Языкознание тесно связано со многими другими науками. На стыке XX и XXI веков интенсивно развиваются новые направления в лингвистике, среди которых: лингвокультурология, когнитивная, коммуникативная и компьютерная лингвистика, а также социолингвистика, психолингвистика, лингвистика текста [см.: Алефиренко 2005; Чурилина 2006; Маслова 2008].

Поскольку язык – явление общественное, социальное, то языкознание тесно связано с такими социальными науками, как:

1) история (история языка – это часть истории народа);

2) этнография: язык – важнейший этнический признак, поэтому, изучая язык, мы не можем не привлекать данные по этнографии народа, на нем говорящего, иначе мы не сможем верно понять значения отдельных слов и выражений, относящихся к явлениям быта. Существует этнолингвистика, которая рассматривает язык как выражение представления народа о мире.

Поскольку язык лежит в основе построения текстов, языкознание считается одним из основных разделов филологии – науки о текстах. Цели и методы языковедческих исследований пересекаются с герменевтикой – дисциплиной, занимающейся проблемой понимания текстов.

Связь языкознания с различными научными дисциплинами приводит к появлению новых направлений исследования. Так, в XX веке обособляются такие дисциплины, как социолингвистика, психолингвистика. **Социолингвистика** – научная дисциплина, развивающаяся на стыке языкознания, социологии, социальной психологии и этнографии. Она изучает широкий комплекс проблем, связанных с социальной природой языка, его общественными функциями. **Психолингвистика** – научная дисциплина, которая

изучает отражение мыслительных и психических процессов в речи. Пользуясь экспериментальными методами, эта дисциплина изучает психические закономерности порождения и восприятия речевых высказываний, механизмы, управляющие этими процессами и обеспечивающие владение и овладение языком, наконец, вообще языковую способность человека в широком контексте его психических и интеллектуальных способностей.

В конце XX века на стыке лингвистики и культурологии возникло новое направление — **лингвокультурология**, предметом которой является изучение культурной семантики языковых знаков, формирующейся в результате взаимодействия языка и культуры. По мнению В.А. Масловой, языковые знаки способны выполнять функцию языка культуры, что выражается в способности языка отображать культурно-национальную ментальность его носителей [Маслова 2008: 131].

Лингвокультурология непосредственно связана с изучением национальной картины мира, языкового сознания, особенностей ментально-лингвального комплекса. По мнению В.В. Воробьева, лингвокультурология как научная дисциплина характеризуется рядом специфических особенностей:

1) это научная дисциплина синтезирующего типа, пограничная между науками, изучающими культуру, и филологией (лингвистикой);

2) основными объектами лингвокультурологии являются взаимосвязь и взаимодействие культуры и языка в процессе его функционирования и изучение интерпретации этого взаимодействия в единой системной целостности;

3) предмет лингвокультурологии — национальные формы бытия общества, воспроизводимые в системе языковой коммуникации и основанные на его культурных ценностях, все, что составляет «языковую картину мира»;

4) объективная, полная и целостная интерпретация культуры народа требует от лингвокультурологии системного представления культуры народа в его языке, в их диалектическом взаимодействии и развитии, а также разработки понятийного ряда, который способствует формированию современного культурологического мышления [Воробьев 1997].

В основе развития лингвокультурологии лежит антропоцентрическая парадигма, которая предполагает новый подход к языку как объекту исследования, новые ключевые понятия и новую терминологию, которая отражает эти понятия и составляет особый метаязык лингвокультурологии. Поскольку антропоцентрическая парадигма на первое место выдвигает человека и его язык, это дает основание для выделения одного из главных понятий лингвокультурологии – понятия «языковой личности». Термин **«языковая личность»** был введен Ю.Н. Карауловым, который определяет его как «многослойный и многокомпонентный набор языковых способностей, умений, готовностей к осуществлению речевых поступков разной степени сложности, поступков, которые классифицируются, с одной стороны, по видам речевой деятельности (аудирование, говорение, чтение, письмо), а с другой – по уровням языка, т. е. фонетике, грамматике и лексике» [Караулов 1987: 29].

Структура языковой личности, по Караулову, состоит из трех уровней:

1) вербально-семантического, или структурно-системного, предполагающего для носителя нормальное владение естественным языком, а для исследователя – традиционное описание формальных средств выражения определенных значений;

2) лингвокогнитивного, или тезаурусного, единицами которого являются понятия, идеи, концепты, складывающиеся у каждой языковой индивидуальности в более или менее упорядоченную, более или менее систематизированную «картину мира», отражающую его иерархию ценностей; лингвокогнитивный уровень устройства языковой личности и ее анализ предполагают расширение значения и переход к знаниям, а значит, охватывают интеллектуальную сферу личности, давая исследователю выход через язык, через процессы говорения и понимания – к знанию, сознанию, процессам познания человека;

3) мотивационно-прагматического, включающего цели, мотивы, интересы, установки и интенциональности; этот уровень обеспечивает в анализе языковой личности закономерный и обусловленный переход от оценок ее речевой деятельности к осмыслению реальной деятельности в мире [Караулов 1987: 9–10].

Языковая личность всегда национальна, она всегда принадлежит определенному лингвокультурному сообществу. В этом аспекте понятие языковой личности соотносится с понятием «языковой картины мира», которое представляет собой модель лингвокультурной специфики того или иного народа, сообщества. **Языковая картина мира** отражает реальность через культурную картину мира. Язык подчиняет себе, организует восприятие мира его носителями. Эта картина мира тесно связана с культурной картиной мира, находится в непрерывном взаимодействии с ней и восходит к реальному миру, окружающему человека [Грушевицкая, Попков, Садохин 2002: 160].

Своеобразие любой культуры получает свое завершение в культурной картине мира (ККМ), которая постепенно формируется в процессе возникновения и существования самой культуры. **Культурная картина мира** является результатом того, что в различных культурах люди воспринимают, чувствуют и переживают мир по-своему и тем самым создают свой неповторимый образ мира, представление о мире, получившее название «картины мира». Культурная картина мира представляет собой совокупность рациональных знаний и представлений о ценностях, нормах, нравах, менталитете собственной культуры и культур других народов. Эти знания и представления придают культуре каждого народа самобытность, благодаря чему становится возможным отличить одну культуру от другой [Грушевицкая, Попков, Садохин 2002].

Культурная (понятийная) картина мира – отражение реального мира через призму понятий, сформированных в процессе познания мира человеком на основе как коллективного, так и индивидуально-опыта. Эта картина специфична для каждой культуры, возникающей в определенных природных и социальных условиях, отличающих ее от других культур [Грушевицкая, Попков, Садохин 2002: 160]. В связи с этим возникла гипотеза лингвистической относительности, или гипотеза Сэпира – Уорфа, согласно которой структура языка определяет структуру мышления и способ познания внешнего мира. Люди членят мир, организуют его в понятия и распределяют значения так, а не иначе, поскольку являются участниками некоторого соглашения, имеющего силу лишь для этого языка [ЛЭС 1990: 443]. Однако сторонники данной гипотезы не учитывают тот факт,

что язык не представляет собой самодовлеющей силы, творящей мир, а является результатом отражения человеком окружающего мира. Различия в способах его членения возникают в период первичного означивания и могут быть обусловлены ассоциативными различиями, несходством языкового материала, сохранившегося от прежних эпох, влиянием других языков и т. д. [ЛЭС 1990: 443].

Содержание языковой картины мира раскрывается в совокупности понятий, которые принято обозначать общим термином – ментефакты. **Ментефакты** представляют собой элементы «содержания» сознания и включают **культурно маркированные знания, концепты и представления** [Красных 2002: 36]. В общем плане знания представляют собой некие информационные, содержательные единицы, совокупность которых представляет собой определенным образом структурированную и иерархизированную систему. Знания могут быть национально нейтральными или национально маркированными, окруженными культурно-значимым ореолом, занимающими в культуре особое положение.

К основным понятиям лингвокультурологии относится также понятие «**культурный концепт**», или «**лингвокультурный концепт**» («**лингвоконцепт**»). По мнению В.П. Нерознака, «концепты культуры отражают национальную картину мира и к ним следует относить те концепты, которые обозначаются безэквивалентными лексическими единицами, т. е. теми словами, которые в процессе лингвокультурной трансляции требуют не пословного, а описательного толкования» [Нерознак 1998: 85].

Ю.С. Степанов пишет, что «концепт – это как бы сгусток культуры в сознании человека, то, в виде чего культура входит в ментальный мир человека. И, с другой стороны, концепт – это то, посредством чего человек-рядовой, обычный человек, не «творец культурных ценностей» – сам входит в культуру, а в некоторых случаях и влияет на нее... Концепт – основная ячейка культуры в ментальном мире человека» [Степанов 1997: 40–41].

В наиболее важных культурных концептах языка актуализируется ментальность народа, которая представляет собой способ видения мира, уровень общественного сознания, на котором мысль не отчленена от эмоций, от латентных привычек и приемов сознания,

незримый минимум духовного единения людей, без которого невозможна организация любого общества [Маслова 2001: 49]. Типология культурных концептов включает концепты, обозначающие, во-первых, универсальные категории культуры, к которым относятся космические и философские категории; во-вторых, социальные категории; и в-третьих, категории национальной культуры.

Культурные концепты образуют соответствующие лингвокультурологические поля. **Лингвокультурологическое поле** представляет собой иерархическую систему единиц, обладающих общим значением и отражающих в себе систему соответствующих понятий культуры [Воробьев 1997: 60]. В связи с понятием «культурный концепт» следует рассмотреть также понятие «лингвокультурема». Термин «**лингвокультурема**», введенный В.В. Воробьевым, соответствует комплексной межуровневой единице, которая представляет собой диалектическое единство лингвистического и экстралингвистического (понятийного или предметного) содержания [Воробьев 1997: 44; 49]. В понимании В.В. Воробьева, лингвокультурема есть совокупность формы языкового знака, его содержания и культурного смысла, сопровождающего этот знак.

Особое значение для понимания лингвокультуремы В.В. Воробьев придает глубинному смыслу, который потенциально присутствует в значении как элемент его содержания. Такой подход к пониманию содержания термина «лингвокультурема» некоторым исследователям представляется весьма туманным, так как в нем не раскрывается механизм того, где и как прикрепляется культурная информация в языковом знаке, как она «работает» в языке, а указывается лишь на факт ее наличия в языковом знаке, что известно еще со времен В. Гумбольдта [Маслова 2002: 52].

Представления включают собственно представления и образы, а также связанные с ними оценки и коннотации. К представлениям относятся прецедентные феномены, артефакты, духи, или бестиарии, и стереотипы.

Прецедентные феномены включают феномены: 1) хорошо известные всем представителям национально-лингвокультурного сообщества (имеющие сверхличностный характер); 2) актуальные в когнитивном (познавательном и эмоциональном) плане;

3) обращение (апелляция) к которым постоянно возобновляется в речи представителей того или иного национально-лингвокультурного сообщества [Красных 2002: 44–45].

В общем плане различают следующие виды прецедентных феноменов:

а) **социумно-прецедентные феномены** – феномены, известные любому среднему представителю того или иного социума (генерационного, социального, конфессионального, профессионального и т. д.) и входящие в коллективное когнитивное пространство, т. е. феномены, которые могут не зависеть от национальной культуры: общие, например, для всех мусульман (конфессиональный социум) или для врачей (профессиональный социум);

б) **национально-прецедентные феномены** – феномены, известные любому среднему представителю того или иного национально-лингвокультурного сообщества и входящие в национальную когнитивную базу;

в) **универсально-прецедентные феномены** – феномены, известные любому среднему современному *homo sapiens* и входящие в «универсальное» когнитивное пространство («универсальную» когнитивную базу) [Красных 2002: 50–51].

Прецедентные феномены включают прецедентные высказывания, имена, ситуации и тексты. **Прецедентное высказывание** – это репродуцируемый продукт речемыслительной деятельности, законченная и самодостаточная единица, которая может быть или не быть предикативной; сложный знак, сумма значений компонентов которого не равна его смыслу: последний всегда «шире» простой суммы значений; в когнитивную базу входит само прецедентное высказывание как таковое; прецедентное высказывание неоднократно воспроизводится в речи носителей языка. К числу прецедентных высказываний принадлежат цитаты из текстов различного характера (например, «Не спится, няня!», «Кто виноват?» и «Что делать?», «Ждем-с!»), а также пословицы (например, «Тише едешь – дальше будешь») [Красных 2002: 49].

Прецедентное имя – это индивидуальное имя, связанное или с широко известным текстом, как правило, относящимся к прецедентным (например, Печорин, Теркин), или с прецедентной ситуа-

цией (например, Иван Сусанин), это своего рода сложный знак, при употреблении которого в коммуникации осуществляется апелляция не к собственному денотату (референту), а к набору дифференциальных признаков данного прецедентного имени; может состоять из одного (например, Ломоносов) или более элементов (например, Куликово поле, «Летучий голландец»), обозначая при этом одно понятие [Красных 2002: 48].

Прецедентная ситуация — это некая «эталонная», «идеальная» ситуация, связанная с набором определенных коннотаций, дифференциальные признаки которой входят в когнитивную базу, означающим прецедентной ситуации могут быть прецедентное высказывание или прецедентное имя, например, «Бородино» или «Бородинское сражение», которое в русской традиции является символом духовной победы русских над французами, в то время как во французской традиции принято иное название данной прецедентной ситуации, а именно: «la Bataille de Moscou» («Московская битва»), которая рассматривается во Франции как победоносное сражение, несмотря на большие потери и последовавшее затем бегство французских войск из России.

Термин «прецедентный текст» был введен Ю.Н. Карауловым, под которым он понимает тексты:

- 1) значимые для той или иной личности в познавательном и эмоциональном отношении;
- 2) имеющие сверхличностный характер, т. е. хорошо известные широкому окружению данной личности, включая ее предшественников и современников;
- 3) обращение к которым возобновляется неоднократно в дискурсе данной языковой личности [Караулов 1987: 216].

Прецедентный текст — это законченный и самостоятельный продукт речемыслительной деятельности; (поли)предикативная единица; сложный знак, сумма значений компонентов которого не равна любому среднему члену национально-лингвокультурного сообщества; обращение к прецедентному тексту может многократно возобновляться в процессе коммуникации через связанные с этим текстом прецедентные высказывания или прецедентные имена. К числу прецедентных текстов принадлежат произведения худо-

жественной литературы (например, «Война и мир»), тексты песен, рекламы, анекдотов, политические публицистические тексты и т. п.

Артефакты — это предметы из вторичного, сказочного мира, которые являются национально-маркированными и значимыми для данной культуры. Изначальный образ артефакта основывается на реалии с последующим наращением качеств и/или свойств предмета. Так, в русской лингвокультурологии «ковер-самолет» представляет собой предмет — «ковер», который обладает дополнительным свойством — свойством «летать». То же самое можно сказать и в отношении других артефактов: «скатерть-самобранка», «избушка на курьих ножках», «шапка-невидимка» — все это отдельные предметы, каждый из которых наделен особым, волшебным свойством. Во французской лингвокультурологии с артефактом соотносится «волшебная палочка» («la baguette magique»), которая принадлежит, как правило, волшебнику или фее, и с помощью которой можно творить чудеса (см. сказку Шарля Перро «Золушка»).

Духи, или **бестиарии**, не единичны, косвенным доказательством чего является множественность образов, в которых они предстают человеку. В русской лингвокультурологии обнаруживаем такие персонажи: «домовой», который вообще невидим, может принимать образ отсутствующего члена семьи, животного и т. д.; «водяной» — старик, который может оборачиваться камнем, корягой, плывущим по воде яблоком, даже туманом; «русалка» — прозрачное существо, обитающее в воде, может выходить на берег в виде молодой девушки. Во французской лингвокультурологии к бестиариям относятся химеры (*chimères*) — фантастические чудовища, олицетворяющие пороки и силы зла. Химеры входили в наружное скульптурное убранство готических соборов; всемирно известны химеры Собора Парижской Богородицы. В мифологии кельтской Бретани, а также в бретонских сказках встречаем корриганов (*korrigans*): это духи источников, обитающие в богато изукрашенных подземных пещерах, которые являлись в образе прекрасных женщин в белых платьях, принимали, по поверьям, облик паука, змеи и т. п. Корриганы песнями завлекали мужчин и заставляли становиться их супругами под угрозой смерти.

Стереотип — это социо-культурномаркированная единица ментально-лингвального комплекса представителя определенной этно-

культуры, реализуемая в речевом общении в виде нормативной локальной ассоциации к стандартной для данной культуры ситуации общения [Прохоров 1996]. В.В. Красных определяет стереотип как некоторое представление фрагмента окружающей действительности, как фиксированную ментальную «картинку», являющуюся результатом отражения в сознании личности типового фрагмента реального мира, как некий инвариант определенного участка картины мира [Красных 2002: 178].

В самом термине «стереотип» заложена «полифоничность» предметов, это собирательный образ. В отличие от артефактов, где идет наращение, здесь происходит редуцирование качеств и свойств предмета до значимого минимума. Среди стереотипов выделяются стереотипы ситуации (транспорт > билет и т. д.) и стереотипы-образы (пчела > труженица). Стереотипы-образы, в свою очередь, подразделяются на основе того, к какому фрагменту мира принадлежит «предмет». Таким образом, в русской лингвокультурологии выделяются:

- 1) «мир флоры и фауны»: дуб, ворон, крыса, паук;
- 2) «мир человека»: этнические стереотипы – англичанин, француз, немец;
- 3) профессиональные стереотипы – учительница, банкир, геолог;
- 4) социумные стереотипы – новый русский, бомж и др.

Лингвокультурология остается в центре современных исследований и продолжает занимать умы лингвистов. Так, в 2010 году лучшей книгой в этой области была признана книга «Сквозь зеркало языка: почему на других языках мир выглядит иначе», автором которой является Гай Дойчер, израильский лингвист и математик, специалист в области языков и культур древней Месопотамии [Гай Дойчер 2016].

Гай Дойчер как истинный исследователь проявил невероятную эрудицию, пытаясь найти ответы на такие вопросы:

- Почему в некоторых культурах синий и зеленый цвета обозначаются одним и тем же словом?
- Почему Гомер называл море «виноцветным»?
- Почему коренные жители Австралии вместо «правый» и «левый» говорят «западный» и «восточный»?
- Как язык определяет образ жизни человека и судьбу народа?

Книга «Сквозь зеркало языка: почему на других языках мир выглядит иначе» отражает жизнь языка в аспекте разнообразной человеческой культуры.

Во второй половине XX века возникла особая область математики – **математическая лингвистика**, включающая и математическую теорию грамматик, и статистическую теорию языка. Методы математической логики применяются для формального описания категорий естественных языков. На стыке языкознания и кибернетики родилась **инженерная лингвистика**, занимающаяся решением лингвистических задач с помощью компьютера. Инженерная лингвистика сформировалась в результате применения к исследованию языка объективных методов и новых идей, зародившихся в естественных науках под воздействием запросов информационной индустрии. В отечественной науке о языке инженерная лингвистика неразрывно связана с именем ее создателя – профессора Раймонда Генриховича Пиотровского, который в течение более чем пятидесятилетнего периода возглавлял Международную группу «Статистика Речи» (СтР).

В своем развитии инженерная лингвистика прошла несколько важных этапов, каждый из которых характеризуется конкретными достижениями и уроками, послужившими толчком к дальнейшему продвижению по намеченному пути. Первый этап приходится на 60–70-е годы XX века и соотносится с периодом первой когнитивной революции. В эти годы появляются основополагающие труды Р.Г. Пиотровского, посвященные вопросам соотношения текста, машины и человека [Пиотровский 1975], проблемам инженерной лингвистики и теории языка [Пиотровский 1979]. Второй этап охватывает временной отрезок с 80-х годов прошлого века до наших дней и соотносится с периодом второй когнитивной революции. В этот период публикуются новые труды Р.Г. Пиотровского, в которых развивается теория лингвистического автомата [Пиотровский 1999] и намечается поворот в сторону лингвистической синергетики [Пиотровский 2006]. Теоретическая платформа инженерной лингвистики Р.Г. Пиотровского состоит в том, что в основу автоматической переработки текста (АПТ) и машинного перевода (МП) положены два основных подхода – информационно-статистический и многоуровневый, или модульный. Стимулом для разработки дан-

ных подходов явился так называемый «барьер отторжения», который существует между естественным языком и языком компьютера.

Информационно-статистический подход используется при построении лингвоинформационной базы данных (ЛИБД), при решении частных задач в ходе АПТ. Информационно-статистический подход требует отбора в ЛИБД наиболее информативных и частых слов, словоформ, словосочетаний и грамматических конструкций определенной предметной области. Кроме того, данный подход предполагает устранение или ослабление с помощью вероятностных и информационных весов ситуаций неопределенности, возникающих в ходе анализа входного текста. Многоуровневый, или модульный подход получил свое развитие в группе СтР в 80-е годы при построении новых коррекционистских систем АПТ, МП и реферирования текста. Эта технология предусматривает пошаговое уменьшение неопределенности, идущее снизу вверх от лексико-морфологических фактов к семантико-синтаксической и прагматической цели. При выборе окончательного решения верхние уровни имеют более высокий приоритет по сравнению с нижними уровнями анализа.

Вероятностно-статистический и модульный подходы составляют основную стержень школы инженерной лингвистики Р.Г. Пиотровского. Эти подходы положены в основу теории лингвистического автомата, идеи которой изложены в книге Р.Г. Пиотровского «Лингвистический автомат (в исследовании и непрерывном обучении)» (1999). Важной особенностью этой книги является тот факт, что ее автор, прежде чем перейти к рассмотрению конкретных приемов АПТ, подробно описывает глубинные соотношения речемыслительной деятельности (РМД) человека, с одной стороны, и структуры и функционирования компьютера, с другой стороны. Такой подход позволяет реально оценить возможности компьютера, оснащенного необходимым программным обеспечением, относительно решения ряда сложных задач как лингвистического, так и лингводидактического характера.

Особая ценность книги Р.Г. Пиотровского состоит в том, что в ней предлагаются эффективные системы МП, аннотирования и реферирования текста, излагаются принципы компьютерного моделирования РМД человека.

В концепции инженерной лингвистики Р.Г. Пиотровского лингвистический автомат понимается как комплекс вычислительных и программных средств, объединяющий:

- достаточно мощную специализированную или универсальную ЭВМ, снабженную необходимой периферией для оперативной переработки текста;
- лингвистическую информационную базу данных (ЛИБД);
- лингвистическое программное обеспечение (ЛПО);
- набор системных и сервисных средств, предоставляемых операционной средой, вместе с программами введения ЛИБД и ЛПО.

Опираясь на информационно-статистическую технологию, группа СтР начиная с середины 60-х годов разрабатывала коммерческую систему МП MULTIS/SILOD, а позднее обратилась к построению многоязыковой полифункциональной системы ЛИНГТОН. Информационно-статистический и модульный подходы используются также в отечественных коммерческих системах STYLOS/PROMPT, CAPMA/СОКРАТ, в семействе ПАРС. Примером лингвистического автомата может служить экспериментальная система устного машинного перевода ORAL SILOD, разработанная в 1997–2000 гг. группой СтР и представленная на международном семинаре «Речь и компьютер» (SPECOM 2000). ORAL SILOD используется в системе «устная речь – БЕГУЩАЯ СТРОКА».

SILOD является многоязычным лингвистическим автоматом. В настоящее время разрабатывается его новая версия – SILOD-WINDOWS, которая осуществляет англо-русский и русско-английский машинный перевод деловых и научно-технических текстов. Система работает в диалоговом и пакетном режимах. Перевод может быть выведен на экран вместе с исходным текстом, что позволяет править и редактировать текст перевода. SILOD используется также и в преподавании русского и английского языков для закрепления навыков орфографии и перевода текста.

Отметим также некоторые особенности технологии АПТ, разработанной коллективом группы СтР. Одним из наиболее эффективных приемов, используемых при разработке новых систем АПТ и МП, является использование заранее заготовленных фреймов. Этот прием особенно эффективен при аннотировании и перево-

де патентов, при обработке стандартизованных документов типа инструкций, телеграмм, а также устных реплик переговоров «борт – земля», стандартных пунктов коммерческих договоров. Преимущество фреймового приема состоит в том, что фреймовая матрица заранее задает нормализованную семантико-синтаксическую и морфологическую структуру выходного текста, заметно упрощая тем самым его синтез. Одновременно у адресата создается иллюзия того, что система стремится понять содержание входного текста, а это повышает комфортность восприятия реферата или перевода со стороны потребителя.

Фреймовая методика сочетается с другими приемами анализа и синтеза текста. Прежде всего предлагается сочетать фреймовую технологию с тезаурусным описанием соответствующей предметной области. С этой целью строится древесный тезаурус предметной области, на узлах которой размещаются терминологические словоформы и словосочетания. Каждому узлу приписывается соответствующий код. Затем создаются входные и однозначно соответствующие им выходные фреймы-матрицы. Последовательность и коды слотов матриц отражают, с одной стороны, соотношение узлов отраслевого тезауруса, а с другой стороны, они моделируют семантико-синтаксические схемы построения терминологических словосочетаний в соответствующем языке, в частности позиции ядерного существительного-определяемого и позиции определений – адъективных и субстантивных.

Особое внимание в трудах Р.Г. Пиотровского привлекает концепция обучающего лингвистического автомата (ОЛА) как лингвистической учебной среды, в которую могут входить как лингвистические учебные курсы на базе авторских систем, так и универсальные системы АПТ, текстовые редакторы и другие программные средства, используемые при обучении языку, а также поддерживающая ее техника (компьютер, аудио- и видеосредства). ОЛА функционирует как часть человеко-машинного дидактического комплекса и работает в диалоговом режиме коллективного пользования, выполняя при этом такие функции, как управление учебной деятельностью, хранение и выдача учебной информации, моделирование учебных экспериментов и ситуаций, анализ и оценка сообщений и ответов

обучаемых, регистрация, хранение и обработка результатов учебной деятельности обучаемых и другие.

Теория ОЛА находится в основе научных проектов, разрабатываемых в настоящее время в Тольяттинском государственном университете с использованием тезаурусного подхода. На материале французской лингвистики разрабатывается ОЛА «Тезаурус лингвиста», который включает три лингвистических модуля: 1) грамматический; 2) фонетико-фонологический; 3) лексикологический. Технология построения грамматического модуля подробно освещается в работе, посвященной исследованию информационно-семиотической природы французской грамматической терминологии [см.: Горбунов 2004].

Вторая половина XX века знаменуется также в научных исследованиях все возрастающим интересом к неравновесной динамике и самоорганизации сложных систем различной природы. Формируется новая парадигма, общая для многочисленных научных направлений в силу своей междисциплинарной природы. Эта новая парадигма — **синергетика** — зарождается в трудах немецкого физика-теоретика Германа Хакена (Hermann Haken) [см.: Хакен 1980, 1985] и постепенно охватывает различные отрасли современной науки — от естественных наук до социальных и гуманитарных, включая лингвистику. В России пальма первенства в применении идей синергетики в области лингвистических исследований принадлежит профессору Раймонду Генриховичу Пиотровскому. В 2006 году в издательстве филологического факультета Санкт-Петербургского университета вышла в свет монография Р.Г. Пиотровского «**Лингвистическая синергетика: исходные положения, первые результаты, перспективы**», в которой рассматриваются теоретические положения синергетики применительно к статике и динамике языка и индивидуальной речемыслительной деятельности человека (РМД), обсуждаются вопросы компьютерного моделирования этих синергетических механизмов и их включение в современные системы автоматической переработки устного и письменного текстов [см.: Пиотровский 2006]. Используя богатый опыт исследователей международной группы «Статистика речи», которая на протяжении нескольких десятилетий успешно занималась построением реально

работающих систем по автоматической переработке текста (машинный перевод, автоматическое аннотирование текста и его статистический анализ), а также широко используя другие данные современной прикладной и теоретической лингвистики, Р.Г. Пиотровский ищет следы синергетики:

- 1) в структурно-типологическом сопоставлении различных языков;
- 2) скачкообразных изменениях структуры языка, которые проявляются в ходе его исторического развития и часто совпадают с периодами интенсивной межъязыковой интерференции;
- 3) преобразовании «мягких» (хаотических) состояний пиджинов в более «жесткие» системы креольских языков;
- 4) сравнении энтропийных характеристик текстов разной тематики, стилиевой принадлежности и патологичности;
- 5) изменении в уровне усвоения родного языка ребенком, а также иностранного языка учащимися средних и высших учебных заведений;
- 6) построении и реализации алгоритмов автоматической переработки текста (АПТ), в частности при машинном переводе (МП) и аннотировании текстов [Пиотровский 2006: 14].

Основные понятия синергетики соотносятся в теории Р.Г. Пиотровского с основными парадоксами речемыслительной деятельности (РМД), или дихотомическими антиномиями, среди которых:

- 1) антиномия системы языка – системы речи и построения конкретного текста;
- 2) антиномия языка коллектива и идиолекта, т. е. РМД конкретного человека;
- 3) антиномия языка в целом и его разновидностей и стилей;
- 4) антиномия коллективной или индивидуальной РМД в норме и патологии;
- 5) антиномия синхронии и диахронии;
- 6) антиномия между применением языка носителями и его освоением и использованием иноязычниками [Пиотровский 2006: 12–13].

В своих трудах Р.Г. Пиотровский рассматривает вопросы, связанные с интерференцией языков, анализирует синергетические процессы, которые лежат в основе языковых контактов в диахроническом аспекте. Диахроническая синергетика рассматривается им

с учетом фактора языковой политики государства и прежде всего — с позиции внешней экспансии языка. В этом направлении анализируется синергетика тюркских языков, синергетика имперских (доминантных) и туземных языков, которая ведет к пиджинизации и созданию креольских языков.

Функции языка

В языкознании слово «**функция**» обычно употребляется в смысле «производимая работа», «назначение», «роль». Первейшей функцией языка является **коммуникативная** (лат. *communicatio* — общение), его назначение — служить орудием общения, т. е. в первую очередь обмена мыслями. Но язык не только средство передачи готовой мысли. Язык — это также средство самого формирования мысли.

Что касается коммуникативной функции языка, то в науке выделяют ее отдельные стороны, иначе говоря, ряд частных функций: **констатирующую** — служить для простого «нейтрально-го» сообщения о факте (ср. повествовательные предложения), **вопросительную** — служить для запроса о факте (ср. вопросительные предложения, вопросительные слова), **апеллятивную** (лат. *appello* — обращаюсь к кому-л.) — служить средством призыва, побуждения к тем или иным действиям (ср. формы повелительного наклонения, побудительные предложения), **экспрессивную** — выражать (подбором слов или интонацией) личность говорящего, его настроения и эмоции, **контактоустанавливающую** — функцию создания и поддержания контакта между собеседниками, когда передачи сколько-нибудь существенной информации еще (или уже) нет (ср. формулы приветствия при встрече и прощании, обмен репликами о погоде и т. п.), **метаязыковую** — функцию истолкования языковых фактов (например, объяснение значения слова, непонятного для собеседника), **эстетическую** — функцию эстетического воздействия. Особое место занимает функция индикатора (показателя) принадлежности к определенной группе людей (к нации, народности, той или иной профессии и т. д.). В случае сознательного использования этой функции она превращается в своеобразное средство самоопределения индивида в обществе.

В конкретных высказываниях частные функции языка обычно выступают в разнообразных сочетаниях друг с другом. Высказывание, как правило, многофункционально. Яркая экспрессия может быть и в побудительном предложении, и в вопросе, и в формуле приветствия, и при констатации факта, и при объяснении слова, оказавшегося непонятным; предложение, повествовательное по форме (например: *Уже поздно*), может содержать скрытое побуждение, т. е. выполнять апеллятивную функцию.

Вопросы и задания для самоконтроля

1. Является ли языкознание самостоятельной наукой?
2. Какое значение имеет для развития современных лингвистических теорий обсуждение вопроса об объекте языкознания?
3. Как связаны между собой объект и предмет языкознания?
4. Какое место занимает общее языкознание в системе лингвистических дисциплин?
5. Какие задачи решает частное языкознание?
6. Какие связи имеет языкознание с другими науками?
7. Что связывает языкознание с историей общества?
8. Каким образом языкознание связано с этнографией?
9. Назовите объект науки о языке.
10. Перечислите основные функции языка.
11. Определите соотношение языкознания и филологии.
12. Определите связь языкознания с герменевтикой.
13. Сравните проблематику языкознания и социолингвистики.
14. Определите роль математики в лингвистических исследованиях.
15. Назовите основные проблемы психолингвистики.
16. Определите основные проблемы общего языкознания.

Тема 2. Происхождение языка

Учебные вопросы

1. Биологические теории происхождения языка
2. Социальные теории происхождения языка
3. Другие теории происхождения языка

Биологические теории происхождения языка

Что есть язык? Как он возник? Язык — явление биологическое, психическое или социальное? Язык — нечто материальное или идеальное? На эти и многие другие вопросы, связанные с происхождением языка, пытается ответить известный отечественный лингвист Б.В. Якушин, предлагая свою научную гипотезу, основанную на социологических представлениях о сущности и функциях языка и речи [см.: Якушин 1984].

Происхождение человеческой речи — очень сложный вопрос, который изучается не только языкознанием, но и другими науками: антропологией, психологией, биологией, этнографией. Происхождение языка — это составная часть проблемы происхождения человека и человеческого общества. Возникнув более одного миллиона лет тому назад, древние люди долгое время вырабатывали биологические и социальные свойства человека.

Среди условий, в которых возникал язык, были факторы, связанные с эволюцией человеческого организма, и факторы, связанные с превращением первобытного стада в общество. Поэтому великое множество высказываний о происхождении языка можно разделить на две основные группы:

- 1) биологические теории;
- 2) социальные теории.

К группе биологических теорий происхождения языка относятся звукоподражательная и междометная теории. Они объясняют происхождение языка эволюцией человеческого организма — органов чувств, речевого аппарата и мозга.

Звукоподражательная теория объясняет происхождение языка эволюцией органов слуха, воспринимающих крики животных, особенно домашних. Язык, согласно этой теории, возник как подражание крикам животных. Сторонники этой теории — Лейбниц, Гердер, Гумбольдт. Звукоподражательная теория основывается на предположении о том, что первые слова были звукоподражанием. Однако звукоподражательных слов в языке мало, и, главное, они различны в разных языках. Причем в языках примитивных их не больше, чем в языках развитых.

Звукоподражательные слова имеют звуки и формы, уже существующие в языке. Вот почему утка для русского кричит «кря-кря-кря», для англичанина — «квок-квок» (quack), для француза — «кан-кан» (caucasnet), а для датчанина — «рап-рап».

Междоментная (рефлексная) теория объясняет происхождение языка теми переживаниями, которые испытывает человек. Первые слова, по этой теории, — произвольные выкрики, междометия, рефлексы. Они выражали боль или радость, страх или голод. В ходе дальнейшего развития выкрики приобретали символическое значение, обязательное для всех членов данного общества (сторонники: Штейнталь, Дарвин, Потенция).

Звукоподражательная и междоментная теории во главу угла ставят изучение происхождения механизма говорения (чисто биологическое объяснение). В действительности является ли язык явлением биологическим, т. е. наследуемым через гены, как черты лица? Язык не является «врожденным» фактором, передаваемым по наследству. Сам термин «родной язык» никак не значит «врожденный», а только усвоенный в детстве. Об этом свидетельствуют многочисленные случаи, когда человеческое дитя попадало в животный мир и росло среди животных как животное. Так, известный отечественный лингвист А.А. Реформатский в своем учебнике «Введение в языковедение», который выдержал в силу своей популярности несколько изданий и признан сегодня классическим, приводит в качестве примера судьбу двух индийских девочек, которые были обнаружены охотниками в 1920 году в Индии в волчьей норе. Девочки вели себя как волки, особенно старшая — Камала. Она прожила с волками не менее пяти лет. Она ходила на четвереньках, опираясь ладонями и ступнями о землю, лакала воду, грызла кости, а по ночам выла по-волчьи. Девочка совершенно не умела говорить. «Очеловечивание» шло очень медленно. Только через семь лет она освоила хождение на двух ногах, но бегала на четвереньках. За четыре года освоила только 6 слов [Реформатский 1999: 15–16].

Все эти факты говорят о том, что глубоко ошибочно считать язык явлением биологическим. В сознание каждого человека язык проникает безусловно «извне» потому, что этим языком пользуются другие люди, окружающие, а по их примеру им начинает пользо-

ваться и сам данный человек. Поэтому социальные теории происхождения языка объясняют его появление общественными потребностями и развитием сознания человека.

Социальные теории происхождения языка

К социальным гипотезам происхождения языка относят теорию «трудовых выкриков» и теорию социального договора.

Теория «трудовых выкриков» возникла в XIX веке в трудах вульгарных материалистов (Л. Нуаре, К. Бюхер). Она сводится к тому, что язык возник из выкриков, сопровождавших коллективный труд.

«Трудовые выкрики» ничего не выражали (ни эмоций, ни мыслей), а являлись лишь средствами оптимизации и согласования трудовой деятельности коллектива людей. Им не присуща ни одна из характерных для языка функций.

Теория социального договора появилась в середине XVIII века. Она опиралась на высказывания античных философов о языке (Демокрит, Платон) и отвечала рационализму XVIII века. Автором ее выступил Адам Смит. Сущность теории состоит в том, что в позднейшие эпохи развития языков возможно «договориться» о тех или иных словах, особенно в области терминологии. Недостаток – в том, что она ничего не дает для объяснения первобытного языка, так как для того, чтобы «договориться» о языке, надо уже иметь язык, на котором «договариваются».

Другие теории происхождения языка

Кроме рассмотренных выше теорий происхождения языка выделяются и некоторые другие, которые характеризуются своей спецификой. Среди них отметим социально-биологическую теорию Ф. Энгельса и учение академика Павлова о первой и второй сигнальных системах.

Социально-биологическая теория изложена Ф. Энгельсом в его работе «Роль труда в процессе превращения обезьяны в человека» и объединяет биологические и социальные предпосылки возникновения языка как реакции на потребность в разумном сообщении, где осуществляются сразу и коммуникативная, и номинативная, и экспрессивная функции языка. И язык мог возникнуть только как

коллективное достояние, необходимое для взаимопонимания, а не как индивидуальное свойство вочеловечившейся особи.

Приведем основные положения учения Энгельса о происхождении языка:

- 1) вопрос о происхождении языка нельзя рассматривать вне происхождения человека;
- 2) происхождение языка нельзя доказать научно, а можно только выдвинуть гипотезы;
- 3) проблема происхождения языка не является чисто лингвистической; ее решение может быть достигнуто только совместными усилиями представителей разных наук: истории, археологии, геологии, антропологии, биологии, палеонтологии, общей теории коммуникации, семиотики, этнографии;
- 4) язык возник вместе с человеком, и не могло быть «безъязычного человека»;
- 5) язык является одной из основных и первых характеристик человека; без языка человек не мог бы быть человеком;
- 6) так как язык — важнейшее средство человеческого общения, то он появился тогда, когда возникла потребность «человеческого общения»;
- 7) язык выражает понятия, которых нет у животных; наличие этих понятий отличает человека от животных;
- 8) факты языка с самого начала должны обладать всеми функциями настоящего языка (сообщать, называть вещи и явления действительности, выражать понятия, выражать чувства и желания);
- 9) язык возник в виде звуков [Энгельс 1984: 69–82].

Одной из гениальных гипотез о происхождении языка было **учение И.П. Павлова о первой и второй сигнальных системах**. Развитие органов чувств (зрения и слуха) и речевого аппарата сопровождалось совершенствованием нервной системы, головного мозга. Мозг человека имеет большой объем и вес (в среднем — 1350–1400 граммов). Поверхность мозга человека покрыта многочисленными извилинами, между которыми проходят борозды. У человека большая область мозговой коры находится в лобной, височной, нижнетеменной и частично в теменно-затылочной области. С этими областями головного мозга связаны процессы мышления и речи. По учению

Павлова, первая сигнальная система, свойственная человеку и животным, состоит в том, что какой-то внешний раздражитель, воздействуя через органы чувств на мозг, вызывает инстинктивную реакцию. Например, вой или рев животного. Первая сигнальная система — это система непосредственного восприятия действительности, она порождается только органами чувств. Вторая сигнальная система создается не только органами чувств, но и мозгом, который перерабатывает данные органов чувств, превращая их в сигналы второго порядка, которые становятся данными человеческого сознания. Эти сигналы второй степени существуют в виде слов [см.: Ушакова 2003: 361–362].

Первоначальный человеческий язык был примитивен и беден. Речь, очевидно, состояла из диффузных (расплывчатых) звукоподражаний. Основной единицей языка стал звуковой комплекс. Инвентарь этих звуковых комплексов был также невелик. Поэтому древнейшее слово было семантически диффузным, обозначая в разной ситуации разное, люди начинали говорить так же, как начинают лепетать дети.

Вопросы и задания для самоконтроля

1. Что такое язык?
2. Как и при каких условиях возник язык?
3. Язык — явление биологическое или психическое?
4. Язык — явление психическое или социальное?
5. Язык — это нечто материальное или идеальное?
6. Какие науки занимаются вопросом происхождения языка?
7. Какие критерии лежат в основе классификации теорий происхождения языка?
8. Можно ли доказать, что язык не является врожденным, передаваемым по наследству фактором?
9. Назовите основные гипотезы происхождения языка.
10. Раскройте основные положения звукоподражательной теории происхождения языка.
11. Изложите основное содержание междометной (или рефлексной) теории.
12. Раскройте содержание социальных теорий происхождения языка.

13. Дайте характеристику социально-биологической теории происхождения языка.
14. Раскройте содержание теории Павлова о первой и второй сигнальных системах.

Тема 3. Лингвистические антиномии

Учебные вопросы

1. Язык и речь, речевая деятельность
2. Парадигматика и синтагматика
3. Синхрония и диахрония

Язык и речь, речевая деятельность

Разграничение понятий «язык» и «речь» впервые в четкой форме было выдвинуто и обосновано швейцарским лингвистом Фердинандом де Соссюром (1857–1913). Лингвистическая концепция Ф. де Соссюра стала известна широкому кругу языковедов благодаря стараниям его учеников Ш. Балли и А. Сешэ, которые издали в 1916 году «Курс общей лингвистики», положив в его основу конспекты лекций слушателей Ф. де Соссюра. В 1957 году Р. Годель опубликовал книгу «Рукописные источники «Курса общей лингвистики», в которой он изложил результаты своего исследования архива Ф. де Соссюра, включавшего ранее неизвестные рукописные материалы. Р. Годель проследил тенденции развития научной мысли Ф. де Соссюра в процессе чтения им своего курса общей лингвистики. Исходя из своих собственных наблюдений, Р. Годель внес некоторые коррективы в содержание первого издания «Курса общей лингвистики».

Не менее кропотливую работу проделал позднее ученик Р. Годеля Р. Энглер, который издал в 1967–1974 годах «Курс общей лингвистики» с параллелями к каждому предложению из всех записей студентов и автографов Соссюра. Первый том данного издания содержит три части и представляет весь канонический текст с соответствующими ему материалами. Второй том содержит четвертую часть и представляет заметки самого Соссюра, хранящиеся в Женевском университете. Именно эта часть была переведена на русский язык Б.П. Нару-

мовым и опубликована издательством «Прогресс» в 1990 году под общей редакцией Н.А. Слюсаревой, которая написала к данному изданию вступительную статью и комментарии [Соссюр 1990].

Кроме того, Р. Энглер проанализировал научную терминологию Ф. де Соссюра и издал словарь, который включает термины, впервые введенные в научный обиход самим Соссюром, и термины, ранее существовавшие, но переосмысленные Соссюром в рамках его теории.

Необходимо отметить, что работа по изданию биографических и библиографических материалов о Соссюре не прекращается до сих пор. Продолжается изучение влияния не только Соссюра, но и его последователей, членов Женевской лингвистической школы, на современное состояние языкознания. К числу последних публикаций относится книга «Ф. де Соссюр. Заметки по общей лингвистике», составителями и издателями которой являются Симон Буке и Рудольф Энглер с участием Антуанетты Вейль [Saussure 2002]. Эта книга вышла в издательстве «Галлимар» в Париже в 2002 году и представляет собой публикацию новых рукописных материалов Ф. де Соссюра, которые были обнаружены в 1996 году в оранжерее его дома в Женеве. Издатели сочли целесообразным включить в данную книгу и другие рукописные заметки Ф. де Соссюра по общей лингвистике, которые хранятся в Женевской Публичной и университетской библиотеке и были изданы Р. Энглером в 1968–1974 годах.

Новые рукописные заметки по общей лингвистике Ф. де Соссюра составляют «Фонд Публичной и университетской библиотеки 1996 года» (Fonds BPU 1996), который состоит из нескольких частей, имеющих свои названия:

1. О двойственной сущности языка (De l'essence double du langage).
2. Новые item (Nouveaux item).
3. Другие записки по общей лингвистике (Autres écrits de linguistique générale).
4. Наброски к курсу общей лингвистики: новые материалы (Notes préparatoires pour le cours de linguistique générale: nouveaux documents).

Новые заметки Ф. де Соссюра по проблемам семиологии представляют особый интерес и заслуживают самого тщательного анализа ученых.

Рассмотрим основные положения лингвистической концепции Ф. де Соссюра, опираясь на его основной труд «Курс общей лингвистики [Соссюр 1999]. Изучение речевой деятельности (langage) распадается на две части: одна из них, основная, имеет своим предметом «язык» (langue), т. е. нечто социальное по существу и независимое от индивида... другая — второстепенная, имеет предметом индивидуальную сторону речевой деятельности, т. е. «речь» (parole), включая говорение. Оба эти предмета тесно связаны между собой и друг друга взаимно дополняют: язык необходим, чтобы речь была понятна и производила все свое действие; речь, в свою очередь, необходима для того, чтобы установился язык. Исторически факт речи всегда предшествует языку.

Под **речью** современное языковедение понимает не только устную речь, но также и речь письменную. В широком смысле в понятие «речь» включается и так называемая «внутренняя речь», т. е. мышление с помощью языковых средств (слов и т. д.), осуществляемое «про себя», без произнесения вслух.

Язык — это клад практической речи, это система знаков. Речь — индивидуальный акт воли и понимания. Язык — социален. Речь — индивидуальна. Язык есть находящаяся в распоряжении данного коллектива система элементов / единиц разных ярусов и система правил их функционирования.

Речь есть форма существования языка. Язык функционирует и непосредственно дан в речи. Но в отличие от речи он есть абстрактная сущность. Язык и речь нужно различать так же, как слово в словаре и бесчисленные случаи употребления этого слова в разных текстах с разными оттенками значения.

Отдельный акт речи, **речевой акт**, в нормальных случаях представляет собой двусторонний процесс, охватывающий говорение и протекающие параллельно и одновременно слуховое восприятие и понимание услышанного. При письменном общении речевой акт охватывает соответственно писание и чтение (зрительное восприятие и понимание) написанного, причем участники общения могут быть отделены друг от друга во времени и пространстве. Речевой акт есть проявление речевой деятельности.

В речевом акте создается **текст**. Лингвисты обозначают этим термином не только записанный, зафиксированный так или иначе текст, но и любое кем-то созданное (все равно — записанное или только произнесенное) «речевое произведение» любой протяженности — от однословной реплики до целого рассказа, поэмы или книги. Во внутренней речи создается «внутренний текст», т. е. речевое произведение, сложившееся «в уме», но не воплотившееся устно или письменно.

Почему произнесенное (или написанное) высказывание в нормальном случае будет правильно понято адресатом?

Во-первых, потому, что оно построено из элементов, форма и значение которых известны адресату (скажем для простоты — из слов, хотя элементами высказывания можно считать, как мы увидим, и другие единицы).

Во-вторых, потому, что эти элементы соединены в осмысленное целое по определенным правилам, также известным (правда, во многом интуитивно) нашему собеседнику или читателю. Владение этой системой правил позволяет и строить осмысленный текст, и восстанавливать по воспринятому тексту его содержание.

Вот эти-то элементы высказывания и правила их связи как раз и являются языком наших участников общения, частями их языка, т. е. языка того коллектива, к которому данные индивиды принадлежат.

Язык того или иного коллектива и есть находящаяся в распоряжении этого коллектива система элементов — единиц разных ярусов (слов, значащих частей слов и т. д.) плюс система правил функционирования этих единиц, также в основном единая для всех, пользующихся данным языком. Систему единиц называют **инвентарем** языка; систему правил функционирования единиц и правил порождения осмысленного высказывания (а тем самым и правил его понимания) — **грамматикой** этого языка.

Язык и речь различаются так же, как правило грамматики и фразы, в которых использовано это правило, или слово в словаре и бесчисленные случаи употребления этого слова в разных текстах. Речь есть форма существования языка. Язык функционирует и «непосредственно дан» в речи. Но в отвлечении от речи, от речевых актов и текстов всякий язык есть абстрактная сущность.

Речевая деятельность — это совокупность психофизиологических работ, осуществляемых человеком для производства речи.

Парадигматика и синтагматика

По Ф. де Соссюру, в каждом данном состоянии языка все покоится на отношениях. Отношения и различия между членами языковой системы разворачиваются в двух разных сферах. Они соответствуют двум формам нашей умственной деятельности. С одной стороны, слова в речи, соединяясь друг с другом, вступают между собой в отношения, основанные на линейном характере языка. Эти элементы выстраиваются один за другим в потоке речи. Это — синтагматические отношения, которые объединяют единицы языка в их одновременной последовательности (и/и). Синтагматические отношения присутствуют всегда «*in praesentia*» («в настоящее время»). Синтагматическое отношение основывается на двух или большем числе членов отношения, в равной степени наличных в актуальной последовательности. Типичным проявлением синтагматических отношений является предложение.

С другой стороны, вне процесса речи слова, имеющие между собой что-либо общее, ассоциируются в памяти так, что из них образуются группы, внутри которых обнаруживаются весьма разнообразные отношения. Так, слово «воспитатель» невольно вызывает в сознании множество других слов: «воспитывать», «воспитанник», «детский сад», «колония» и т. п. Нетрудно заметить, что эти отношения имеют совершенно иной характер, нежели те отношения, о которых только что шла речь. Они не опираются на протяженность, локализуются в мозгу и принадлежат языку. Это — отношения «*in absentia*» («в отсутствии»). Парадигматические отношения — это те отношения, которые объединяют единицы языка в группы, разряды, категории. На парадигматические отношения опираются, например, система согласных, система склонения, синонимический ряд. Парадигматические отношения иногда называют ассоциативными. Примером ассоциативных отношений могут быть парадигма спряжения глагола, однокоренные слова, изменение слова по падежам. Это отношения между словами по принципу «или/или».

Синхрония и диахрония

В XIX веке достойным объектом лингвистики как науки считали древние языки и поиски «праязыка». Изучение живых языков представляли школе, резко отграничивая эту область от науки. Однако успехи диалектологии, описывающей живые говоры, изучение языков народов, живущих в колониальной зависимости, и потребность в более серьезной постановке преподавания родного и иностранных языков выдвинули перед лингвистами новые задачи: создать методы научного описания данного состояния языка без оглядки на его происхождение и прошлое.

Практика вызвала и теоретическое осмысление. Крупнейшие ученые конца XIX – начала XX века Ф.Ф. Фортунатов, Боуэн де Куртене, Ф. де Соссюр выдвинули теоретические основы научного описания данного языка в данную эпоху. Б. де Куртене разделял лингвистику на статическую (описательную) и динамическую (историческую), различая в фонетике и в грамматике явления сосуществования и последования. Но наиболее подробно этот вопрос рассмотрел Ф. де Соссюр, который выдвинул идею о синхронии и диахронии. Синхрония (одновременность) представляет собой «ось одновременности, касающуюся отношений между сосуществующими вещами, откуда исключается всякое вмешательство времени». Синхрония – это как бы горизонтальный срез, т. е. состояние языка в данный момент как готовой системы взаимосвязанных и взаимообусловленных элементов: лексических, грамматических, фонетических, независимо от их происхождения, а только в силу соотношений между собой внутри целого – системы. В качестве иллюстрации этого явления Ф. де Соссюр приводит пример с деревом, поперечное сечение которого соотносится с понятием синхронии. Кроме этого, он ссылается на игру в шахматы, в которой все определяется количеством и расположением фигур на доске в данный момент, т. е. в данной синхронии. При передвижении хотя бы одной фигуры создаются новые взаимоотношения всех фигур, что приводит к новой синхронии. Синхрония языка – это то его состояние, пока он остается тождественным самому себе. Хотя изменения в языке совершаются постоянно, заметить и описать их можно лишь на некотором относительно большом промежутке времени. Поэто-

му с научной точки зрения нет необходимости понимать синхронию как минимальное физическое изменение во времени. Например, состояние русского языка в 40–90-е годы XX века – это одна синхрония. Именно потому, что синхрония охватывает достаточно протяженные отрезки времени, она не лишена динамики и, тем самым, не отделена пропастью от диахронии.

Диахрония (разновременность), по Ф. де Соссюру, это – «ось последовательности, на которой никогда нельзя увидеть больше одной вещи зараз, и по которой располагаются все явления оси со всеми изменениями» [Соссюр 1999]. Диахрония – это путь во времени, который проделывает язык. Это состояние языка при переходе от одного момента к другому. Это продольный срез дерева, это то состояние, когда игрок поднял шахматную фигуру в воздух, но еще не поставил ее.

Понятия синхронии и диахронии положены в основу двух лингвистик, а именно:

1) синхроническая лингвистика, которая занимается логическими и психологическими изменениями, связывающими сосуществующие элементы и образующими систему, и изучает их так, как они воспринимаются одним и тем же коллективным сознанием;

2) диахроническая лингвистика, которая изучает отношения, связывающие элементы, следующие друг за другом во времени и не воспринимаемые одним и тем же коллективным сознанием, т. е. элементы, последовательно сменяющие друг друга и не образующие в своей совокупности системы.

Вопросы и задания для самоконтроля

1. Какова история создания книги «Курс общей лингвистики»?
2. Какие основные антиномии рассматриваются в языкознании?
3. Что нового внес в учение о речевой деятельности Ф. де Соссюр?
4. В чем состоит суть антиномии «Язык и речь»?
5. Почему Ф. де Соссюр противопоставлял внешнюю и внутреннюю лингвистику?
6. Чем внутренняя лингвистика, по мнению Ф. де Соссюра, должна отличаться от внешней?
7. Как Ф. де Соссюр понимал синхронию и диахронию?

8. Почему Ф. де Соссюр отдавал предпочтение синхронической лингвистике?
9. Проведите анализ содержания антиномии «Парадигматика и синтагматика».
10. Дайте оценку тезиса Ф. де Соссюра «В языке нет ничего, кроме различий».
11. Назовите основные типы отношений в языке, которые различал Ф. де Соссюр.
12. Изложите идеи Ф. де Соссюра, которые были взяты на вооружение структуралистами.
13. Оцените вклад Ф. де Соссюра в мировое языкознание.

Тема 4. Теория знака и письмо

Учебные вопросы

1. Знак, сигнал, различные формы знака
2. Лингвистический знак, система и структура языка
3. Новые заметки Ф. де Соссюра по семиологии
4. Типы письма
5. Графика и алфавит
6. Орфография, транскрипция и транслитерация

Знак, сигнал, различные формы знака

Ф. де Соссюр был первым лингвистом, который применил понятие «знак» в отношении к языку [Соссюр 1999]. Он предложил рассматривать язык как систему знаков, в которой единственно существенным является соединение «смысла» и «акустического образа». Он определил лингвистический знак как двустороннюю сущность, единство «означаемого» («понятие») и «означающего» («акустический образ»), связанных по принципу произвольности. Особенность лингвистического знака состоит также в том, что его означающее является линейным, что проявляется в последовательном развертывании языковых единиц в акте речи и в строгих законах их расположения относительно друг друга. Помимо абсолютных свойств, таких как «значение», «звуковые черты», присущих лингви-

стическому знаку, Соссюр выделяет также реляционные свойства, которые в совокупности составляют «ценность» или «значимость» («valeur») лингвистического знака. Причем реляционные свойства устанавливаются по ассоциативным и синтагматическим отношениям лингвистического знака к другим лингвистическим знакам, входящим в данную языковую систему.

Вопрос о семиотической природе лингвистического знака составляет магистральное направление деятельности Женевской лингвистической школы, получившее название «соссюрологии», в задачи которой входит изучение, толкование и комментирование творческого наследия Фердинанда де Соссюра.

Ф. де Соссюр сформулировал тезис о знаковой природе языка. Наука, изучающая всякого рода знаки, любые системы знаков, называется сегодня семиотика, хотя Ф. де Соссюр предложил в свое время для этой науки другой термин – семиология.

Семиотика выделяет три вида сигналов:

1) **сигналы-индексы, естественные знаки**: о них не договаривались заранее, не было никакого предварительного соглашения о том, что будет значить тот или иной знак. Например, олень чует запах тигра. Для него это сигнал того, что тигр близко. Из окна мы видим, что люди кутаются в пальто. Для нас это сигнал того, что на улице холодно;

2) в сущности, всю информацию, которую мы получаем от явлений природы, животных, мы получаем с помощью знаков-индексов. Впрочем, не всю. Возьмем, к примеру, следы зверей. Что это? Сигналы-индексы? Казалось бы, да. Мы не договаривались с волком или зайцем, что его следы будут обозначать то, что здесь прошел волк или заяц. Эти сигналы естественного происхождения. Но у следов есть характерная особенность, которая отличает их от естественных знаков. Следы, т. е. сигналы, похожие на то, что они обозначают, похожи на волчью или заячью лапу. Их называют **сигналы-копии, или сигналы-образы**. Их особенность состоит как раз в том, что в них «содержание» и «выражение» имеют сходство между собой. Другие примеры сигналов-копий: фотографии, слепки, оттиски, отпечатки и т. п.;

3) **сигналы общения, или условные знаки**, которые и называются знаками (в узком смысле слова). Большинство сигналов, которыми пользуются люди, относятся именно к ним. Сигнал «!» не имеет ничего общего с понятием «опасность», тем не менее мы понимаем его как знак опасности, поскольку здесь имеется договоренность. Покачивание головой, которое любой из нас воспримет как знак отрицания, у болгар означает согласие. Это лишний раз доказывает, что даже, казалось бы, такие естественные сигналы, как жесты, являются условными общественными знаками.

Дым лесного пожара является сигналом, поскольку он несет информацию о том, что существует костер, хотя мы его и не видим. Но дым костра становится знаком, если мы договорились с кем-то, что он будет означать «все благополучно», или «тревога», или «я — здесь». Сигнал несет информацию. Красные, черные, белые паруса сообщают нам о своем цвете: красном, черном, белом — и только. Но когда Тезей, знаменитый греческий герой, отправляясь в плавание, договорился со своим отцом — царем Эгеем, что черные паруса на его судне будут означать беду, а белые — удачу, эта простейшая сигнализация стала системой знаков — цвет парусов стал знаком.

Лингвистический знак, система и структура языка

Лингвистический знак. Что касается человеческого языка, то это тоже система знаков. Знак — это то, когда что-то употребляется вместо чего-то: номерок вместо пальто, сданного в гардероб, меню вместо перечня блюд и т. п. Знак имеет место лишь тогда, когда что-то (некое В) преднамеренно (условно, по договоренности) ставится кем-то вместо чего-то другого (вместо А) с целью информировать кого-то об этом А. Знаковая ситуация наличествует всякий раз, когда «что-то стоит вместо чего-то другого» (*aliquid stat pro aliquot*).

В действительности обмен информацией в человеческом обществе строится на прямо противоположном принципе. Адресату сообщения предъявляются вовсе не предметы, о которых идет речь, не те или иные реальности, о которых идет речь, а некие заместители, т. е. единицы языка, например слова.

Структура языкового знака. Все знаки имеют между собой нечто общее. Всякий знак состоит из означаемого и означающего. Набор

букв, образующих слово, будет внешним материальным выражением — означающим. Смысл слова — планом содержания, означаемым. По Ф. де Соссюру, языковой знак связывает не вещь и ее название, а понятие и акустический образ. Этот последний является не материальным звучанием, вещью чисто физической, а психическим впечатлом звучания, представлением, получаемым нами о нем посредством наших органов чувств. Психический характер наших акустических образов хорошо обнаруживается при наблюдении за внутренней речью. **Языковой знак есть, таким образом, двусторонняя психическая сущность** [Соссюр 1999].

Оба элемента языкового знака — означаемое и означающее теснейшим образом связаны между собой и предполагают друг друга. Связь, соединяющая означаемое и означающее, произвольна, поскольку под знаком мы понимаем целое, возникающее в результате ассоциации некоторого означающего с некоторым означаемым. Иначе говоря, языковой знак произволен. Действительно, понятие «сестра» не связано никаким внутренним отношением с последовательностью звуков *sœur, sister, schwester*, которые служат ее означаемым, оно могло бы быть выражено любым другим сочетанием звуков.

Слово «произвольный» также требует пояснения. Оно не должно пониматься в том смысле, что означающее может свободно выбираться говорящим (в уже сложившуюся систему знаков человек не может внести никаких изменений). Это лишь означает, что эта связь немотивированна.

Система и структура языка. Знак немислим без системы знаков. Возьмем самый простой пример: что означает «!»? Школьник скажет, что это — восклицательный знак. «Осторожно» — прочтет этот знак водитель. «Сильный ход» — отметит шахматист. «Факториал» — скажет математик. И каждый из них будет прав. Одно и то же «означающее» «!» имеет четыре совершенно разных значения в четырех разных системах знаков.

С точки зрения семиотики наш обычный язык является системой знаков, существующих в обществе и для общества, как и все остальные знаковые системы. Наш простой язык на самом деле не так-то прост. Простым он кажется лишь потому, что с самых малых лет, бессознательно, мы овладели его законами и правилами. На са-

мом деле он представляет собой сложную систему знаков, с помощью которой могут быть переданы любые идеи, мысли, понятия.

Система языка — это инвентарь его единиц, объединенных в категории и ярусы по типовым отношениям. Структуру языка образуют отношения между ярусами языка. Следовательно, структура языка — лишь один из признаков системы языка. Единицы языка — его постоянные элементы, отличающиеся друг от друга назначением, строением и местом в системе. Единицы языка распределяются по ярусам. Ярус языка — это совокупность однотипных единиц и категорий языка. Основными ярусами языка являются фонетический, морфологический, лексический, синтаксический. Итак, язык — это система. Система — это совокупность элементов и отношений.

Элементы структуры языка связаны друг с другом синтагматическими отношениями (структура слова, структура предложения). Элементы системы языка связаны парадигматическими отношениями (система падежей, система гласных).

Необходимо отметить, что члены системы языка взаимосвязаны и взаимообусловлены в целом. При этом число элементов и их соотношения отражаются на каждом члене данной системы языка. Если остается один элемент, то данная система ликвидируется (например, система склонения возможна при наличии хотя бы двух падежей).

Члены системы получают свою значимость по соотношению с другими членами данной системы (например, родительный падеж при наличии отложительного (аблатива) не то, что родительный падеж в языке, где нет аблатива).

Отметим основные функции системы языка. Во-первых, система языка определяет наличие и организацию языковых элементов, так как каждый элемент языка существует в силу его отношений к другим элементам. Во-вторых, система языка является структурообразующим фактором, так как нет системы без структурной несенности элементов.

Между единицами одного уровня системы языка существуют **синтагматические и парадигматические отношения**. **Синтагматические отношения** связаны с линейностью речи, с последовательностью появления во времени элементов в речевой цепи, которая в соответствии с установленными уровнями может быть членима на

предложения, словосочетания, слова, морфемы или фонемы. **Парадигматические отношения** основаны на том, что всякая словоформа языка входит в определенную систему форм, связанных отношением противопоставления и отождествляющих множество слов по их общему грамматическому значению. Это множество образует грамматическую парадигму слова (определенной части речи). Парадигматические отношения связывают не только словоформы, но и словосочетания и предложения.

Новые заметки Ф. де Соссюра по семиологии

Знакомство с новыми рукописными материалами Ф. де Соссюра, изданными в Париже в 2002 году, позволяет проследить эволюцию взглядов женева лингвиста на основные проблемы общей лингвистики. При этом особое внимание привлекает процесс постепенного формирования концепции лингвистического знака, который рассматривается как объект особой научной дисциплины – семиологии. Рассмотрим этот вопрос детально.

Буквально в самом начале новых заметок Ф. де Соссюра обнаруживаем хорошо знакомую мысль о психическом характере знака: по этому поводу Ф. де Соссюр утверждает, что «не только значение, но также и знак является фактом чистого сознания» [Saussure 2002: 19]. Эта же мысль находит четкое выражение в ходе дальнейших рассуждений о двойственной сущности языка, когда Ф. де Соссюр выделяет две области: первую область – внутреннюю, или психическую, в которой существует как знак («*signe*»), так и значение («*signification*»), один неразрывно связанный с другим; вторую область – внешнюю, в которой существует только «знак», который в данный момент сводится к последовательности звуковых волн и заслуживает только одного названия – «голосовая фигура» («*figure vocale*») [Saussure 2002: 21]. Не случайно в данном рассуждении термин «знак» Ф. де Соссюр берет в кавычки: тем самым он явно хотел подчеркнуть условный характер термина «знак», который по существу является не знаком как таковым, а исключительно материальным объектом – «голосовой фигурой».

В ходе дальнейших рассуждений Ф. де Соссюр неоднократно подчеркивает мысль о том, что «голосовая фигура» вне своего содер-

жания – «значения» («signification») или «употребления» («emploi») относится только к физиологии или акустике. Поэтому недопустимо рассматривать форму («forme») вне ее употребления («emploi»), тем более что существует немало форм, совпадающих по своему звучанию, что не мешает нам их четко разграничивать одну от другой [Saussure 2002: 31].

Понятия «форма» («forme») и «голосовая фигура» («figure vocale») тесно соприкасаются в рассуждениях Ф. де Соссюра. «Форма есть голосовая фигура, которая в сознании говорящих субъектов детерминирована, то есть она не только присутствует, но и разграничена» [Saussure 2002: 37]. По мнению Ф. де Соссюра, «голосовая фигура» становится «формой» в тот самый момент, когда ее вводят в систему знаков («jeu de signes»), называемую языком («langue»), подобно тому куску ткани, лежавшему где-то в трюме корабля, который становится сигналом («signal») с того момента, когда его поднимают на мачту одновременно с другими кусками ткани и когда он приобретает определенное значение («signification») [Saussure 2002: 38].

К сравнению с системой морских сигналов, состоящей из разноцветных флагов, Ф. де Соссюр прибегает также, когда рассуждает о системе языка. При этом он высказывает мысль о том, что флаг в системе других флагов существует в двух формах:

- 1) первая форма существования – флаг представляет собой кусок ткани красного или голубого цвета;
- 2) вторая форма существования – флаг является знаком или объектом, который воспринимается как имеющий некоторый смысл теми людьми, которые его наблюдают [Saussure 2002: 54].

В своих рассуждениях Ф. де Соссюр нередко использует термин «signe vocal» («голосовой знак»), который принадлежит лингвистической области, в пределах которой невозможно рассматривать понятие («l'idée») вне знака, так же как невозможно рассматривать знак вне понятия. Лингвистическая область, по мнению Ф. де Соссюра, представляет собой ту область, в которой присутствует «относительная мысль» («pensée relative»), «относительная голосовая фигура» («figure vocale relative»), которые связаны между собой [Saussure 2002: 44].

Как нам представляется, в данном рассуждении уже содержится «зародыш» концепции лингвистического знака как двусторонней

психической сущности, изложенной в каноническом тексте «Курса общей лингвистики». Эта мысль Ф. де Соссюра приобретает все большую уверенность в других его заметках: «Лингвистическая область «мысли» («pensée»), которая становится «ПОНЯТИЕМ В ЗНАКЕ» («IDEE DANS LE SIGNE»), или «голосовой фигуры» («figure vocale»), которая становится «ЗНАКОМ В ПОНЯТИИ» («SIGNE DANS L'IDEE»)....»; истинно утверждать, пишет Ф. де Соссюр, что «слово есть знак понятия, а понятие есть знак слова...»; кто говорит о знаке, тот говорит и о значении («signification»), кто говорит о значении, тот говорит и о знаке («signe»)....; взять за основу только знак будет не только неправильным, но это значит ничего не сказать, потому что, как только знак теряет все свои значения в целом, он становится только голосовой фигурой» [Saussure 2002: 44]. И наконец, Ф. де Соссюр делает убедительный вывод о том, что в каждый момент существования языка лингвистически существует только то, что воспринимается сознанием, то есть то, что является или становится знаком [Saussure 2002: 45].

В языке существуют не только знаки, но и значения, которые неотделимы от знаков; а знаки не назывались бы знаками, если бы не имели значения. Нет значения вне знака, равно как нет знака вне значения. Знак и значение представляют собой две формы одного и того же концепта в нашем сознании, значение не могло бы существовать без знака. В подкрепление этого тезиса Ф. де Соссюр приводит образный пример с листом бумаги, который невозможно разрезать, не задев лицевую или обратную сторону [Saussure 2002: 98].

В одной из своих заметок Ф. де Соссюр пытается ответить на вопрос о том, что же является «знаком» в нашем непосредственном представлении о нем (Où est «le signe» dans la conception immédiate que nous nous en faisons?). В поисках ответа он обращается к простому рисунку: треугольнику, символизирующему гору, на вершине которой – небольшой флажок, обозначенный символом А. «Знаком», по его мнению, является то, что обозначено А на горе, а его природа, независимо от того, какой она может быть, материальной или нематериальной, – проста и состоит из А.

В то же время он задается вопросом о том, что представляет собой «ЗНАК» в действительности, на самом деле («Où est «LE

SIGNE» dans la réalité des choses?»). Отвечая на поставленный вопрос, Ф. де Соссюр утверждает, что знак — перед нами, а его природа (материальная или нематериальная, неважно) — сложная; она состоит не из А, даже не из а, она состоит из ассоциации а/б с устранением А, при этом невозможно обнаружить знак ни в б, ни в а, взятыми в отдельности [Saussure 2002: 131].

Данное рассуждение Ф. де Соссюра еще раз убеждает нас в присутствии мысли о «двустороннем характере» лингвистического знака, составляющие которого неразрывно связаны между собой в единое целое. Только что приведенные рассуждения Ф. де Соссюра о знаке подкрепляются выводом о том, что в конечном итоге «любой знак есть операция простого психологического порядка» [Saussure 2002: 132].

Ф. де Соссюр считает, что язык представляет собой семиологическую систему, или систему знаков, которая является достоянием общества («collectivité»). Причем с того момента, когда та или иная система знаков становится достоянием общества, возникают два важных обстоятельства. Первое обстоятельство состоит в том, что исключается сама возможность оценки системы знаков, исходя из ее внутренних или природных характеристик, свойств, поскольку исчезает сама гарантия того факта, что с того момента, когда система знаков станет принадлежать обществу, та или иная внутренняя причина сможет продолжать управлять отношением между знаком и понятием. Нам неизвестны те силы или законы, которые будут вмешиваться в жизнь этой системы знаков. Познать их или догадаться об этих процессах возможно только в результате тщательного исследования, наблюдения за ними с использованием приемов, которые значительно отличаются от представления нормальных или чисто рациональных условий «знака» по отношению к «понятию» (l'idée).

Это рассуждение Ф. де Соссюра подкрепляется сравнением языка или любой другой семиологической системы с кораблем, который уже не находится на верфи, а спущен на воду и предоставлен морю («le vaisseau qui est livré à la mer»). С того момента, как корабль оказывается в море, уже невозможно предсказать, каким будет его плавание, учитывая только особенности его внутреннего строения.

Второе обстоятельство связано с вопросом о том, какой из двух кораблей является настоящим: тот, который еще находится на вер-

фи, или тот, который уже в море? Ответ однозначный: истинным кораблем является тот, что в море.

Таким образом, Ф. де Соссюр приходит к выводу о том, что системой знаков может называться только та совокупность знаков, которая стала достоянием общества, потому что в данном случае условия функционирования системы знаков настолько отличаются, что все остальное становится неважным. И если общественная среда начинает вносить изменения в эту систему, то это значит, что она является изначально действительной средой развития, к которой стремится с момента своего образования система знаков, ибо система знаков предназначена для общества так же, как корабль предназначен для моря [Saussure 2002: 288–290].

На основании этих рассуждений Ф. де Соссюра можно сделать вывод о том, что система знаков и общество неразрывно связаны между собой, а знак по своей природе является социальным продуктом. Этот вывод подкрепляется словами Ф. де Соссюра: «семиологической считаем только ту часть явлений, которая характерно проявляется как социальный продукт» [Saussure 2002: 29].

Типы письма

Письмо – система начертательных знаков, используемых для фиксации звуковой речи с целью передачи ее на расстояние или закрепления во времени.

Письмо как знаковая система в принципе должно содержать в своем инвентаре конечное число регулярно воспроизводимых, инвариантных по своей сущности графических единиц (графем) и правил их сочетания при построении развернутых текстов. Каждая графема должна иметь своим денотатом одну и ту же единицу звучащей речи. Такой единицей может быть значащая единица (слово или морфема) или же односторонняя, незнаковая единица (слог или фонема).

Принято выделять следующие типы письма, исторически сменявшие друг друга.

1. Предметное письмо – тип письма, когда каждый предмет сам по себе что-либо прямо обозначает. Предметное письмо было распространено у народов первобытной культуры. Предметная символика была предысторией письма. Собственно письмо (начертатель-

ное) связано с использованием графических знаков для фиксации и передачи звукового ряда. Более высокая ступень предметного письма — условная сигнализация, в которой предметы, вещи используются лишь как условные знаки.

2. Пиктографическое письмо (пиктография) — тип письма, знаки которого (пиктограммы) представляют собой схематические рисунки, изображающие предметы и явления действительности.

Пиктография характеризуется, во-первых, незакрепленностью за пиктограммой конкретной единицы языка, обладающей определенным значением, т. е. пиктограмма может соответствовать слову, словосочетанию, предложению, во-вторых, невозможностью передать языковую структуру (последовательность морфем, слов, их форму, звучание), а также выразить отвлеченное содержание.

Обычно выделяют следующие разновидности пиктограмм:

- записи условий обмена предметами охоты, рыбной ловли;
- сообщения о боевых походах, сражениях, охоте;
- различные письма;
- летописи-хроники разных племен;
- надгробные мемориальные надписи;
- записи магических и заклинательных формул, легенд, обычаев, заповедей.

В наше время пиктография используется как вспомогательное средство общения в рекламе, при оформлении витрин, указателей на дорогах, в олимпийской символике, а также как художественное средство в детских рассказах в картинках.

3. Идеографическое письмо — «письмо понятиями».

В идеографическом письме сообщение расчленяется на слова, каждое из которых передается условным знаком. Знак изображает понятие, в том числе и отвлеченное. Знак соответствует слову в любой его грамматической форме.

Выделяют следующие типы идеографии:

- *рисуночная идеография* — рисунки могли иметь два значения: прямое и переносное;
- *иероглифическая* — тайное письмо жрецов; позволяло передавать более сложные и длинные тексты;
- *клинопись* — письма на глине, напоминавшие клинья; была распространена по всей Передней Азии.

Иероглифы представляют собой начертательные знаки идеографического письма. Принято выделять, во-первых, монументальные иероглифы, которые использовались в Египте для монументальных надписей на стенах храмов и общественных зданий, статуях богов, гробницах, во-вторых, линейные иероглифы, или египетскую скоропись, которая передавала лишь контуры иероглифического рисунка без внутренних деталей; такое письмо называется *иератическим*.

Сегодня используются следующие идеограммы:

- а) арифметические знаки, каждый из которых передает абстрактное понятие;
- б) химические обозначения;
- в) шахматные записи.

Основной недостаток идеографического письма состоит в том, что оно не передает грамматических значений слова. Этот факт послужил основной причиной перехода от идеографических систем письма к слоговым.

4. Силлабическое, или слоговое письмо — письмо, в котором каждый графический знак обозначает слог.

Формирование силлабического письма шло в результате внутреннего преобразования идеографического письма, в котором постепенно возникали все более и более точные способы различения слов, их значений. В силлабическом письме каждый графический знак служит изображением согласного звука в сочетании с гласным *а*. Для изображения другого гласного применяется надстрочный или подстрочный знак либо используются особые значки перед слоговым знаком или после него. Для передачи только согласного звука под слоговым знаком ставится запретительный знак. Скопление согласных в одном слогe передается *лигатурами* — сложными графическими знаками.

В слоговом письме используются особые графические знаки — **силлабемы**, которые фиксируют определенную последовательность звуков — слог того или иного типа.

К основным типам силлабического письма относятся:

- шумерское письмо позднего периода — сочетание слоговых фонограмм с многочисленными идеограммами;
- кипрское — возникло на основе критского идеографического письма;

- библосское (в финикийском городе Библе) – возникло в конце III – начале II тыс. до н. э.;
- брахми (в Индии середины V века – по имени бога Брахмы, создателя этого вида письма);
- японское письмо – сложилось в VIII веке на основе китайского письма.

Недостатки силлабического письма состоят в том, что возникают трудности в выборе правильного чтения, особенно при отсутствии слворазделов, в передаче смежных и конечных согласных слога. Кроме того, возникает громоздкость, которая проявляется в большом количестве силлабем.

5. Фонографическое, или алфавитное, или буквенно-звуковое письмо – система письма, в которой каждый графический знак обозначает отдельный типовой звук – фонему.

Главными элементами алфавитной графической системы являются буквы. Они могут иметь свои имена, обладают начертательной формой, звуковым значением, а в ряде систем письма и числовым значением. В качестве аллографов одной буквы выступают ее рукописные и печатные (машинописные и типографские) начертания. Аллографы печатных букв могут нести черты определенного шрифта. Начертание буквы и как заглавной (прописной), и как маленькой (строчной) считается аллографами одной и той же буквы, хотя заглавные часто несут дополнительную (помимо передачи звуковых значений) знаковую нагрузку.

Различают следующие виды фонографического письма:

1) *консонантно-звуковое* – графическими знаками обозначались только согласные звуки; гласные не имели отдельных букв и мысливались при чтении (финикийское, древнееврейское, арамейское, иранское, сирийское, арабское); II век до н. э.; со временем в еврейском и арабском языках стали обозначать и гласные звуки, используя для их передачи особые диакритические знаки;

2) *вокализованно-звуковое* – следующая ступень в развитии фонографического письма; I век до н. э.; прошло два этапа:

а) бустрофедон, или поворотное письмо – письмо греков, которые стали писать, в отличие от семитов, слева направо, но с поворотами: одна строка в одну сторону, вторая – в другую;

б) вокализованное письмо — латинское, возникшее в Древнем Риме на греческой основе и используемое сейчас в национальных языках многих народов; кириллица, возникшая на греческой основе и обслуживающая сейчас многие языки (русский, болгарский, сербско-хорватский, татарский, узбекский).

Графика и алфавит

Графика — раздел науки о письме, изучающий начертания букв и соотношения между буквами и звуками.

Графика формулирует правила соответствий между буквами и графемами, т. е. правила чтения и правила написания. Существуют следующие виды графики:

- а) латинская;
- б) кириллическая;
- в) арабская.

Принято выделять следующие типы письма в графике:

1) *лапидарное, или капитальное письмо*, которое характеризуется строгостью начертания и состоит преимущественно из прямых линий: вертикальных, горизонтальных и косых (такие греческие надписи высекались на камнях);

2) *уставное, или унициальное письмо*, которое характеризуется более округлыми формами букв, стремлением избегать острых углов и ломаных линий;

3) *полуустав*, который характеризуется нарушением геометрического принципа строения букв: буквы отстоят друг от друга на разном расстоянии, основные линии в строении букв становятся менее правильными;

4) *курсив* — скорописный почерк, в котором буквы связного текста поставлены не раздельно друг от друга, а соединены или сплетены между собой непрерывным движением пера;

5) *строчное, или минускульное письмо*, которое характеризуется небольшими строчными буквами, объединяющими черты устава и курсива.

В идеальной графике одна графема должна соответствовать только одной фонеме. Такой графики нет ни в одном алфавите. Буквы по соотношению со звуками неоднородны. Поэтому выделяют разные графические способы передачи отдельных фонем, а именно:

- однозначные буквы – обозначают только одну фонему (рус. ц, ч);
- многозначные буквы – в зависимости от позиции фонемы в слове могут обозначать несколько звуков (рус. п, б, м, ф, в, т, д);
- сочетания двух или большего числа букв для передачи одной фонемы;
- лигатуры – соединение в одном звуке о и е, а и е;
- диакритические знаки, которые, сочетаясь с буквами основного инвентаря, обеспечивают передачу фонем, служат обозначению просодических свойств (ударение, тон, долгота), обеспечивают разграничение на письме слов-омонимов.

К числу графем могут быть отнесены и знаки препинания, которые выполняют скорее вспомогательные функции: они могут членить высказывание и указывать на характер связи между выделенными фрагментами высказывания; они могут различать коммуникативную целеустановку предложения, а также выполнять функцию цитации.

Алфавит. Алфавит представляет собой совокупность букв без какого-либо фонемографического письма, расположенных в исторически установленном порядке. В алфавитной системе письма отдельная буква передает один звук. Иногда буквы объединяются по две, три или четыре для обозначения одной фонемы. Как известно, практически все современные алфавиты происходят от финикийского, который состоял из 22 букв. Названия этих букв были образованы от слов, которые обозначают предметы, начинающиеся с соответствующих звуков.

Развитие современных алфавитов шло в трех направлениях:

- 1) южное – на основе первичной формы финикийского линейного алфавита: малоазийские алфавиты, вымершие в начале новой эры, современное эфиопское письмо;
- 2) восточное – на основе скорописной, или курсивной формы финикийского письма: арамейский алфавит, распространенный на Ближнем и Среднем Востоке, положил начало восточным алфавитам;
- 3) западное – на основе преобразованного финикийского алфавита: греческий алфавит, на основе которого сложились латинский (из западно-греческого письма) и славянский (из восточно-греческого письма) алфавиты.

Славянский алфавит возник в IX–X веках и имеет две азбуки:

- 1) глаголица: в IX веке употреблялась в Моравии, Болгарии и Хорватии, а в XVIII веке была вытеснена на востоке и юге кириллицей, на западе – латиницей;
- 2) кириллица – творческая переработка византийского алфавита (новогреческого уставного письма VII–VIII веков), из которого были заимствованы 24 буквы, остальные 20 букв – заимствования из других алфавитов или литературные сочетания букв кириллицы.

Что касается современного русского алфавита, то он возник на основе кириллицы в результате следующих преобразований:

- 1) реформы Петра I: в XVIII веке из кирилловского алфавита были исключены буквы пси, кси, омега, ижица, иже, были упрощены начертания отдельных букв и введены новые буквы а, э, й;
- 2) реформы Академии наук в 1917–1918 годах: были исключены из состава алфавита буквы ять, фита, і.

Орфография, транскрипция и транслитерация

Орфография (греч. *orthos* – правильный, *grapho* – пишу) – **система правил, устанавливающих одинаковое написание одних и тех же слов.**

Орфография предписывает выбор между возможными в графике данного языка способами фиксации на письме конкретных слов и морфем.

Выделяются следующие разделы орфографии:

- а) правила о написании слов и их значимых частей (т. е. об обозначении звуков буквами);
- б) о слитных, дефисных и раздельных написаниях слов;
- в) о переносе слов с одной строки на другую;
- г) об употреблении прописных и строчных букв.

Центральный раздел орфографической системы – раздел о написании слов и их значимых частей. Все правила сводятся к нескольким принципам. Определим основные типы передачи на письме звуков.

1. Фонетический тип, который требует писать так, как слышится. Этот тип сосуществует с другими принципами, является преобладающим в белорусской орфографии.

2. Морфологический, или фонематический тип, который предполагает одинаковое написание морфемы независимо от изменения ее звучания.

3. Исторический, или традиционный, или этимологический тип, в соответствии с которым требуется писать слова так, как они писались в прошлом, даже если такие написания расходятся с современными представлениями о звуковом и морфемном составе слова.

4. Принцип морфолого-графических аналогий, который требует одинакового графического оформления слов, относящихся к одной и той же грамматической категории.

5. Дифференцирующий принцип, который требует разграничить на письме лексические омонимы, точнее – омоформы, когда два слова или две формы слова, имеющие тождественный фонемный состав, различаются лишь орфографически.

Транскрипция – особая система письма, применяемая для точной передачи звукового состава устной и письменной речи.

В зависимости от того, какие звуковые единицы являются предметом транскрипции, различают следующие типы транскрипции:

а) **фонетическая транскрипция**: используется для передачи слова в полном соответствии с его звучанием, т. е. с ее помощью фиксируется звуковой состав слова (фиксируются не только фонемы как инвариантные сущности, но и их варианты: аллофоны и факультативные варианты); ее знаки заключаются в квадратные скобки;

б) **фонематическая транскрипция** – для передачи фонемного состава слова или морфемы; ее знаки принято заключать в косые скобки;

в) **практическая транскрипция** – для передачи иноязычных слов средствами национального алфавита.

Транскрипция может осуществляться средствами графики своего языка. Для нужд общей фонетики требуются транскрипционные системы универсального назначения, пригодные для фиксации особенностей звучащей речи на любом языке и более или менее общепринятые в международных лингвистических кругах. Они используются в качестве фонетических символов знаки латинской графики с добавлением знаков из других графических систем.

К наиболее распространенным универсальным транскрипционными системам относятся, во-первых, система МФА (Международной фонетической ассоциации) в разных ее версиях – имеются

символы для обозначения степеней силового ударения, тона и характера музыкального ударения, дополнительных артикуляционных свойств звуков (палатализованность, веляризованность, придыхательность, огубленность, назализованность, отодвинутость назад, продвинутость вперед), во-вторых, восходящая к системе МФА система Л.В. Щербы, которая включает дополнительные символы для обозначения особенностей артикуляции.

Транслитерация – это побуквенная передача слова (чаще всего имен собственных), записанного средствами одной графической системы с помощью средств другой системы.

Имеются международные системы транслитерации, а именно:

- а) разработанная Академией наук СССР (ныне РАН);
- б) разработанная ISO (International Standard Organisation), которая широко распространена в электронной переписке и включает буквы с диакритическими элементами, опираясь на английскую графику.

Вопросы и задания для самоконтроля

1. Что такое семиотика?
2. Что такое знак?
3. Каковы основные свойства знака?
4. В чем состоит специфика языкового знака?
5. Что представляет собой система языка в «Курсе общей лингвистики»?
6. Согласны ли вы с тем, что связь между означающим и означаемым языкового знака произвольна?
7. Чем концептуальная ценность языкового знака, по Соссюру, отличается от материальной ценности?
8. Дайте оценку соссюровской концепции языкового знака.
9. Определите понятие письма.
10. Назовите основные типы письма.
11. Определите соотношение между письмом и графикой.
12. Определите понятие алфавита.
13. Назовите основные направления развития алфавитов.
14. Раскройте понятие орфографии.
15. Определите назначение транскрипции.
16. Определите понятие транслитерации.

Тема 5. Фонетика

Учебные вопросы

1. Фонетика, акустика и физиология речи
2. Основные функции произносительных органов
3. Классификация звуков речи

Фонетика, акустика и физиология речи

Фонетика (др.-греч. φωνή — звук, голос) — наука о «звуковом материале» языка, об использовании этого звукового материала в значащих единицах языка и речи, об исторических изменениях в звуковом материале языков и в приемах использования этого материала. Третий аспект исследования звукового материала языка, который можно назвать функциональным, выделился в особую область, которая называется **фонологией**.

Звуки, слоги, ударения, интонация и т. п. изучаются фонетикой с нескольких точек зрения:

- 1) с точки зрения их физических (акустических) признаков;
- 2) с точки зрения работы, производимой соответствующими органами человека:
 - а) при произнесении;
 - б) при слуховом восприятии речи;
- 3) с точки зрения использования всех этих звуковых единиц и звуковых явлений в языке, т. е. роли этих единиц и явлений в обеспечении функционирования языка как средства человеческого общения.

Фонетика имеет большое практическое значение. Без фонетики как науки были бы невозможны правильная методика обучения письму и чтению, постановка произношения при изучении иностранных языков, создание рациональной системы письма для бесписьменных языков и усовершенствование существующих систем письма, успешное лечение дефектов речи и т. п.

В последнее время перед фонетикой поставлены сложные задачи, которые связаны:

- 1) с необходимостью увеличить пропускную способность телефонных линий;
- 2) обучением машины распознавать информацию, передаваемую человеческим голосом;
- 3) потребностью синтезировать (искусственно создавать) человеческую речь и достижением при этом её естественного звучания.

Фонетика имеет принципиальное значение для всех областей языкознания и для некоторых смежных наук (например, психологии, физиологии слуха и т. д.). Ведь фонетика изучает *звуковой материал языка*, в котором, по существу, воплощается человеческая мысль в процессе речевого общения. При изложении различных вопросов фонетике приходится пользоваться специальными видами письма, той или иной научной транскрипцией, в основе которой лежит принцип постоянного однозначного соответствия между звуковой единицей и письменным знаком.

Каждый звук, произносимый в речи, есть физическое явление — колебательное движение, передаваемое через воздух и воспринимаемое человеческим слухом. Это колебательное движение характеризуется определенными физическими (акустическими) свойствами.

Колебания, воспринимаемые слухом, могут быть равномерными, периодическими, и тогда соответствующий звук называют *музыкальным тоном* или просто *тоном*. Если же колебание является неравномерным, непериодическим, мы имеем дело с *шумом*.

В языковых звуках сочетаются элементы и тона, и шума. При чем тоны возникают в результате колебания голосовых связок в гортани, а также ответных (резонаторных) колебаний воздуха в надгортанных полостях. Шумы возникают в результате преодоления воздушной струёй разного рода преград в речевом канале.

Гласные — это в основном тоны; глухие согласные (напр. [k, t, f]) — это шумы; у согласных сонантов [r, l, n, m] тон преобладает над шумом, а у звонких шумных [g, d] — шум преобладает над тоном.

Звуки характеризуются **высотой**, которая зависит от частоты колебаний голосовых связок (чем больше колебательных движений в единицу времени, тем выше звук).

Звуки характеризуются **силой** (интенсивностью), которая зависит от амплитуды (размаха) колебания. Звуки обладают также большей или меньшей **длительностью** (долготой).

Звуки различаются благодаря их специфической окраске, называемой **тембром**. Специфический тембр каждого звука создается *резонансными характеристиками, иначе — дополнительными тонами*, которые наслаиваются на основной тон (он возникает в результате колебания голосовых связок), а также на *шумы*.

Явление резонанса состоит в том, что колебания звучащего тела вызывают ответные колебания другого тела или воздуха, находящегося в полном сосуде, в замкнутом пространстве и т. д. При образовании звуков речи роль резонатора выполняют полости рта, носа, глотки благодаря разнообразным движениям органов речи (языка, губ, небной занавески и т. д.); форма и объём резонатора, степень упругости его стенок меняются, что и ведет к появлению разных по высоте и интенсивности резонаторных тонов. В результате этого создается качественное разнообразие звуков.

Применяемые в настоящее время электроакустические методы исследования звуков дают возможность разложить звук на составляющие его тоны, т. е. получить его *спектр*, выделяя в нем отдельные полосы концентрации частот — так называемые **форманты** [F]. С помощью разного рода спектрографов получают формантную структуру каждого звука, что позволяет точно измерить и охарактеризовать отдельные форманты, которые определяют тембр звука.

Каждый звук есть не только физическое явление, но и результат определенной работы человеческого организма, а также — объект слухового восприятия, связанного с определенными процессами, происходящими в организме.

Рассмотрение звуков языка и речи с точки зрения процессов, происходящих в организме при произнесении этих звуков и при их восприятии, составляет содержание биологического или физиологического аспекта в изучении звуков языка и речи.

Произнесение человеком того или иного звука речи представляет собой физиологический процесс, который включает:

- 1) определенный импульс, поступающий из головного мозга (из моторного центра речи — центра Брока);
- 2) передачу этого импульса по нервам к органам, непосредственно выполняющим данную «команду»;
- 3) сложную работу дыхательного аппарата (легких, бронхов, трахеи), диафрагмы и всей грудной клетки, так как без воздушной струи,

создаваемой дыханием, не могут быть нормально образованы звуки речи;

- 4) сложную работу произносительных органов, голосовых связок, языка, губ, небной занавески, стенок глотки и определенные движения нижней челюсти, обеспечивающие нужный угол раствора полости рта.

Совокупность всех работ дыхательного аппарата и движений произносительных органов, которые необходимы для произнесения соответствующего звука, называется **артикуляцией** этого звука.

Основные функции произносительных органов (ПО)

Активные ПО выполняют движения, необходимые для произнесения звука (голосовые связки, язык, губы, небная занавеска).

Пассивные ПО служат лишь «точкой опоры» для активного органа (нёбо, альвеолы, задняя стенка верхних зубов).

Голосовые связки, натягиваясь благодаря движению мускулов и хрящей гортани наподобие струн музыкального инструмента, приходят при прохождении воздуха через голосовую щель в колебательное движение, создающее музыкальный тон. Этот тон и называется **голосом**.

Голос используется при образовании гласных, сонантов [l, r, m, n], звонких шумных согласных [g, d, b].

Звуки, произносимые без участия голоса, называются глухими (напр. [k, t, s]).

В некоторых языках есть так называемые *гортанные согласные*, представляющие собой либо шум от взрыва гортанной смычки, т. е. от разрыва плотно сомкнутой голосовой щели (напр., «Knocklaut», или «fester Einsatz», нем. язык), либо шум, возникающий при сужении голосовой щели от трения воздуха о её края.

Надгортанные полости, т. е. полость глотки, полость рта и полость носа выполняют функцию подвижного резонатора, создающего резонаторные тоны. Кроме того, при образовании всех согласных (кроме гортанных) в разных точках полости рта (или глотки) или на выходе из полости рта возникает то или иное препятствие на пути воздушной струи. Это препятствие может носить разный характер: при плотном соприкосновении произносительных органов

образуется *смычка*, а при достаточном сближении их друг с другом – *щель*. Так, при произнесении [b], [t] в словах «баба», «там» воздушная струя с коротким шумом выталкивается в момент взрыва смычки. А при произнесении [v, f, s] воздух с шумом трения проходит через узкую щель.

Язык играет наиболее активную роль при артикуляции большинства звуков; это подвижный орган, способный принимать различное положение. Язык может оттягиваться назад, сжимаясь в комок и освобождая большое резонаторное пространство в передней части полости рта (при произнесении гласных «заднего ряда» – [o, u]), или, напротив, подаваться всей массой вперед, расширяя резонаторное пространство позади (при образовании гласных «переднего ряда» [e, i]).

При движении распластанного языка вверх произносятся гласные «смешанного ряда», например [ы].

Разной оказывается степень подъема языка. Наименьшая степень подъема, а следовательно, максимально широкий приход для воздуха наблюдается при [a], наибольшая степень подъема и, соответственно, наиболее узкий проход при [u, ы, i].

При произнесении так называемых «язычных согласных»

– заднеязычных [к, г, х]

– среднеязычных [ж]

– переднеязычных [т, д, с, л]

язык разными своими частями сближается с пассивными органами – нёбом, альвеолами, задней стенкой верхних зубов, образуя либо *смычку* (при [к, г, т, д]), либо *щель* (при [х, ж, с]).

Кроме создания преграды, язык и при произнесении согласных выполняет движения, меняющие форму и объем резонатора. Так, при образовании всех русских «мягких» согласных средняя часть стенки языка поднимается к твердому нёбу, придавая согласному специфическую окраску на [i]. Эту дополнительную артикуляцию языка называют палатализацией и соответствующие (мягкие) согласные – палатализованными (лат. *palatum* – нёбо).

При образовании некоторых согласных, например русского [л], имеет место *веляризация* – подъем задней части языка в направлении к мягкому нёбу.

Губы, вытягиваясь вперед и округляясь, удлиняют общий объем резонатора полости, меняют его форму. Это создает особую окраску так называемых огубленных (лабиализованных) звуков, например гласных [o, u].

При произнесении губных согласных губы создают препятствие на пути воздушной струи. Так образуются, во-первых, губно-губные (билабиальные) согласные, смычные, например [p, b], шелевые – [w] (wall), во-вторых – губно-зубные (лабио-дентальные), в частности, шелевые [f, v].

Небная занавеска может принимать поднятое положение, закрывая проход в полость носа, либо опускаться, открывая проход в носовую полость, тем самым подключая носовой резонатор; в этом последнем случае образуются носовые согласные, например [m] (она бы) [b] + носовой резонатор), [n] (она бы [d] + носовой резонатор) и назализованные гласные [ã].

Активными органами в полости рта являются при произношении некоторых звуков также:

язычок, например, при произнесении «языкового» («увулярного»), дрожащего согласного [R];

в некоторых языках **задняя стенка глотки** – при произнесении так называемых фарингальных согласных, например, глухого шелевого [h] в англ. *house*, звонкого шелевого [ġ] в укр. *gora*.

Классификация звуков речи

Учитывая разнообразные работы произносительных органов (ПО), мы получаем так называемую анатомио-физиологическую (или артикуляционную) классификацию звуков. Первое и главное членение в этой классификации – членение на *гласные и согласные*.

Гласные – это звуки-«ртораскрыватели», при артикуляции которых речевой канал в надгортанных полостях свободен, открыт и ток воздуха не встречает препятствий. Для гласных характерна общая напряженность мускулов всего произносительного аппарата, относительно слабая воздушная струя. Гласные классифицируются прежде всего по работе языка, учитывая ряд (передние, задние и смешанные, а также и более дробные подразделения – «передние отодвинутые назад», «задние продвинутые вперед» и т. п.). Вторым существенным моментом является **работа губ**: различают

огубленные и неогубленные гласные. В ряде языков гласные классифицируются по работе небной занавески (неносовые и носовые – фр. яз.), иногда по долготе (долгие и краткие).

Согласные могут быть названы «ртосмыкателями», при их произнесении возникает какая-либо преграда на пути воздушной струи. У согласных есть место образования («фокус»). Для согласных типичны сосредоточенное мускульное напряжение в месте образования преграды и более сильная воздушная струя. Классификация согласных имеет сложный характер.

1. Согласные делятся:

- а) на *сонанты* – при этом голос преобладает над шумом;
- б) *шумные*: 1) шумные звонкие: произносятся с участием голоса;
- 2) шумные глухие: произносятся вовсе без голоса.

Деление на сонанты и шумные происходит по соотношению шума и голоса в образовании согласных.

2. Согласные делятся также по способу образования шума, т. е. по характеру преграды:

- 1) на смычные [р, б];
- 2) шелевые [с];
- 3) дрожащие [р].

Среди смычных выделяют:

- 1) взрывные, у которых смычка заканчивается взрывом – [р, т, к, б, д, г] (в положении перед гласными);
- 2) аффрикаты, у которых смычка без взрыва переходит в щель: [с] – царь, [ç] – чай.

3. Деление согласных по активному артикулирующему органу:

- а) губные; б) переднеязычные; в) среднеязычные; г) заднеязычные;
- д) увулярные; е) фарингальные; ж) гортанные.

Вопросы и задания для самоконтроля

- 1. В чем состоит предмет фонетики?
- 2. Какие основные задачи рассматривает фонетика?
- 3. Какова физическая природа речи?
- 4. Какие функции выполняют произносительные органы?
- 5. Что представляют собой активные органы речи?
- 6. Какие функции выполняют активные органы речи в образовании звуков?
- 7. Какие органы речи являются пассивными?

8. Какие функции выполняют пассивные органы речи в образовании звуков?
9. Дайте характеристику артикуляционной базы языка.
10. Укажите критерии классификации звуков речи.
11. Дайте характеристику гласных.
12. Определите роль небной занавески в производстве звуков.
13. Дайте характеристику согласных.
14. Сравните сонанты и шумные.
15. Определите специфику образования аффрикатов.
16. Определите отличие взрывных от аффрикатов.

Тема 6. Фонетическое членение речи

Учебные вопросы

1. Основные единицы речевого потока
2. Слог и теории слогаделения
3. Взаимодействие звуков в речевом потоке

Основные единицы речевого потока

С фонетической точки зрения **речь** — непрерывный звуковой поток, или цепь звучаний, следующих друг за другом во времени. Звуковой поток расчленяется на единицы речевой цепи, а именно:

текст — самая крупная единица, ограничена паузами и имеет собственный звуковой рисунок;

фраза — вторая по величине фонетическая единица; в речевом потоке фразы разделяются паузами и интонационно оформлены;

речевой такт, или **фонетическая синтагма** — интонационно-смысловое единство входящих в него знаменательных слов, образующих одну ритмомелодическую группу; часть фразы, ограниченная паузами и характеризующаяся интонацией незаконченности;

фонетическое слово — часть речевого такта, объединенная одним ударением; незначащие слова (предлоги, союзы, частицы, артикли), не имея своего ударения, примыкают спереди или сзади к знаменательному слову, образуя с ним одно фонетическое слово;

слог — часть фонетического слова; минимальная произносительная единица речи, состоящая из одного или нескольких звуков, объединенных в фонетическое целое;

звук речи — наименьшая единица речевого потока; часть слога, произнесенная за одну артикуляцию.

Ритм речи — чередование речевых тактов, или фонетических слов.

Фонетическое слово может быть не равно слову в его лексическом и грамматическом понимании, если к знаменательному слову примыкает спереди или сзади односложное служебное слово, не имеющее ударения.

Слова, теряющие ударение, называются **клитками** и подразделяются:

- на **проклитики**, которые примыкают спереди к следующему за ними знаменательному ударному слову;
- **энклитики**, которые примыкают сзади к предшествующему ударному слову.

Слог и теории слогаделения

Членение речевого потока на слоги наблюдается во всех языках мира. При этом очень трудно бывает уловить точное место слогоразделения, место границы между двумя соседними слогами. В первом приближении слог может быть определен как минимальная производительная (артикуляционная) единица речи.

Слог может быть либо из одного звука, либо из нескольких звуков, соседствующих в речевой цепи и определенным образом объединенных в некое неделимое целое.

Чаще всего *вершину*, *ядро* слога образует тот или иной гласный звук, а на периферии слога располагаются согласные.

Ср. чай-ник, до-мик, ра-злу-чить.

Различают в основном два типа слогов: открытый и закрытый.

Открытым слогом называется такой, который заканчивается слогообразующим звуком (т. е. отсутствует «задняя периферия»), например, все слоги в русском языке: ма-ма, в чешском языке: vt-ba.

Закрытым слогом называется такой, который заканчивается неслоγοобразующим звуком, например: мать, дай.

Есть языки, в которых возможны только открытые слоги (например, общеславянский (праславянский) язык); близок к этому типу современный японский язык, который только в некоторых случаях допускает закрытые слоги.

В современных славянских языках, в том числе в русском, открытые слоги более распространены, чем закрытые: в середине слова большинство слогов в русском языке – открытые, даже при наличии интервокальных групп согласных, например: и- зба, а- ктер.

Закрытыми внутри слова являются лишь некоторые слоги, в частности все, заканчивающиеся фонемой [j] перед другим согласным (причем [j] в этих случаях произносится как [i], например: чай-ка [č`æi- кь]). Только на конце слов широко представлены в русском языке и закрытые слоги.

В современном языкознании существует несколько теорий слога.

1. Экспираторная теория, которая считает слог выдыхательным толчком воздуха. Границей слога считается момент самого слабого выдыхания.

2. Сонорная теория слога (Отто Есперсен, датский лингвист).

Известное противопоставление «гласные – согласные», которое существует во всех языках, не является достаточным для понимания природы слога. При учете всех остальных противопоставлений звуки выстраиваются в следующий ряд:

широкие – средние – узкие гласные – сонанты – звонкие щелевые – глухие щелевые – звонкие и глухие смычные.

От начала этого ряда к его концу постепенно уменьшается типичность и сама возможность использования звуков в качестве ядра слога, но постепенно возрастает типичность их использования в «периферическом» положении (см. следующую схему):

Гласные			Сонанты			Шумные щелевые		Звонкие и глухие смычные
а	е, о	і, u	г	l	носо- вые	звонкие (v и др.)	глухие (s и др.)	
Использование в качестве ядра						Использование в периферийном положении		
								////////////////////
								//////////
								//////////
								//////////
								//////////
								//////////
								//////////
								//////////
								//////////
								//////////

В соответствии с сонорной теорией, сонорность, или звучность звуков, постепенно падает от левого края схемы к правому краю, т. е. параллельно способности этих звуков быть вершиной слога. В рамках слога мы обычно наблюдаем сочетание звуков большей и звуков меньшей сонорности, причем первые составляют вершину, а вторые — начало или конец слога. Хотя сонорная теория получила широкое распространение в науке, она сама по себе не объясняет, почему слогораздел проходит именно там, где он проходит, не указывает, от чего зависит, например, отнесение того или иного согласного к предшествующему или последнему слогу. Эта теория не может объяснить более трудных случаев, например таких, как русское «мхи», «мга», «лжет» и т. д. В каждом из этих слов — один слог, но два «пики звучности» — на начальном сонанте и на гласном.

Именно для преодоления этих затруднений была предложена другая теория слога — **теория мускульного напряжения**.

3. Теория мускульного напряжения (Граммон, Щерба) рассматривает слог как отрезок звучания, произносимый одним импульсом мускульного напряжения произносительного аппарата.

Известно, что общее мускульное напряжение речевого аппарата («разлитая напряженность») характеризует гласные в отличие от согласных, а среди согласных свойственна сонантам в большей мере, чем шумным. Вместе с тем степень мускульного напряжения не является постоянной для отдельных категорий звуков. Мускульное напряжение может существенно измениться в пределах произнесения отдельного звука и, в частности, в пределах согласного: оно может увеличиваться или, напротив, уменьшаться, с чем и связана разная трактовка согласных и групп согласных, находящихся между гласными. В свете теории Щербы слог рассматривается как отрезок звучания, произносимый одним импульсом мускульного напряжения произносительного аппарата. В рамках каждого слога мускульное напряжение нарастает, достигает максимума и затем падает. Именно единством импульса и объясняется отмечаемая исследователями неделимость слога с произносительной точки зрения. В итоге получается, что слоговая структура речи основана на своего рода пульсации, на сменяющих друг друга моментах нарастания и спада мускульного напряжения, причем чаще всего параллельно происходят

такие нарастания и спад звучности. Звуки или группы звуков, стоящие рядом в речевой цепи, как правило, в большей или меньшей мере контрастируют друг с другом (при этом наиболее типичен контраст «гласный – согласный»), и контрастирование воспроизводится вновь и вновь с каждым следующим слогом в потоке речи.

4. Артикуляционно-акустическая теория, определяющая слог как минимальную произносительную единицу речи, элементы которой тесно переплетены между собой как акустически, так и артикуляционно.

Взаимодействие звуков в речевом потоке

В звуковой цепи связной речи звуки влияют друг на друга, что приводит к их видоизменению, или **модификациям**.

Эти модификации называются **позиционными** и представлены двумя видами:

1) **комбинаторные**, вызванные взаимодействием между артикуляциями звуков, находятся в потоке речи в непосредственном или близком соседстве друг с другом;

2) **собственно позиционные**, связанные с действием таких факторов, как положение звука в неударном слоге, положение его на конце слова и т. д.

Среди комбинаторных изменений выделяют:

- **аккомодацию** – изменение в артикуляции согласных под влиянием соседних гласных и в артикуляции гласных под влиянием соседних согласных, например, в русском языке согласные перед огубленными гласными [и, о] лабиализуются, т. е. произносятся с огублением: бра(т)а [t], бра(т)у [t°u].

В данном случае наблюдается так называемая **регрессивная аккомодация**, когда артикуляция последующего звука влияет на артикуляцию предыдущего.

Гласные в русском языке подвергаются как регрессивной, так и прогрессивной аккомодации: под влиянием предшествующего палатализованного согласного в начале гласного возникает легкий i-образный призвук, под влиянием же последующего палатализованного согласного вся артикуляция гласного становится несколько иной: для гласных переднего ряда – более высокой по степени подъема языка, а для гласных заднего ряда – несколько продвинутой вперед;

• **ассимиляцию (уподобление)** – когда артикуляция согласного влияет на артикуляцию согласного или артикуляция гласного на артикуляцию гласного:

а) замена звонких согласных глухими в положении перед глухими:
лодочка – лодка [ТК]

б) замена глухих согласных звонкими в положении перед звонкими:
к реке [k p`eke]; к домам [g domam];

• **диссимиляцию (расподобление)** – явление, противоположное ассимиляции, например:

а) колидор (простореч.) вместо коридор – дистантная диссимиляция двух дрожащих;

б) февраль вместо февварь (др.-рус.);

в) легко, мягко [x] вместо [г] (легко, мягко);

г) скучно, конечно [š] вместо [č].

К собственно позиционным изменениям относится **редукция (ослабление)** в неударных слогах. В русском языке гласный –а звучит неодинаково в словах мал [mal], малыш [ma'ыš], малыши [т'ьыш`ы].

Полная степень редукции – это полное исчезновение гласного в неударном слоге и даже всего слога, включая и согласные:

а) *апоко́па*: отпадение конечного гласного или конечной части слова: «Петь» вместо «Петя»; «чтоб» вместо «чтобы»;

б) *синко́па*: выпадение гласного или нескольких звуков не на конце слова: «Иваныч» вместо «Иванович».

Вопросы и задания для самоконтроля

1. Каким образом происходит фонетическое членение речи?
2. Какие единицы относятся к речевому потоку?
3. Что такое ритм речи?
4. Какие слова теряют ударение?
5. Что такое слог?
6. Какие основные типы слогов выделяются в фонетике?
7. Какие тенденции проявляются в слогаделении?
8. Каким образом осуществляется взаимодействие звуков в речевом потоке?
9. Назовите позиционные модификации звуков.
10. Определите комбинаторные изменения звуков.

11. Дайте определение ассимиляции звуков.
12. Назовите особенности диссимиляции звуков.
13. Определите процесс аккомодации звуков.
14. Дайте характеристику редукции звуков.
15. Определите явление апокопы.
16. Сравните апокопу и синкопу.

Тема 7. Просодика

Учебные вопросы

1. Просодические явления
2. Словесное ударение, его функции и типы
3. Слоговой акцент
4. Фразовая интонация

Просодические явления

Единицы, рассмотренные в предыдущих параграфах – фонемы и слоги, являются единицами линейными, или сегментными, т. е. такими, которые представлены отрезками (сегментами) той или иной протяженности (фонами, слогами в речи), следующими друг за другом в речевой цепи. Кроме такого рода единиц поток речи характеризуется также супрасегментными (или суперсегментными) особенностями, которые как бы наслаиваются на линейную цепочку сегментных единиц, т. е. реализуются всегда одновременно с теми или иными сегментными единицами. Супрасегментные особенности звуковой материи языка, называемые просодическими явлениями, включают: мелодику (движение высоты основного тона голоса); изменения интенсивности (силы) звучания и темпа произнесения тех или иных отрезков; использование и характер пауз; наконец, некоторые тембровые характеристики. Просодические явления наблюдаются в рамках разных единиц языка: в слоге – так называемый слоговой акцент в ряде языков; в слове – словесное ударение (в международной терминологии – акцент); в рамках единиц связной речи – фразовая интонация (включающая и разные виды фразового ударения). Раздел науки о языке, изучающий словесное ударение и слоговой акцент, называется а к ц е н т о л о г и е й ; раздел,

изучающий фразовую интонацию, — просодикой (в узком смысле), или интонологией.

Словесное ударение, его функции и типы

Обычно словесное ударение заключается в том, что в слове (или в группе, состоящей из знаменательного слова и одного или нескольких служебных) с помощью тех или иных звуковых средств подчеркивается один вполне определенный слог, а иногда — в меньшей мере — еще и другой или другие слоги. Так, в русском слове *новая* всегда подчеркивается первый слог, в *под окном* — последний слог, в да *знаешь ли?* — второй слог, в немецком слове *Eisenbahn* (железная дорога) — первый и в меньшей степени третий слог и т. д. Слоги, несущие ударение, называют ударными (или ударенными), остальные же — безударными (или неударенными). Способы звукового выделения, используемые словесным ударением, разнообразны.

Так, ударный слог может произноситься с большей интенсивностью — так называемое динамическое, или силовое, ударение. Он может удлиняться (чаще за счет своего гласного) — количественное, или количественное, ударение. Он может выделяться повышением или понижением тона — музыкальное, или тоническое, ударение. В ряде языков наблюдается также качественное ударение — особое качество звуков, составляющих ударный слог.

Перечисленные способы звукового выделения выступают обычно не изолированно, как «чистые» типы, а в тех или иных сочетаниях друг с другом. Например, в русском языке словесное ударение издавна считалось динамическим, но более новые исследования показали, что оно в большей мере является количественным: ударный слог не только громче, но прежде всего продолжительнее безударного (в среднем в 2–3 раза). Кроме того, важную роль в русском словесном ударении играет и качественный момент — тембровая окраска ударенного гласного.

В двусложных и многосложных словах подчеркивание того или иного слога имеет место на фоне соседних, не подчеркиваемых слогов. Между ударным и безударными слогами одного и того же слова наблюдается отношение контрастирования. Но словесное ударение характеризует и односложные слова. Сравним предложения, со-

стоящие из одних только односложных ударенных слов, например: «Дней бык пег» (Маяковский), «Тут брат взял нож». Почему, несмотря на отсутствие в этих случаях контраста с безударными слогами, мы ясно ощущаем ударенность всех слов в приведенных примерах? Ответ на этот вопрос может быть только один: потому, что, хотя фона безударных слогов поблизости нет, в языке *он* все-таки есть. В системе русского языка в целом ударные и безударные слоги определенным образом противопоставлены друг другу, это противопоставление сохраняет свою силу и в тех случаях, когда в рамках того или иного высказывания безударных слогов почему-либо не окажется вовсе. В этих случаях явственно выступает качественная, тембровая сторона русского ударения, которая меньше, чем другие его стороны, нуждается в «поддержке» при помощи непосредственного контраста: все гласные фонемы в наших примерах — /а/ в *брат, взял*; /о/ в *нож*; /у/ в *тут*; /е/ в *дней, пег*; /ы/ в *бык* — выступают в своих ударных вариантах, четко отличающихся от вариантов безударных.

Рассмотрим функции и типы словесного ударения.

В многосложных словах особенно отчетливо выступает та функция ударения, которую Н.С. Трубецкой называл «вершинообразующей» («кульминативной»). Ударный слог как бы составляет вершину слова, а безударные слоги примыкают к этой вершине. В отрезке связной речи, состоящем из подобных слов, количество вершин указывает нам, сколько слов содержится в этом отрезке. Например: «Буря мглою небо кроет, вихри снежные крутя» — 7 ударений и 7 слов. Но такую же картину дают и односложные слова, несущие ударение: в приведенном выше примере «Тут брат взял нож» — 4 ударения и 4 слова. Можно сказать, что ударение и в односложном, и в многосложном слове выступает как признак слова, показатель его «отдельности», его некоторой самостоятельности в ряду соседних слов. Таким образом, «вершинообразующая» функция ударения есть частный случай более общей функции, которую можно назвать *словоформирующей*. Ударение — такой же обязательный элемент звукового облика данного слова, как и определенный фонемный состав. Отмечено, что опознание слова, особенно в затрудненных условиях общения, в *первую очередь* зависит от правильного восприятия ударного слога.

Выше были приведены примеры *под окном, да знаешь ли*. Они показывают, что единица, формируемая и «спланиваемая» ударением, не всегда подходит *под* то понятие слова, которым оперирует орфография, или *под* то, с которым мы встречаемся в словарях. Для орфографии слово есть «цепочка букв между двумя пробелами», и потому *под окном* — 2 слова. Для составителя словаря *под окном* — тоже 2 слова, так как он в разных местах словаря приведет и объяснит (или переведет на другой язык) *под* и *окно*. А вот с точки зрения ударения отрезок *под окном* — одно слово, поскольку здесь одно и только одно ударение. Кроме того, после *под* здесь невозможна *пауза*. Отрезок, спланиваемый ударением и невозможностью (неестественностью) внутренней *паузы*, называют акцентным словом.

Акцентное слово несколько совпадает с орфографическим и словарным («Буря мглою небо кроет» и т. п.), в том числе иногда и со служебным словом («Будешь писать?» — 2 ударения и 2 слова, из которых одно служебное). Но в ряде случаев акцентное слово включает два или несколько орфографических или словарных слов: *под окном, да здравствует, зачем же, пошел бы, да знаешь ли* и т. д. Одно из этих слов — знаменательное, и оно способно само по себе, вне рамок данной или другой подобной группы, быть отдельным акцентным словом. Другое или другие слова в составе такой группы не способны ни выступать в качестве отдельного акцентного слова, ни вообще употребляться отдельно (*под, да, же, бы, ли*). Эти слова, неспособные иметь собственное ударение (отдельное от ударения знаменательного слова), называют клитиками и в зависимости от положения перед или после ударного слова подразделяют на *проклитики и энклитики*.

Многие клитики (например, проклитика *да*, энклитики *бы, же, ли*) вообще никогда не получают ударения. Есть, однако, и такие, на которые в определенных случаях переходит ударение знаменательного слова. Таковы в русском языке многие предлоги: *за́ спину, под но́ги, по́ полю, из́ лесу*. В любом случае предлог и соответствующее знаменательное слово образуют с точки зрения ударения одно целое. Энклитика не может быть первым словом в предложении, так как она всегда должна примыкать к какому-то предшествующему слову (нельзя себе представить русское предложение, которое начиналось бы с *бы* или *ли*).

В большинстве своем клитики – служебные слова: предлоги, союзы, грамматические частицы, артикли, некоторые вспомогательные и связочные глаголы, модальные частицы вроде русских *де, мол, бишь*. Клитиками могут быть и слова «полуслужебные» – местоимения или специальные формы местоимений. Так, во французском языке мы имеем клитические формы личных местоимений: субъектные (проклитические) *je, tu, il* (я, ты, он) и объектные *me, te, le* (меня, тебя, его) – *рядом* с «полными» (т. е. способными нести ударение) формами *moi, toi, lui*, совмещающими субъектное и объектное значения. Подобный параллелизм энклитической и «полной» форм наблюдается в косвенных *надежах* личных местоимений в ряде славянских языков, например в болгарском (*ме* и *мене* ‘меня’, *го* и *него* ‘его’ и т. д.). Русский литературный язык не имеет специальных клитических форм местоимений, но обычные формы местоимений могут здесь в одних случаях выступать с ударением, в других – составлять одно акцентное слово с ближайшим глаголом. Сравним: «Ты знал Петрова?» – 3 ударения (хотя на *ты* – более слабое) и «Знал ты Петрова?» только 2 ударения, между *знал* и *ты* паузы в естественной речи нет.

Иногда наблюдается совпадение фонемного состава клитики и ударенного слова. Например, в русском языке совпадают подобным образом союз *как* (проклитика) и местоименное наречие *как* («Как старший, *он* хотел помочь, но не знал как»); частица *было* (энклитика: «пошел было, да вернулся») и глагольная форма *было* («Всё это было, было, было» – А. Блок). В некоторых языках совпадают по фонемному составу определенный артикль и указательное местоимение (нем. *der*, фр. *le* и т. д.).

Словесное ударение может быть свободным (разноместным) или связанным (фиксированным, одноместным).

1. Свободным называется ударение в тех языках, в которых оно может стоять на любых (начальных, срединных, конечных) слогах акцентного слова, как это мы видим в русском языке. Конечно, в каждом слове и в каждой грамматической форме такого языка место ударения обычно закреплено строго (возможно только *но́вая*, а не «но́вая» или «но́вая»), так что колебания (вроде *тво́рог* – *тво́рог*) встречаются лишь в отдельных случаях. Свободным является

ударение также в украинском, белорусском, болгарском, литовском, немецком, английском, скандинавских, итальянском и в ряде других языков. В этих языках есть случаи, когда два разных слова или две разные формы, обладая одинаковым фонемным составом, различаются лишь местом ударения. Таковы в русском языке, например, пары *му́ка* и *мука́*, *пла́чу* и *плачу́* (совсем разные слова), или *стада́* и *ста́да* (разные формы одного слова), или в английском *import* /ɪmp'ɔ:t/ 'ввозить, импортировать' и *import* /'ɪmpɔ:t/ 'ввоз, импорт' (разные слова — глагол и существительное, тесно связанные по значению и происхождению). Применительно к таким примерам (а также к случаям, когда клитика, как мы видели выше, совпадает по фонемному составу со словом, имеющим ударение) можно говорить о дистинктивной (слово- и форморазличительной) функции ударения, наслаивающейся на его основную словоформирующую функцию.

Свободное ударение может быть не подвижным при образовании форм слова и производных слов или подвижным.

Неподвижное ударение имеем, например, в слове *гороx*: *гороx*, *гороxa*, *гороxу* и т. д., также *горошина*, *горошек*, *гороховый*, *огорошить* — везде ударение падает на один и тот же слог *-роx-* или *-ро-*. Неподвижное ударение определенным образом характеризует не только данную словоформу, но и данную корневую морфему: в слове *гороx* и его производных оно неизменно падает на второй слог корня. Ударение является в подобных случаях такой же четкой и характерной приметой данной корневой морфемы, как и фонемный состав ее экспонента.

Подвижное ударение имеем в слове *борода*: *бороды*, *бороде*... но *бороду*, *бороды*... и наконец, *бород* (и производное *бородка*). Подвижность ударения наблюдается в языках со свободным ударением там, где ударение так или иначе характеризует определенные некорневые морфемы (окончания, суффиксы, приставки), определенные грамматические формы и словообразовательные типы. Так, приставка *вы-* (в отличие от других русских приставок) перетягивает ударение на себя (*смотреть*, *писать*, также *посмотреть*, *написать*, но *высмотреть*, *выписать*), однако при образовании несовершенного вида суффикс *-ыва-* (*-ива-*) заставляет ударение перейти с этой приставки на слог, непосредственно предшествующий суффиксу (*выписывать*, *высматривать*). Аналогичная «борьба» между морфемами,

входящими в состав слова, «борьба» за место ударения в данной словоформе происходит и в других случаях. В целом можно сказать, что в языках со свободным ударением (и в случаях его подвижности, и в случаях неподвижности) место ударения в словоформе зависит от ее морфемного состава.

2. Связанным (фиксированным) называется словесное ударение в тех языках, в которых оно всегда (или почти всегда) падает на один определенный по порядку слог слова, например: только на начальный, только на конечный, только на предпоследний слог и т. д. Начальное ударение имеем в финно-угорских языках, а из индоевропейских – в латышском, чешском, словацком (в русском языке – имена собственные и другие слова, заимствованные из этих языков: *Хельсинки, Калевала* – из финского; *Таллин, Тарту* – из эстонского; *Рига, Райнис* – из латышского; *Прага, Дворжак, Гашек, робот* – из чешского; *Петефи, чардаш* – из венгерского и т. д.). Конечное ударение представлено в армянском (*Ереван, Сарьян*), таджикском (*Душанбе*). Фиксированное ударение на предпоследнем слоге господствует в польском языке (*Варшава, Краков, Мицкевич, шляхта*).

Естественно, что фиксированное ударение оказывается подвижным, если при образовании форм слова или производных слов количество слогов изменяется и слог, на который падало ударение, перестает быть соответственно первым или последним, предпоследним и т. д. Так, в чешском и словацком языках при присоединении к глаголу приставки, содержащей гласный, ударение переходит на эту приставку, так как она занимает позицию начального слога. В польском подобную подвижность ударения наблюдаем, например, при склонении: *‘Adam Mick’iewicz* – род. п. *Ad’ama Mickiew’icza* и т. д.

Нетрудно заметить, что в языках со связанным ударением место ударения не зависит от морфемного состава слова, а определяется по отношению к границе слова (начальной или конечной) и, следовательно, служит если не показателем точного места этой границы, то во всяком случае показателем ее близости. В этих языках на общую словоформирующую функцию ударения дополнительно наслаивается *словоразграничивающая* (делIMITативная, или функция «пограничного сигнала»).

3. Промежуточную группу между языками со свободным и со связанным ударением представляют языки с полусвязанным

ударением. Ярким примером может служить латынь. На определенном этапе развития латинского языка ударным стал предпоследний слог слова, если он был долгим, например, *nat'ura* 'природа', *natur'alis* 'природный', *mod'estus* 'умеренный', *postscr'iptum* 'приписанное после', и третий с конца слог, если предпоследний слог был кратким, например *nebula* 'туман', *asinus* 'осел', *ratio* 'разум'. Сходную закономерность наблюдаем в классическом арабском языке. Таким образом, в языках с полусвязанным ударением место ударения зависит, во-первых, от места границы слова и, во-вторых, от некоторых фонологических (но не морфологических) особенностей этого слова.

Выше было отмечено, что иногда в одном слове имеется более одного ударения. Обычно в этих случаях ударения неравноправны, между ними наблюдается известная градация: главное ударение противопоставлено одному или нескольким второстепенным, более слабым. Таким образом, единство акцентного слова, создаваемое главным ударением, не нарушается; с помощью второстепенного ударения создается лишь некоторое расчленение внутри единого смыслового и фонетического целого.

В русском языке второстепенное ударение появляется лишь в более длинных сложных словах вроде машиностроительный, североамериканский, электрокардиограмма (на первых компонентах этих слов) и в более длинных словах с приставками после-, против-, архи-, анти- и некоторыми другими (на этих приставках), например: послеоперационный, противотуберкулезный, архиреакционный, антиимпериалистический. Впрочем, и в этих случаях второстепенное ударение может отсутствовать.

Иную картину видим в германских языках, где второстепенные ударения в определенных случаях строго обязательны и встречаются очень часто. Так, в немецком все сложные слова и слова с некоторыми аффиксами (приставками или суффиксами) обязательно имеют по два ударения и более — в зависимости от количества корней и «тяжелых» (т. е. ударенных) аффиксов, входящих в состав этого слова. Главное ударение обычно падает на первый компонент («тяжелую» приставку, а при ее отсутствии — на первый корень в сложном слове), второстепенные же ударения — на последующие компоненты, например: *Urspr'ung* 'происхождение', *Haust'ür* 'дверь дома', *'Untergr'undb'ahn* 'метро' (букв. 'подземная дорога') и т. д.

Несмотря на широчайшее распространение словесного ударения в языках самого различного строя, есть языки, вообще не имеющие словесного ударения. Так, его, по-видимому, нет в палеоазиатских и некоторых тунгусо-маньчжурских языках, например в эвенском и эвенкийском. Своеобразно положение во французском языке. Словесное ударение существует в нем только как потенциальная способность большинства слов получать ударение (этой способности лишены клитики). Практически же во французской речи реализуется только фразовое ударение.

Слоговой акцент

В ряде языков наблюдается явление, называемое слоговым акцентом (также слоговым тоном, или интонацией слога). Оно имеет место там, где на протяжении отдельного слога происходят различные регулярные изменения высоты основного тона голоса или же интенсивности звучания, которые могут, противопоставляясь друг другу, выполнять различительную функцию. Так, в китайском литературном языке различают в знаменательных словах четыре слоговых тона: 1) ровный (та ‘мать’), 2) восходящий (та ‘конопля’); 3) нисходяще-восходящий (та ‘лошадь’) и 4) нисходящий (та ‘ругать’). Слог *mai* с нисходяще-восходящим тоном значит ‘купить’, а с нисходящим тоном — ‘продать’. Во вьетнамском языке выделяют 6 тонов (в частности, различается постепенно-нисходящий и резко-нисходящий), а в некоторых китайских диалектах — до 9 тонов.

Языки, имеющие слоговой акцент, называют тональными, или политоническими — в противоположность монотоническим, т. е. не имеющим противопоставленных друг другу типов движения тона (или интенсивности) в рамках слога. Политонические языки — это прежде всего языки слогового строя. Но *политонизм* представлен так или иначе и в ряде других языков. Например, в литературном шведском языке в одних словах и формах выступает так называемый акутовый акцент, характеризующийся ровным движением высоты тона в ударном слоге (либо повышением, либо понижением — в зависимости от синтаксических факторов), а в других — так называемый грависный акцент, при котором тон в пределах ударного слога повышается и снова падает, а затем опять немного повышается в заудар-

ном слоге (*stegen* ‘шаги’ с акутовым и *stegen* ‘переносная лестница’ с грависным акцентом). Противопоставление ударных слогов слова по тону представлено также в норвежском, литовском, латышском, сербохорватском, древнегреческом и в некоторых других языках.

Фразовая интонация

Понятие «фразовая интонация» (или просто «интонация») охватывает все просодические явления, наблюдаемые в рамках синтаксических единиц — словосочетания и предложения (в том числе однословного предложения). Важнейший компонент интонации — мелодика, т. е. движение основного тона голоса (повышение и понижение), создающее тональный контур высказывания и его частей и таким образом связывающее и членящее нашу речь. Так, существенное понижение тона указывает на завершенность сообщения или какой-то его относительно самостоятельной части. Напротив, повышение говорит о незаконченности мысли, о том, что надо ждать продолжения, или — при другом мелодическом рисунке — о том, что это вопрос, а не утверждение и т. д.

Мелодика и особенно второй важный компонент интонации — *интенсивность* используются для подчеркивания каких-то частей высказывания. Так, в понятие интонации входит фразовое ударение. Его нейтральную разновидность Л.В. Щерба называет синтагматическим ударением и рассматривает как средство фонетической организации синтагм. Синтагма же понимается как единица изменчивая, речевая, «...кратчайший отрезок речи... который в данном контексте и в данной ситуации соответствует единому понятию». Синтагма — сравнительно небольшая группа слов, объединенных соседством в речевой цепи и тесной смысловой связью. В русском тексте синтагматическое ударение состоит в том, что последнее слово синтагмы (если оно не является служебным словом, неспособным иметь собственное словесное ударение) подчеркивается больше, чем другие. Так, предложение «Что вы делали вчера вечером?» наиболее привычно распадется на две синтагмы (границы их обозначим косой чертой, а слово, получающее синтагматическое ударение, выделим курсивом): «Что вы *делали* / вчера *вечером*?» И в ответе: «Читал новую книгу, / которую мне *дали* / на один *день*».

Во всех этих случаях синтагматическое ударение может рассматриваться как установление некоторой градации между словесными ударениями. Во французском тексте все слова синтагмы, кроме последнего, вообще могут терять свое словесное ударение.

Логическое ударение наблюдается в тех случаях, когда содержание речи требует особого выделения каких-то частей высказывания. Это ударение часто рассматривается как отступление от привычных норм синтагматического ударения. Так, в предложении «Его новая книга понравилась мне меньше, чем первая», хотя на конце первой синтагмы стоит слово *книга*, мы больше выделим не его, а другое слово — *новая* и тем самым сделаем более выпуклым выраженное здесь противопоставление: *новая* — *первая*. В других случаях логическое ударение, напротив, еще больше подчеркивает слово, которое и без того должно быть выделено синтагматическим ударением. «Это не новая *книга*, а всего лишь новая *статья!*» Отметим, что логическое ударение способно даже нарушать нормы словесного ударения. Сравним обычное словесное ударение: *до еды* и логическое: «*до* еды или *после* еды?».

Третий компонент интонации — темп речи, ее замедление и ускорение. Замедлением темпа выделяются более важные слова в высказывании (разновидность логического ударения) или слова, наиболее значимые эмоционально (так называемое эмфатическое, или эмоционально-экспрессивное, ударение). В русском языке в случае положительных эмоций происходит особое удлинение (растягивание) ударного гласного, а иногда и всего выделяемого слова («Он *замеча-ательный* человек!»); в случае эмоций отрицательных (гнев, угроза и т. д.) более типично удлинение начального согласного в слове (*н-негодяй!*) или начального согласного ударного слога (*негод-дяй!*). С убыстрением темпа обычно произносятся менее важные части высказывания. Важными компонентами интонации являются также *паузирование*, т. е. расстановка пауз и их градация по степени длительности, и наконец, те тембровые особенности, которые связаны с выражением общей эмоциональной настроенности нашей речи (например, то, что называют «металл в голосе»). Все компоненты интонации используются в тесном переплетении друг с другом.

Вопросы и задания для самоконтроля

1. В чем состоит назначение просодики?
2. Что представляет собой словесное ударение?
3. Какова специфика «вершинообразующей» функции ударения?
4. Как клитики связаны с проблемой ударения?
5. Какова характеристика свободного ударения?
6. Чем отличается свободное ударение от связанного?
7. Каким образом определяется полусвязанное ударение?
8. Как соотносятся между собой главное и второстепенное ударение?
9. Определите природу слогового акцента.
10. Назовите языки, которые имеют слоговой акцент.
11. Дайте характеристику интонации как просодического явления.
12. Назовите основные компоненты интонации.
13. Дайте определение синтагмы в фонетическом аспекте.
14. Назовите условия, которые определяют темп речи.
15. Определите роль, которую играет паузирование в речи.
16. Определите место тембра как компонента интонации.

Тема 8. Фонология

Учебные вопросы

1. Фонология, фонема и фонологические оппозиции
2. Фонологические школы

Фонология, фонема и фонологические оппозиции

Звук, произносимый в речи, это не только некое колебание воздушной среды. Звук выполняет конкретные функции в языке и речи, и в этом своем качестве он является особой единицей – фонем в потоке речи и фонемой в системе языка.

Язык может служить орудием общения и обмена мыслями только потому, что значащие единицы языка (морфемы, слова и т. д.) материализуются в звуках, произносимых говорящим, воспринимаемых слушающим. Роль звуков языка – фонем состоит как раз в том, чтобы служить материальной оболочкой мысли.

Рассмотрим **функции фонемы**. Что значит быть материальной оболочкой мысли? Образно говоря, фонемы – это как бы «кир-

пичики», из которых строится план выражения значащих единиц – морфем, слов. Отсюда вытекает первая функция фонемы – **конститутивная**, т. е. функция строительного материала в составе плана выражения морфем. Вторая функция – **дистинктивная**, или различительная, т. е. функция различителя планов выражения морфем, слов. Например:

бур	бра	арба
бар	брат	арбу
бар	брать	и т. д.

Из сущности дистинктивной функции фонемы вытекает, что разные фонемы одного языка в принципе должны произноситься по-разному. Однако не следует думать, что каждая данная фонема в данном языке всегда звучит одинаково. Напротив, одна и та же фонема, в зависимости от разных причин, может артикулироваться по-разному, т. е. объединять в себе ряд достаточно разных звуков. Эти разные звуки, объединяемые вместе как разновидности одной фонемы, называются **«вариантами»** (или, по Щербе, **«оттенками»**) этой фонемы, или также её **«аллофонами»**. Например, фонема [t] в русском языке выступает в двух вариантах:

- 1) как обыкновенное [t], например, в словах «таз», «ты», «брат»;
- 2) как лабиализованный, огубленный согласный [t°] – в положении перед [u] и [o], например: «туз», «брату», «ток» и т. д.

Варианты одной фонемы потому и являются лишь вариантами, что они никогда не противопоставляются в данном языке друг другу как самостоятельные различительные единицы в составе плана выражения морфем и слов. Анализ тех условий, в которых появляется каждый из вариантов фонемы, обычно позволяет выделить среди вариантов какой-то один в качестве основного. Таким основным обычно признается тот, который выступает либо при изолированном произнесении данной фонемы (в большинстве случаев это возможно для гласных), либо в условиях наименьшей зависимости от окружения. Например, из двух рассмотренных вариантов фонемы [t] основным является вариант [t] нелабиализованный. Остальные варианты фонемы, противопоставляемые основному, называются **специфическими: они представляют собой как бы видоизменения основного варианта, обусловленные специфической позицией.**

Среди специфических вариантов выделяют:

- **комбинаторные варианты**, которые обусловлены воздействием соседних звуков (аккомодации разного рода);
- **позиционные варианты**, которые обусловлены различными другими позиционными видоизменениями артикуляции (влияние ударения и т. п.).

Фонологические оппозиции. Фонемы каждого языка образуют сложную систему **противопоставлений (оппозиций)**. В этой системе каждая фонема определяется тем, что отличает её от других фонем того же языка. Каждая фонема противопоставлена всем другим, отличается от каждой другой каким-то признаком или рядом признаков. Эти признаки, обеспечивающие различие фонем, получили название **дифференциальных или дистинктивных признаков**. Нередко сама **фонема рассматривается как набор или «пучок» дифференциальных признаков**. Например, русская фонема [б] имеет следующие оппозиции:

- 1) [в] : [в`] : труба – трубя (непалатализованный (твёрдый), палатализованный (мягкий) согласный);
- 2) [в] : [р] : бас – пас (звонкий : незвонкий (глухой) согласный);
- 3) [в] : [м] : бал – мал (неносовой – носовой);
- 4) [в] : [в] : бас – вас (смычный : щелевой).

Существуют различные классификации фонологических оппозиций:

1) **бинарные оппозиции**: противопоставление двух фонем: бас – вас (смычный : щелевой);

2) **тернарные**: бас – дас – гас;

3) **пропорциональные оппозиции**: если отношение между членами оппозиции пропорционально отношению между членами другой или других оппозиций в рамках данного языка, т. е. это отношение повторяется в других оппозициях: в русском языке оппозиция [в] : [в`] (непалатализованный: палатализованный) повторяется в парах [р] : [р`], [в] : [в`], [ф] : [ф`] и других;

4) **изолированные оппозиции**: встречаются там, где не наблюдается пропорциональность, например, в немецком языке: [l] : [r] : leise (тихо) : Reise (поездка);

5) **привативная оппозиция**: отношение между членами представлено как «наличие признака: отсутствие того же признака», напри-

мер, звонкость: незвонкость (глухость). То есть один член получает положительную характеристику (он называется «маркированным»), а другой – чисто отрицательную характеристику (он называется «немаркированным» или «беспризнаковым»), например: [v] : [p]; бар – пар;

б) **градуальная или ступенчатая оппозиция**, которая характеризуется разной степенью проявления одного и того же признака, например, «максимальный раствор: средняя степень раствора: минимальная степень раствора», как это видно в англ. языке в оппозиции кратких гласных фонем [ae] : [e] : [i] (bad : bed : bid – «плохой» : «кровать» : «предложение цены»);

7) **эквиполентная оппозиция**, которая характеризуется равноправием всех членов; при этом каждый член характеризуется каким-то своим положительным признаком, и этот признак не может быть представлен просто как отсутствие противоположного признака или как его более слабая (или менее сильная степень). Эквиполентными являются оппозиции по активному органу типа: [v] : [d] : [g] (губной : переднеязычный : заднеязычный).

Нейтрализация фонем – это наблюдаемое в тех или иных условиях «снятие», неиспользование того или иного противопоставления. Рассмотрим ряд примеров. В русском языке широко используется противопоставление согласных шумных фонем по дифференциальному признаку «звонкость – незвонкость». Это противопоставление, однако, осуществляется не во всякой позиции. Не на конце слова оно имеет место:

- перед гласными (зала: сало);
- перед сонантом (злой: слой);
- перед [v, v'] (звал: свалка; зверь: сверь).

Все эти позиции называются по отношению к данному противопоставлению (т. е. «звонкость – незвонкость») **позициями максимального различия фонем или сильными позициями**.

В других позициях, а именно перед следующим шумным и на конце слова, противопоставление «звонкий – незвонкий» не может быть использовано, так как в этих позициях «выбор» звонкого или глухого согласного определяется автоматически, механизмом произношения:

1) перед звонким (кроме [v, v']) возможен по законам ассимиляции только звонкий, например: сбруя [z^ob^og^ou j ʔ], здоров и т. д.;

2) перед глухим, соответственно, только глухой, например: спор, стал, скала и т. д.;

3) на конце слова — только глухой: нас, квас; глагольные формы на —шь: идёшь, летишь, и на —т: идет, лежит; идут, лежат.

Эти три позиции по отношению к рассматриваемому противопоставлению называются **позиции нейтрализации или слабые позиции**.

Слабые позиции могут быть:

а) **изолированными**, т. е. несоотносимыми в рамках плана выражения тех же морфем с соответствующими сильными позициями (см. примеры изолированных слабых позиций в пунктах 1, 2, 3);

б) **соотносительными**, т. е. соотносимыми по чередованию с сильными позициями в плане выражения тех же морфем, например:

4) перед следующими звонкими (кроме [v, v']): приставки с-, вз-: сбрить [zbr^oit^o], взбрело;

5) перед следующим глухим — те же приставки в «сплавить», «вспахать» [fsp^ox^oat^o];

б) на конце слова — гас и газ [g^oas].

Сравните соответствующие сильные позиции: для п. 4 и 5: срыть, взрастить; для п. 6: гаснуть, газы.

Фонологические школы

По вопросу нейтрализации в лингвистике нет единого мнения. В связи с этим в лингвистике выделяются три основные фонологические школы: пражская, московская и петербургская (ленинградская), концепции которых заслуживают отдельного внимания. Рассмотрим эти теории.

Пражская фонологическая школа. Н.С. Трубецкой, который первым выдвинул понятие «нейтрализации», рассуждает следующим образом. Поскольку в позиции нейтрализации соответствующее противопоставление фонем «снимается», т. е. исчезает, применительно к этой оппозиции, собственно, уже нельзя и говорить о фонеме. В позиции нейтрализации выступает, по мнению Н.С. Трубецкого, не фонема, а некая высшая по отношению к фонеме фонологическая единица, которую он назвал **«архифонемой»** и определил как

совокупность «релевантных» (или «дифференциальных») признаков, общих для двух «нейтрализовавшихся фонем». По этой теории, как звук [s] (и [s°]) в примерах пунктов 2, 3, 5 и 6, так и звук [z] (и [z°]) в примерах пунктов 1 и 4 представляют собой лишь разные реализации одной и той же архифонемы – «свистящий согласный вообще», фонологически безразличной к противопоставлению «звонкость: незвонкость». Реализуется эта архифонема в каждом конкретном случае неизбежно либо глухим, либо звонким свистящим согласным, но сама архифонема как таковая безразлична к признаку «звонкости/незвонкости» [см.: Трубецкой 2000: 92–147].

Московская фонологическая школа. Представители московской фонологической школы (А.А. Реформатский, П.С. Кузнецов, Р.И. Аванесов, В.Н. Сидоров) считают, что высшая по отношению к фонеме единица (которую они называют «**гиперфонемой**») появляется не во всякой слабой позиции, а лишь в изолированной слабой позиции (см. примеры в пунктах 1, 2, 3).

В соотносительной же слабой позиции (см. примеры в пунктах 4, 5, 6) выступает не гиперфонема, а та или иная вполне определенная фонема, которая, однако, по своему звучанию совпадает в этой позиции с фонемой, противостоящей ей в сильной позиции, и, следовательно, не может быть опознана непосредственно на слух. Оpozнание фонем на слух осуществляется, по этой теории, только в сильной позиции, в слабой же позиции, соотносительной с сильной, стоит та же самая фонема, которая слышится в соответствующей сильной.

Поэтому приставка с- во всех случаях содержит фонему [s] не только в слове «срыть», но и в: «сплавить, сбрить», а приставка вз- во всех случаях содержит фонему [z] не только в таких случаях, как «взрастить», но и в таких, как «взбрести» и «вспахать». Аналогичным образом корень глагола «гаснуть» во всех случаях содержит фонему [s] (в том числе и в «не погас бы»), а корень существительного «газ» – фонему [z], в том числе и в форме «газ», независимо от того, что следует за этой формой в потоке речи [ЛЭС 1990: 316–317].

Петербургская (или ленинградская) фонологическая школа. Представители петербургской (или ленинградской) фонологической школы (Л.В. Щерба, Л.Р. Зиндер и др.) понимают нейтрализацию не как замену «нейтрализующихся фонем» архифонемой и гиперфоне-

мой и не как утрату опознаваемости фонем, а лишь как отсутствие использования определенных противопоставлений фонем в определенных позициях. Нейтрализация фонемных противопоставлений есть прямое следствие явления позиционных ограничений, наблюдаемых в дистрибуции фонем, поскольку имеются определенные позиции, в которых определенные фонемы не употребляются, и поэтому в этих позициях невозможны и соответствующие противопоставления, т. е. представленным оказывается только один член противопоставления. Но этот член противопоставления, оказавшийся в данной позиции одиноким, не теряет дифференциальных признаков, присущих ему в сильных позициях, т. е. рассматриваемая единица не утрачивает в позиции нейтрализации ни статуса фонемы, ни своей непосредственной опознаваемости.

Приняв это положение, необходимо признать, что в примерах пункта 1 (сбруя, здоров, ни зги) выступает фонема [z], а в примерах пунктов 2 и 3 (спор, стал, скала, нас, вас) — фонема [s]. Что касается соотносительных слабых позиций, то в них тоже выступают те фонемы, которые там слышатся, причем в случае несовпадения этих фонем с фонемами в соответствующих сильных позициях представители ленинградской школы говорят о чередовании фонем. Так, в примерах пункта 4 (сбрить, взбрело) имеем фонему [z], в примерах пунктов 5 и 6 (сплавить, вспахать, гас, газ) — фонему [s], причем в приставке с- фонема [s] в словах «срыть», «сплавить» чередуется с фонемой [z] в слове «сбрить», а в приставке вз- сочетание фонем [vz] в глаголах «взрастить», «взбрело» чередуется с сочетанием фонем [fs] в глаголе «вспахать».

Рассмотрим еще один случай нейтрализации. В русском языке противопоставление гласных фонем [a] и [o] осуществляется в ударенных слогах: вал — вол; кашку — кошку, которые квалифицируются как сильная позиция для этого противопоставления. Позицией нейтрализации для противопоставления [a] и [o] является неударенный слог, где выступают гласные, фонетически заметно отличающиеся от ударенных [a] и [o], но чередующиеся в случае соотносительной слабой позиции в одних морфемах с [ˈa], в других — с [ˈo] в сильной позиции; сравните: [vΛlʹы] — валы (в чередовании с «вал») и волы (в чередовании с «вол») или «маховик» с «моховик» (гриб) —

оба с [ъ] в начальном слоге (в чередовании соответственно с «мах», «машет» и с «мох»), или «нелепа» и «нелепо» — оба с [ъ] на конце (в чередовании, соответственно, с —а, например, в «смешна» и с —о, например, в «смешно»). Те же гласные ([Λ] в первом предударном, [ъ] в остальных неударенных слогах) имеем и в изолированной слабой позиции, например в начальных слогах слов «баран», «горах», «барабан», «молоко».

По теории Н.С. Трубецкого следовало бы сказать, что во всех перечисленных случаях слабых позиций выступает архифонема (её можно определить как «гласный непереднего ряда неверхнего подъема, безразличный к признаку «огубленности (неогубленности)», которая реализуется звуками [Λ] и [ъ], не совпадающими ни с одной из «нейтрализовавшихся фонем».

По теории московской школы в первом слоге слов «баран», «горах», «барабан», «молоко» имеем гиперфонему [o/а], в первом слоге слов «валы», «маховик» и на конце слова «нелепа» — фонему [а], в первом слоге слов «волы», «маховик» и на конце слова «нелепо» — фонему [o].

С точки зрения ленинградской школы звук [Λ] (и звук [ъ]) не может быть в одних случаях вариантом одной, а в других случаях — вариантом другой фонемы, так как это противоречило бы положению о различимости фонем не только в сильной, но и в любой позиции. Звук [Λ] (равным образом и звук [ъ]) должен быть везде, где он встречается, вариантом какой-то одной фонемы. Остается определить, какой именно. В данном случае одного слухового впечатления недостаточно, поскольку [Λ] (а тем более [ъ]) заметно отличается на слух и от [ʼа], и от [ʼo]. Здесь нужен специальный фонологический анализ — учет дифференциальных признаков, в первую очередь тех из них, которые существенны в противопоставлении [а] : [o]. Известно, что одним дифференциальным признаком фонемы [o] является «огубленность», а одним из дифференциальных признаков фонемы [а] — «неогубленность». Поскольку звуки [Λ] и [ъ] не обладают признаком «огубленности», их естественно отнести к фонеме [а]. Таким образом, в рассмотренных примерах выступает фонема [а], состоящая в некоторых из этих примеров (волы, моховик, нелепо) в чередовании с фонемой [o]. В словах «вол» — «волы» имеем чере-

дование фонем, тогда как в паре слов «вал» — «валы» — чередование вариантов одной фонемы [см.: ЛЭС 1990: 264].

Правила нейтрализации фонемных противопоставлений разные в разных языках. Например, противопоставление звонких и глухих согласных нейтрализуется на конце слова в русском, чешском, польском, болгарском, немецком и ряде других языков, но не подвергается нейтрализации в таком же положении в украинском, английском, шведском, французском.

Вопросы и задания для самоконтроля

1. В чем состоит сущность фонемы?
2. Каковы основные функции фонемы?
3. При каких условиях выявляются варианты фонемы?
4. Как определяется основной вариант фонемы?
5. Каким образом выявляются специфические варианты фонемы?
6. Как образуются фонологические оппозиции?
7. Как обеспечивается различие фонем?
8. Определите роль нейтрализации фонемных противопоставлений.
9. Дайте характеристику слабых позиций.
10. Определите условия формирования архифонемы.
11. Назовите условия формирования гиперфонемы.
12. Определите основные положения пражской фонологической школы.
13. Определите основные положения московской фонологической школы.
14. Определите основные положения петербургской фонологической школы.

Модуль 3. ЛЕКСИКОЛОГИЯ

Тема 9. Лексикология как раздел языкознания

Учебные вопросы

1. Лексикология и ее основные разделы
2. Слово как единица языка
3. Лексическое значение

Лексикология и ее основные разделы

Лексикология — это раздел языкознания, изучающий слова и устойчивые сочетания слов. Как и все лингвистические дисциплины, она может быть общей и частной. Общая лексикология изучает общие закономерности строения, функционирования и развития лексической подсистемы языка, характер значений, которыми могут обладать слова, и т. д. Частная лексикология исследует словарный состав какого-то конкретного языка. Лексикология может быть сопоставительной и изучать словарный состав двух или более языков в сравнении. Она также может изучать словарный состав языка как в синхроническом плане, описывая его состояние в какой-то определенный момент, так и в диахроническом, то есть проследить путь развития отдельных слов или всего словарного состава языка. Диахроническую лексикологию иногда еще называют исторической, что, строго говоря, не совсем верно, поскольку историческое изучение предполагает сочетание синхронического и диахронического подходов: для того чтобы проследить изменения в той или иной системе, нужно сначала описать состояние этой системы в какие-то определенные моменты в прошлом.

Слово — единица чрезвычайно сложная и многогранная, и изучать её можно в разных аспектах. Соответственно этому и в самой лексикологии выделяется несколько разделов. Способность слова что-то называть, механизмы создания названий изучает **ономасиология**. Значение слов изучает **семасиология**. Изучением происхождения слов занимается **этимология**. Существует специальный раздел лексикологии, изучающий имена собственные, которые по многим

своим характеристикам отличаются от всех остальных слов; этот раздел называется **ономастика**, в нем, в свою очередь, выделяются **антропонимика**, изучающая личные имена, и **топонимика**, изучающая географические названия. Раздел лексикологии, изучающий устойчивые сочетания слов, называется **фразеологией**. **Лексикография** – это раздел лексикологии, занимающийся теорией и практикой составления словарей, делом настолько сложным, требующим такого количества знаний и такого мастерства, что практическую лексикографию поистине можно считать сплавом науки и искусства.

Слово как единица языка

Для того чтобы изучать слово во всех перечисленных аспектах, необходимо прежде всего определить, что оно собой представляет, чем оно отличается от всех других единиц языка. Важнейшее свойство слова состоит в том, что оно имеет **значение**, то есть оно является **знаком**. При этом оно обладает одновременно двумя типами значений – лексическим и грамматическим. **Лексическое значение** возникает в результате соотнесенности слова (а точнее его корня) с какой-то предметной или понятийной сферой, а **грамматическое значение** – в результате соотнесенности входящих в него аффиксов (в том числе нулевых) с мыслительными категориями, отражающими отношения между предметами, явлениями или понятиями.

Рассмотрим разницу между лексическим и грамматическим значениями на примерах. Корень **стекл-** дает нам общее представление о той сфере внеязыковой действительности, с которой он соотносится (что-то, связанное со стеклом), но он еще не выделяет, не называет никакого конкретного фрагмента этой действительности. Лишь добавляя к этому корню какие-либо аффиксы, мы можем назвать что-то более или менее определенное: сам этот материал (**стекло**), свойство какого-то предмета, состоящее в том, что он сделан из стекла (**стеклянный**), действие, заключающееся в том, что стекло куда-то вставляют (**стеклить**), и т. д. Итак, для того чтобы что-то назвать, на неопределенную, аморфную предметную или понятийную сферу, обозначаемую корнем слова, необходимо наложить трафарет грамматического значения. Ни то ни другое значение само по себе называния не обеспечивает. Более того, в процессе называния лек-

сическое и грамматическое значения выполняют разные функции. Но именно в результате их взаимодействия у слова появляется способность выполнять свою основную функцию — **функцию называния**, или, как ее чаще называют, **номинативную функцию**.

Грамматическое значение будет подробно рассматриваться в разделах, посвященных грамматике (морфологии и синтаксису). Говоря же о словах, то есть о лексических единицах, достаточно лишь сказать, что одно из наиболее существенных отличий слова от единицы предыдущего языкового уровня — морфемы — состоит в том, что каждая морфема обладает только одним типом значения — или вещественным (корни), или грамматическим (аффиксы) — а слово характеризуется наличием и взаимодействием двух типов значения. Следующий признак слова как единицы языка — его фонетическая оформленность в соответствии с фонетическими законами данного языка. Одним из признаков фонетической оформленности слова в большинстве языков является так называемая **недвуударность**, то есть наличие только одного основного ударения. Недвуударностью слово может отличаться от словосочетания, в чем нетрудно убедиться, сравнив слово **впередсмотрящий** с основным ударением на предпоследнем слоге или английское слово *brownstone* (**песчаник**) с ударением на первом слоге и соответствующие сочетания слов **вперед смотрящий** и ***brown stone*** (*коричневый* или *бурый камень*), где каждое слово имеет собственное ударение.

Наличие только одного основного ударения ведет к фонетической **цельнооформленности** слова. На письме слово также должно быть цельнооформленным, то есть писаться слитно или через дефис. Именно в этом, например, проявляется разница между французским существительным *pourboire* (*чаевые*) и сочетанием глагола *boire* с предлогом *pour* — *pour boire* (*чтобы выпить*), между английским прилагательным *evereday* (*повседневный*) и словосочетанием *every day* (*каждый день*). Очень показателен в этом отношении процесс превращения словосочетания в сложное слово в английском языке: сначала слова пишутся раздельно (например, *dining room* — *комната, где обедают*), затем начинают писаться через дефис, что служит показателем начала процесса превращения их в одно слово (*dining-room* — *столовая* или *bed-room* — *спальня*), и наконец, появ-

ляется слитное написание, свидетельствующее о том, что процесс словообразования завершен (*bedroom*). Однако цельнооформленность — это признак, обязательный для слова лишь в его начальной, исходной форме. Так, в немецком языке при спряжении сложных глаголов с ударной приставкой эта приставка в ряде случаев отделяется от глагола и перемещается в конец предложения. Например, глагол *aufstehen* (*встать*) в повелительном наклонении перестает быть цельнооформленным: *Steh endlich auf* (*Вставай же, наконец!*).

Наряду с цельнооформленностью слово характеризуется непроницаемостью, что означает невозможность вставить что-то внутрь слова, не разрушив при этом самого слова. В отличие от свободного словосочетания, внутрь которого можно вставить какое-то новое слово (скажем, *вперед и назад смотрящий* или *brown and yellowish stone* — *коричневый с желтоватым камень*), в слово ничего вставить нельзя. Однако, как и в случае с цельнооформленностью, требование непроницаемости относится лишь к начальной, исходной форме слова и не распространяется, скажем, на формы косвенных падежей таких слов, как кое-что, кое-кто, которые в именительном падеже непроницаемы, тогда как в других падежах между их частями можно вставить предлог: кое о чем, кое к кому. При этом, естественно, происходит и нарушение цельнооформленности слова.

Слово также характеризуется грамматической оформленностью по законам данного языка и обязательной лексико-грамматической отнесенностью (то есть оно всегда обладает признаками определенной части речи).

Слово отличается от морфемы позиционной свободой. Морфемы внутри слова имеют жестко закрепленные позиции, их нельзя поменять местами, переставить. Слова же в предложении не имеют такой жесткой закрепленности: *вчера он приехал из Москвы* — *он вчера приехал из Москвы*. Даже в языках с жестким, фиксированным порядком слов положение слова по отношению к окружающим его единицам можно изменить, либо перенести его в другую часть предложения, либо что-то вставив между ним и окружающими его словами: ср. англ. *this book is interesting* — *this is an interesting book* или франц. *il est venu* — *il est déjà venu*.

Следующее свойство слова как единицы языка — его синтаксическая самостоятельность. Это значит, что слово может самостоя-

тельно выступать в качестве члена предложения или даже отдельного предложения.

Итак, **слово** — это минимальная номинативная единица языка, обладающая совокупностью лексического и грамматического значений, характеризующаяся фонетической и грамматической оформленностью в соответствии с нормами данного языка, цельнооформленностью и непроницаемостью в своей исходной форме, а также лексико-грамматической отнесенностью, позиционной свободой и синтаксической самостоятельностью.

В языке слово может иметь несколько лексических значений (каждое из которых называется лексико-семантическим вариантом) и несколько грамматических форм. В речи же каждый раз используется конкретная словоформа, в которой, как правило, реализуется только одно лексическое значение.

Будучи знаковой, двусторонней единицей, слово имеет план содержания и план выражения. В плане содержания оно представлено семемой, а в плане выражения — лексемой. **Семема** — это совокупность всех лексико-семантических вариантов слова, а **лексема** — это материальная оболочка слова в совокупности всех его возможных форм.

Лексическое значение

Обратимся теперь к важнейшему признаку слова — его лексическому значению. Как мы уже видели, связь между означающим и означаемым возникает только в результате «вмешательства» человека, означающее становится представителем означаемого в сознании человека. Употребленное слово вызывает не появление самого обозначаемого предмета, а появление мысли об этом предмете, его образа в сознании слушающего. Впрочем, и сам говорящий, употребляя слово, имеет в своем сознании не предмет, а мысль, образ, понятие. Связь между предметом, мыслью о нем и словом можно изобразить в виде следующей схемы, где пунктирная линия, соединяющая слово и предмет, означает, что связь между ними носит не прямой, а опосредованный характер. Она существует постольку, поскольку и сам предмет, и слово связаны с мышлением, которое выступает как бы посредником между предметом и называющим его словом:

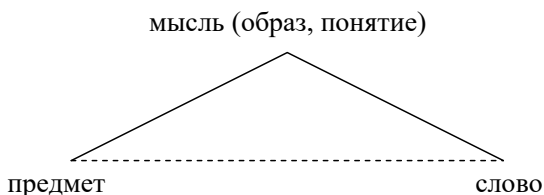
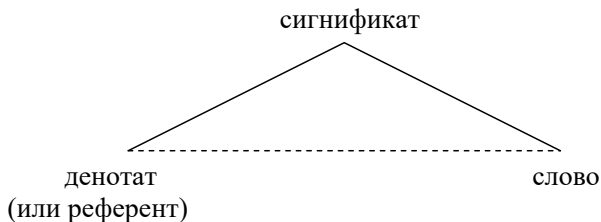

Схема наглядно показывает, что связь между предметом и словом устанавливается только через мышление.

Слово может обозначать как отдельный предмет, так и весь класс однородных предметов. *Карандаш* — это и тот конкретный карандаш, о котором мы в данный момент говорим (*Карандаш не пишет, дай мне, пожалуйста, другой*), и любой карандаш (*У тебя есть какой-нибудь карандаш?*), и карандаш как тип предмета (*Карандаш — это письменная принадлежность, представляющая собой деревянную палочку со стержнем из глинистой массы с графитом*). Такая способность слова **обобщать** объясняется тем, что предметы и явления реальной действительности могут отражаться в нашем сознании как в виде **представлений, то есть наглядных образов, в которых сохраняются индивидуальные признаки конкретного предмета, так и в виде понятий. Понятие — это обобщенное отражение сознанием целого класса предметов.** Никто из нас никогда не видел «*дерева вообще*», то есть дерева, которое не было бы ни дубом, ни березой, ни сосной, ни какой-либо другой породы деревьев, которое не было бы ни хвойным, ни лиственным, ни большим, ни маленьким. Такого дерева в природе не существует. Однако мы можем определить «*дерево вообще*» (*многолетнее растение с твердым стволом и ветвями, образующими крону*) именно потому, что наряду с представлениями о конкретных виденных нами деревьях у нас сформировалось общее понятие — *дерево*.

Теперь еще раз обратимся к нашей схеме, заменив на ней лишь названия.

Обозначаемый словом фрагмент действительности называется **денотатом**, а его отражение в нашем сознании — **сигнификатом**. Соответственно этому, на основе связи материальной оболочки слова с денотатом (пунктирная линия) формируется **денотативное** значение, а на основе ее связи с сигнификатом (то есть с понятием или представлением) возникает **сигнификативное** значение. Денотат может представлять собой как целый класс предметов, так и конкретный, единичный предмет, который иногда называют **референтом**, чтобы разграничить соотношенность слова с одним предметом и с целым классом предметов. Если человек говорит, что он каждый день съедает яблоко, то словом «яблоко» он называет не отдельный плод, а сразу целый класс предметов (яблоки в отличие, скажем, от груш). Денотатом слова «яблоко» в этом случае будет весь класс яблок, а в качестве сигнификата ему будет соответствовать общее понятие «яблоко». Но если человек ест яблоко и говорит, что яблоко кислое, то он характеризует не яблоки вообще, а конкретное яблоко, находящееся у него в руках, которое и будет в данном случае референтом. В качестве сигнификата ему будет соответствовать представление об этом конкретном яблоке.

Сигнификативное, денотативное и референциальное значения слов могут не совпадать, поскольку они имеют разную природу и разную основу. Так, у слов *ученик* и *школьник* разное сигнификативное значение, так как эти два понятия сформированы на основе разных признаков (*ученик* — тот, кто учится; *школьник* — тот, кто ходит в школу), но денотативное значение у них при этом одно и то же, то есть оба эти слова обозначают людей, обучающихся в школе. В зависимости от характера и степени обобщения один и тот же референт может получать в нашем сознании отражение в виде разных сигнификатов (то есть понятий). Так, увидев яблоко, мы можем соотнести его с классом *яблок*, можем воспринять его как представителя более общего класса — как *фрукт*, можем подняться на еще более высокую степень обобщения и сказать, что это — *плод*. У слов *яблоко*, *фрукт* и *плод* разные сигнификативные значения, так как они являются результатом обобщенного отражения разного количества предметов, имеющих разные свойства. У них разные денотативные значения, так как в реальной действительности им соответствуют

разные классы предметов, различающиеся объемом и степенью однородности. Но при этом у них в описанной ситуации будет один референт (конкретное яблоко) и одно референциальное значение.

Последний пример наглядно свидетельствует о том, что название – это результат не только непосредственного отражения действительности нашим сознанием, но еще и классифицирующей деятельности нашего мышления. Один и тот же предмет может входить в разные по объему и степени однородности классы в зависимости от степени абстракции, степени отвлечения от конкретных признаков, на основе которой выделяется тот или иной класс. Предмет можно рассматривать как представитель вида, а можно – как представитель рода. Так, предмет, за которым мы сидим во время обеда, соотносится с родовым понятием «*мебель*» и с видовым понятием «*стол*». Слово *мебель* по отношению к слову *стол* является **гиперонимом** (то есть именем более высокого уровня, соответствующим классу, выделенному на основе более высокой степени абстракции), а слово *стол* по отношению к слову *мебель* – **гипонимом** (то есть именем более низкого уровня, соответствующим более низкому уровню обобщения). Наличие гипо-гиперонимических отношений между словами – прекрасное подтверждение того, что язык хранит в себе накопленные людьми знания о мире и передает последующим поколениям не только названия открытых, познанных и созданных предметов, но и сведения об их связях, сходствах и различиях. Такого же рода сведения отражаются в **синонимических, антонимических** и других подобных им отношениях между словами.

Понятия, лежащие в основе сигнификативного значения, – это результат логической деятельности нашего мышления. Но наряду с логикой человеку свойственно эмоциональное восприятие действительности, которое также находит свое выражение в лексическом значении. Сравним два высказывания: *Эх, пожарить бы сейчас картошки!* и *эх, пожарить бы сейчас картошечки!* Слова *картошка* и *картошечка* имеют одно и то же денотативное значение. Сигнификативное значение у них тоже совпадает, поскольку слово *картошечка* в данном случае не означает размера картошки. Оно отличается от слова *картошка* тем, что, называя предмет, одновременно выражает отношение к нему говорящего, то есть имеет еще

дополнительное, сопутствующее значение. Такое дополнительное значение, как бы наслаивающееся на основное, называется **коннотативным** (то есть соозначающим). **Коннотация** — это **эмоционально экспрессивная, оценочная и стилистическая окраска слова**. При совпадении денотативного и сигнификативного значений следующие пары слов различаются своим коннотативным значением: *хорошо и здорово, прийти и заявиться, труженик и трудяга, отвратительный и отвратный, солнце и солнышко*. Впрочем, следует отметить, что некоторые лингвисты включают коннотативное значение в состав сигнификативного. По их мнению, у приведенных пар слов совпадает только денотативное значение, а сигнификативное различается коннотативными компонентами.

Говоря о лексическом значении, различают понятия «**семантическая структура слова**» и «**структура лексического значения**». Под **семантической структурой** понимают **всю совокупность лексико-семантических вариантов**. Таким образом, понятие семантической структуры тесно связано с явлением **полисемии**, то есть **многозначности**. Сколько бы у слова ни было значений, они обязательно связаны между собой. Так, слово *стол* обозначает и предмет мебели (*письменный стол, обеденный стол*), и учреждение (*стол справок, стол заказов*), и пищу (*сладкий стол*, то есть сладкие блюда), и диету (*пятый стол*, то есть диета для людей с больной печенью). Однако, несмотря на различия между обозначаемыми предметами и понятиями, все эти значения так или иначе восходят к значению *предмет мебели* и являются производными от него: *столом* называют либо то, что стоит на столе (пищу), либо то место, где стоит сам стол (учреждение). Некоторые значения производятся от значений, которые уже сами являются производными. Так, значение «диета» образовано от значения «пища»: предмет мебели → то, что на нем стоит (пища) → пища, пригодная для больного человека (*диета, диетический стол*). Таким образом, в семантической структуре слова выделяются **основные и производные значения**, причем у производных может быть разная ступень производности, разная степень удаленности от основного значения. Совокупность значений слова и связывающие их отношения и образуют семантическую структуру этого слова.

Структура же лексического значения — это строение отдельного лексико-семантического варианта, структура какого-то одного зна-

чения. Каждое значение слова имеет свою собственную структуру. Дело в том, что любое лексическое значение складывается из иерархически организованных **сем — минимальных единиц плана содержания, которые представляют собой элементарные отражения в языке различных сторон и свойств обозначаемых предметов.** Эти мельчайшие компоненты значения неравноправны. Например, в словах *отец, брат, дядя, бабушка* и в других терминах родства имеется сема *родственник*. Такая общая для целого класса слов сема называется **архисемой** и является *интегрирующей* (то есть объединяющей). Кроме этого, в структуре значения есть **дифференциальные семы**, которые, в отличие от **архисемы**, являются уже не родовыми, а видовыми, то есть на иерархической лестнице занимают более низкую ступеньку. В частности, для слова *отец* такими семами будут *родитель* (компонент значения, отличающий слово *отец* от слова *мать*), первое поколение (в отличие от *дед, бабушка*), прямое родство (в отличие от *дядя*) и т. д. Подобным образом можно выделить компоненты в значении любого слова. **Анализ семного состава лексического значения так и называется — компонентный анализ.**

Вопросы и задания для самоконтроля

1. Какое место занимает лексикология в языкознании?
2. Какие лингвистические направления можно выделить внутри лексикологии?
3. Что такое «денотат»?
4. Что такое «сигнификат»?
5. Что такое «референт»?
6. Как соотносится денотат с референтом?
7. Что такое слово?
8. Сравните слово с другими значимыми языковыми единицами.
9. Определите лексическое значение слова и его связь с понятием.
10. Определите структуру лексического значения слова.
11. Определите содержание семантической структуры слова.
12. Назовите условия, при которых возникает коннотация.
13. Определите сферу применения компонентного анализа.
14. Определите иерархию сем в лексическом значении слова.

Тема 10. Основные пути изменения значения слова

Учебные вопросы

1. Перенос наименования и его виды
2. Внутренняя форма слова
3. Пути изменения словарного состава языка

Перенос наименования и его виды

С течением времени значения слов в любом языке меняются. Прежде всего меняется семантическая структура слова. Появляются новые значения, утрачиваются старые, изменяются связи между ними. Иными словами, происходит развитие лексического значения. Обычно в основе такого развития лежит *перенос* наименования с одного предмета или явления на другой, то есть название какого-то нового предмета или явления именем другого, уже известного, на том основании, что у этих предметов или явлений обнаруживаются какие-то общие признаки. Появляющееся в результате этого новое значение слова называется **переносным**. В основе образования переносных значений могут лежать разные механизмы. Какой-то предмет может быть назван так же, как другой предмет, на который он похож. Например, мы называем вилкой всевозможные приспособления, имеющие зубцы (штепсельная вилка), потому что они по своей форме похожи на ту вилку, с помощью которой мы едим. Таким образом, у слова *вилка* на основе **прямого** значения (*принадлежность столового прибора с острыми зубьями на длинной ручке*) возникло **переносное значение** — *различные устройства и приспособления с деталью в виде зубьев, выступов*. Такой перенос наименования, основанный на сходстве признаков или материальных свойств предметов, называется **метафорическим переносом**, или **метафорой**.

Близок к метафоре **перенос по функции**. Отличается он лишь тем, что основан не на внешнем сходстве предметов, не на общности их материальных свойств, а на сходстве выполняемых ими функций. Так, маленькая металлическая пластинка, используемая для письма чернилами или тушью, называется пером не потому, что она похожа на перо птицы, а потому, что она выполняет ту же функцию, которую когда-то выполняло при письме гусиное перо. Точно так же

стеклоочиститель автомобиля никак не похож на дворника, но его в обиходе называют *дворником*, потому что он выполняет функцию (расчищать, разметать), похожую на функцию дворника.

Помимо переносов по сходству и по функции существует также перенос по смежности, называемый **метонимией**. Это значит, что наименование одного предмета может быть перенесено на другой, если эти предметы соприкасаются в пространстве или во времени. Примером метонимии может служить слово *аудитория*, означающее как помещение для чтения лекций (прямое значение), так и слушателей, находящихся в этом помещении (переносное значение), ср.: *просторная, светлая аудитория* и *внимательная, заинтересованная аудитория*. Слово *бумага* означает как материал, на котором пишут (прямое значение), так и написанный на этом материале документ (переносное значение), ср.: *белая бумага* и *важная, срочная бумага*.

Разновидность метонимии, заключающаяся в переносе наименования с части на целое или, наоборот, с целого на часть, получила особое название — **синекдоха**. Так, слово *рука* наряду с прямым значением (одна из двух верхних конечностей человека) имеет переносное значение (тот, кто способен оказать помощь, протекцию), в котором оно означает уже человека, а не отдельную часть его тела: *у него в министерстве рука*.

В результате развития у слова переносных значений может произойти **расширение**, **сужение** или **смещение** его исходного лексического значения. Например, перенос наименования с метания стрел на метание камней, ядер и т. п. привел к расширению значения глагола *стрелять*. Примером сужения значения может служить слово *пиво*, которое сегодня означает пенистый напиток из ячменного солода и хмеля, а отнюдь не любой напиток. В отличие от расширения и сужения значений, при которых в новом значении частично сохраняется прежнее (стрелять по-прежнему можно и стрелами, а пиво по-прежнему остается напитком), при смещении слово приобретает новое значение, не включающее в себя старое, хотя и связано с ним отношением производности. Примером может служить глагол *красить*, значение которого в ходе развития претерпело и сужение (делать красивым → делать красным, то есть покрывать или пропитывать красной краской), и расширение (покрывать или пропи-

тывать красной краской → покрывать или пропитывать любой краской), а в результате сместилось, так как значение покрывать или пропитывать краской не включает в себя исходного значения делать красивым и не является его частью. В семантической структуре слова *красить* эти два значения сегодня существуют параллельно.

Внутренняя форма слова

Иногда случается и так, что исходное значение полностью забывается, а его место занимает какое-то другое, которое когда-то от него образовалось (то есть само является производным), но теперь уже воспринимается говорящими как основное. Так, большинство носителей русского языка даже не подозревают, что слова *мех* и *мешок* в прошлом были однокоренными; слово *мех* могло означать шкуру и сшитый из нее бурдюк (мешок). В результате такого развития может затемняться или разрушаться внутренняя форма слова.

Под внутренней формой слова понимается мотивированность исходного основного значения слова его морфемным составом, семантическая и структурная соотношенность составляющих данное слово морфем с другими словами языка. Подоконник назван подоконником, потому что он находится под окном, рукавицы названы так, потому что их носят на руках, повар называется поваром, потому что он варит, и т. д. Таким образом, **внутренняя форма слова выражает тот признак, который положен в основу называния предмета или явления.** Как следует из принципа произвольности, условного характера связи между означаемым и означающим, такой признак совсем не обязательно должен быть существенным для называемого предмета. Он может быть связан с функцией предмета, с его размерами, внешним видом и т. д. Так, женщина, которая занимается поддержанием порядка, то есть уборкой в помещении, называется *уборщицей*, а если она занимается тем же самым на улице, во дворе, то — *дворником*. В первом случае в основу номинации положена функция, а во втором — место ее выполнения. Именно поэтому синонимы, обозначающие один и тот же предмет, явление или признак, могут иметь разную внутреннюю форму — *забастовка* (баста — хватит, конец, кончено) и *стачка* (стакнуться — договориться, быть заодно); *изумительный* (приводящий в изумление), *бесподобный* (не имеющий подобия) и *превосходный* (превосходящий других или другие) и т. д.

Особенно ярко различия между лежащими в основе номинации признаками проявляются при совпадении внутренней формы слов, называющих одни и те же предметы и явления в разных языках. И в русском, и в английском языках человека, который шьет одежду, можно назвать по тому, что он шьет. Но если в русском языке это конкретный вид одежды (*портной* — тот, кто шьет порты, то есть штаны), то в английском — просто одежда, одежда вообще (*dressmaker* — тот, кто изготавливает одежду). В немецком языке такого человека называют *Schneider*, что связано с понятием резать (*schneiden*), а французское *couturier* связано с понятием шить (*couture* — шитье). То, что мы по-русски называем *свиданием* (свидеться — увидеть друг друга), по-французски называется *rendez-vous*, что можно перевести как *приходите* (от глагола *se rendre* — являться, приходиться), а по-английски — *date*, то есть назначенное время.

Слово сохраняет внутреннюю форму до тех пор, пока в языке сохраняются другие слова с теми же морфемами. Когда же такие слова уходят из языка и забываются, бывает непросто восстановить внутреннюю форму единственного сохранившегося слова, содержащего эту морфему. Так, мы сегодня еще помним вышедшее из употребления слово *перст*, поэтому нам понятна внутренняя форма слов *наперсток* и *перчатки*, связь их исходных значений с их морфемным составом: то, что надевают на перст или на персты. Однако мало кто помнит сегодня исчезнувшее из русского языка слово *коло* (колесо), поэтому нам уже очень трудно восстановить внутреннюю форму слов *кольцо* и *около*, имеющих исторически тот же корень, что и *коло*. Очень часто восстановление внутренней формы слова требует специальных знаний в области не только исторической лексикологии, но и исторической фонетики и исторической морфологии, поэтому обычно этим занимаются специалисты — этимологи.

Внутренняя форма слова — это мотивированность значения слова его морфемным составом, его связью с другими словами, содержащими те же морфемы. Однако эта мотивированность, характерная для первичного, исходного значения, совсем не обязательно сохраняется у последующих значений слова. Очень часто у слова появляются значения, противоречащие его внутренней форме. Так, значение слова *чернила* давно утратило связь с понятием *черный*. Если исход-

но чернилами называли то, что делает черным (сравните со словом *белила* — то, что делает белым), то сегодня мы пишем и красными, и синими, и зелеными, и даже невидимыми чернилами.

Процесс утраты словом своей внутренней формы называется деэтимологизацией. Причиной деэтимологизации может стать утрата языком мотивирующего слова или морфемы (как в случае со словом *кольцо*) или развитие у слова значения, противоречащего его внутренней форме (как в случае со словом *чернила*). В результате деэтимологизации становятся возможными сочетания таких, казалось бы, несочетающихся слов, как *красноречивый взгляд* и даже *красноречивое молчание* (прилагательное *красноречивый* утратило обязательную связь с речью и стало синонимом слова *выразительный*), *путешествовать на теплоходе* (изначально путешествовать — это шествовать, то есть идти пешком по пути), *цветное белье* (*белье* значит белое, как же оно может быть цветным?) и т. д. В то же время появляются сочетания слов, которые, если исходить из их внутренней формы, нужно было бы признать тавтологичными, то есть повторяющимися значения друг друга: *кислый квас* (*квас* означает квашеный, то есть кислый), *белый лебедь* (слово *лебедь* произошло в результате метатезы от слова *белый*), *черные чернила* и др. Но поскольку квас бывает не только кислым, но и сладким, лебеди бывают черными, а чернила — разноцветными, то все эти словосочетания отнюдь не являются тавтологичными, а лишь свидетельствуют о происходящем у названных существительных процессе деэтимологизации. Связь означаемого и означающего может меняться у слов также в результате так называемой народной этимологии.

Народная этимология — это изменение материальной оболочки слова или его значения под влиянием неправильно понятой, ошибочно приписанной этому слову внутренней формы. Особенно часто примеры такого искажения слов встречаются в детской речи: слово *ртуть* превращается в *вертуть* или *вертутью*, так как, по мнению ребенка, это название происходит от свойства ртути *вертеться*; язык превращается в *лизык* (на основе сближения этого слова со словом *лизать*); с другой стороны, словом *наблюдение* ребенок называет *то, что лежит на блюде*, и полагает, что *лодырь* — это *тот, кто делает лодки*. Подобные искажения слов встречаются и в речи взрослых

людей, особенно часто – в диалектах и в просторечии: *пиджак* превращается в *спинжак* (потому что его носят на спине), *поликлиника* – в *полуклинику* (это ведь не совсем *клиника*, туда только днем ходят) и т. д. Хрестоматийным стал пример народной этимологии, использованный уже в нескольких книгах и фильмах, когда слово *солист* понимается как *человек, который занимается засолкой овощей*. Однако иногда результаты народной этимологии получают закрепление и в литературном языке. Так, слово *близорукий* возникло из *близозъркъ* (то есть *близковидящий*) и должно было бы иметь форму *близозоркий*. Но оно было ошибочно истолковано как определение, относящееся к человеку, который из-за слабого зрения подносит то, что он держит в руках, близко к глазам, то есть подносит *близко руки*. В результате появилась форма *близорукий*, которая в конечном итоге и закрепилась в литературном языке.

Итак, в ходе развития языка слова по разным причинам изменяют свое значение и свою материальную оболочку, а иногда и вообще исчезают из языка. Одновременно с этим в языке появляются новые слова, то есть словарный состав языка постоянно меняется, и это изменение во всех языках характеризуется определенными закономерностями, определенными процессами.

Пути изменения словарного состава языка

Изменение словарного состава языка характеризуется двумя разнонаправленными процессами. С одной стороны, язык обогащается новыми словами (так называемыми **неологизмами**), с другой – утрачивает те слова, которые в силу тех или иных причин устарели и перестали отвечать потребностям общества (**историзмы и архаизмы**). В количественном отношении преобладает первый процесс, тем более что устаревающие слова иногда не уходят из языка полностью, а переходят в пассивный запас. Поэтому с развитием общества словарный состав языка в целом возрастает. Уходят из словаря (а точнее – из активного словарного запаса) два типа слов – историзмы и архаизмы.

Историзмы – это слова, которые выходят из языкового обихода вместе с обозначаемыми ими предметами или понятиями: *боярин, кравчий, целовальник* и т. д. В языке как таковом эти слова остаются, но ис-

пользуются только тогда, когда необходимо назвать эти исторические понятия, когда речь идет о соответствующей исторической эпохе.

Архаизмы – это устаревшие слова, обозначающие такие предметы и понятия, которые сохраняются в обществе, но получили новые названия: *очи (глаза)*, *лицедей (актер)*, *воитель (воин)* и т. д. Архаизмы также иногда продолжают употребляться, но только в тех случаях, когда говорящий либо специально стилизует свою речь под старину, либо хочет придать ей возвышенно-поэтическое звучание.

В целом же развитие словарного состава языка идет по пути его обогащения. Очень редко новые слова придумываются искусственно. Примерами могут служить такие слова, как *liliputian* (лилипут), авторство которого принадлежит Дж. Свифту, или *Kodak* (кодак), которое было придумано как фирменное название фотоаппарата и основано на звукоподражании, имитируя щелчок затвора. В большинстве же случаев слова создаются на основе уже имеющихся в языках морфем.

Существует четыре основных пути пополнения словарного состава языка.

1. Словообразование, то есть создание новых слов из уже имеющихся в языке морфем (собственных или ранее заимствованных в составе других слов) по существующим правилам, или словообразовательным моделям.
2. Переосмысление слов.
3. Заимствование слов из других языков.
4. Калькирование, то есть создание слов путем буквального перевода иноязычного слова.

Рассмотрим каждый из них подробнее.

1. Словообразование. Словообразование, которое иногда также называют деривацией, представляет собой процесс образования одних лексических единиц от других. В зависимости от того, как это образование осуществляется, выделяется несколько способов словообразования.

• **Аффиксация** – это способ образования новых слов путем прибавления к корням или основам словообразовательных аффиксов. Например, на основе корня *реклам-* и суффикса *-ист* возникло слово *рекламист*, означающее человека, создающего рекламу.

Здесь использована та же словообразовательная модель, по которой в свое время были созданы слова *карикатурист*, *стилист* и т. д. Этот способ широко представлен во многих языках мира. Многие слова, не являющиеся сегодня неологизмами, когда-то были созданы с помощью аффиксации (ср.: англ. *speaker*, *helpless*, *unrest*; франц. *changement*, *mangeable*, *revoir* и т. д.). И сегодня этим способом создаются многие новые слова. Так, в английском языке в конце 80-х годов прошлого столетия появились слова *microwaveable* для обозначения блюд, приготавливаемых в микроволновой печи, и *ovenable* (от *oven* — духовка) для обозначения посуды, которую можно ставить в духовку. Одновременно появилось сразу несколько слов с суффиксом *-er*, обозначающих различные виды кинофильмов: *suspenser* — фильм, который держит зрителя в состоянии напряженного ожидания (*suspense*), *oater* (от *oat* — овес), *actioner* (от *action* — действие), а от глагола *to impress*, означающего *произвести впечатление*, с помощью отрицательного префикса *un-* образовался глагол *unimpress* — не суметь произвести впечатление. Подобные неологизмы мы ежедневно слышим в русской разговорной речи: *приколист* (от *прикол* — шутка, розыгрыш), *жутик*, *ужастик* (названия фильмов ужасов, образованные, соответственно, от основ *жуть* и *ужас*) и т. д. На памяти старшего поколения от основы существительного *пылесос* образовались глаголы *пылесосить* и *пропылесосить*, которые сегодня уже не воспринимаются как неологизмы. Но в разговорной речи по этой же модели продолжают образовываться новые глаголы. Например, от основы существительного *ксерокс* образованы глаголы *ксерить* и *отксерить* (ксерокопировать).

Особой разновидностью аффиксации является так называемое обратное словообразование, состоящее в том, что новое слово образуется путем отбрасывания аффиксов от уже имеющегося слова. В результате такого процесса (иногда также называемого редеривацией) в русском языке от слова *доярка* образовалось слово *дояр*, от *фляжка* — *фляга*; тот же процесс, сопровождающийся смягчением конечного согласного звука основы, привел к образованию слова *зелень* (от *зеленый*). Иногда какое-то имеющееся в языке слово ошибочно воспринимается как содержащее деривационный аффикс и образованное от другого, в действительности не существующе-

го. И тогда, по аналогии с соответствующей словообразовательной моделью, создается недостающее слово. Именно таким путем в свое время возникло в русском языке слово *зонт*: заимствованное голландское слово *sonnedeck*, получившее на основе русской артикуляционной базы фонетическое оформление *зонтик*, было воспринято носителями русского языка как уменьшительная форма несуществующего слова *зонт*, которое и было создано и стало употребляться как основная форма. Достаточно распространены примеры обратного словообразования в английском языке: глагол *to lase* (действовать как лазер, от существительного *laser* – лазер), *to baby-sit* (присматривать за детьми в отсутствие родителей, от *baby-sitter* – приходящая няня), *to housekeep* (вести домашнее хозяйство, от *housekeeping* – домашнее хозяйство), *to edit* (редактировать, от *editor* – редактор), *to televise* (передавать по телевидению, от *television* – телевидение) и т. д.

- **Словосложение.** Для образования новых слов также широко используется словосложение. Под словосложением понимают образование новых слов путем соединения двух и более корневых морфем, основ или целых слов: *марсход*, *видеониратство*, *кинорынок* и т. п. – в русском языке, *télécommande* (дистанционное управление), *radioactivité* (радиоактивность) – во французском, *stand-alone* (тот, кто работает независимо, от *to stand* – стоять и *alone* – в одиночку), *moneyman* (финансист, от *money* – деньги и *man* – человек), *longbeard* (старик, от *long* – длинный и *beard* – борода) – в английском, *Alleinhandel* (монополярная торговля, от *allein* – один и *Handel* – торговля), *Bildfunk* (телевидение, передача изображения по радио от *Bild* – картина и *Funk* – радио) – в немецком и т. д.

- **Конверсия.** Следующий способ словообразования – конверсия, то есть образование слова одной части речи от слова другой части речи без всяких морфологических изменений его в исходной форме (так называемый переход одной части речи в другую): сравните нем. *leben* (жить) и *das Leben* (жизнь), *klappen* (хлопать) и *das Klappen* (хлопанье); франц. *boire* (пить) и *le boire* (питье); англ. *to break* (прерываться) и *a break* (перерыв), *a fine* (штраф) и *to fine* (штрафовать), *a round* (круг), *round* (круглый), *round* (вокруг); русск. *блинная*, *пельменная*, *закусочная* – существительные, образованные

по конверсии от прилагательных, *любимый*, *заведующий* – существительные, образованные от причастий, и т. д. Иногда термин **конверсия** понимается в узком смысле: только как безаффиксное образование существительных от глаголов и глаголов от существительных, например, англ. *a jump* (прыжок) от *to jump* (прыгать) и *to water* (поливать) от *water* (вода). При таком понимании конверсии можно сказать, что она используется преимущественно в языках с бедной морфологической системой, где много простых, неприменных слов и где в результате этого существительные и глаголы в своей исходной форме не имеют никаких специальных показателей части речи, как, например, в английском языке, где этот способ словообразования применяется чрезвычайно широко.

• **Аббревиация** – создание слова на основе *аббревиатур*, то есть сокращений усеченных вариантов других слов: *ЭВМ* (*электронно-вычислительная машина*), *НЛО* (*неопознанный летающий объект*), *БДТ* (*Большой драматический театр*), *вуз* (*высшее учебное заведение*), *госдеп* (*государственный департамент*), *адхоз* (*административно-хозяйственный*), *адхозотдел* (*административно-хозяйственный отдел*), *Госдума* (*государственная дума*) и т. д. Этот способ представлен во многих языках мира: ср.: нем. *GmbH* (*Gesellschaft mit beschränkter Haftung* – общество с ограниченной ответственностью), франц. *ovni* (*objet volant non identifié* – неопознанный летающий объект), англ. *brunch* (поздний завтрак или ранний обед от *breakfast* – *завтрак* и *lunch* – *обед*), *VIP* (*very important person* – особо важная персона) и т. д.

2. Переосмысление слов. Новые слова могут появляться в языке не только в результате создания новых означающих, то есть новых материальных оболочек, но и в результате полного изменения значений уже имеющихся слов, материальная оболочка которых наполняется новым содержанием. При этом речь идет не о появлении нового лексико-семантического варианта существующего слова, а о появлении нового слова, когда прежнее значение полностью утрачивается, а его место занимает новое. Такой процесс называется переосмыслением. В результате переосмысления в русском языке появились, например, такие слова, как *вокзал*, *истукан*, *вздор* в их современных значениях. Прежние значения этих слов (*зал для увеселений*, *статуя*, *сдираемая с бревна кора или стружка*) сначала

послужили основой для появления новых, переносных значений, а затем уступили им свое место. В результате появились принципиально иные знаки, с новыми означаемыми.

3. Заимствование. Помимо словообразования и переосмысления словарный состав языка может пополняться за счет заимствования слов из других языков. Слово может заимствоваться непосредственно из того языка, где оно появилось (прямые заимствования) и через языки-посредники (косвенные заимствования). Одно и то же слово может быть заимствовано разными путями и в результате появиться в заимствующем языке в виде нескольких разных слов. Такие слова называются **этимологическими дублетами**. Ярким примером многократного заимствования одного слова через разные языки-посредники служит появление в русском языке слов *юбка*, *шуба*, *zipун* и *жупан*. Все они являются вариантами заимствованного из арабского языка слова *jubba*, которое, пройдя через итальянский, польский, греческий и немецкий языки, в каждом из них приобрело несколько иное звучание и немного изменило значение, так что в результате в русском языке появились четыре названия четырех разных видов одежды.

Слова могут заимствоваться в устной форме или в письменной. В зависимости от того, каким способом слова пришли в язык, они по-разному в нем приживаются, по-разному ассимилируются. **Под ассимиляцией слова понимается приобретение им фонетических, грамматических и семантических признаков, характерных для того языка, которым оно было заимствовано.** Например, слова *антенна*, *стенд*, *темп* не ассимилировались фонетически, так как по фонетическим законам русского языка во всех этих словах должно произноситься мягкое [т'], а они произносятся с твердым, то есть так, как каждое из них произносилось в языке-источнике, где отсутствует палатализация. Обычно слова, заимствованные устным путем, быстрее ассимилируются фонетически.

Письменные же заимствования могут долго сохранять налет иноязычности. Они, как правило, первое время употребляются преимущественно людьми, читающими соответствующую литературу и знающими об иноязычном происхождении этих слов, а поэтому стремящимися произносить их как можно ближе к тому, как они произносятся в исходном языке. Это, естественно, замедляет процесс ассимиляции.

Слова *пальто*, *метро*, *какао*, *кофе* и им подобные не ассимилировались грамматически: они не приобрели присущие русским существительным формы склонения, несмотря на то что были заимствованы достаточно давно.

Существительное *кофе* еще отличается тем, что, имея на конце -е, как русские существительные среднего рода (ср. *море*, *поле*), оно было заимствовано как слово мужского рода. Однако в последнее время оно все чаще употребляется в среднем роде, что свидетельствует о происходящем процессе ассимиляции.

Ассимиляция также бывает семантической. Слово можно считать семантически ассимилированным, когда оно вступает в семантические связи с другими словами языка на основе синонимии, антонимии, гипонимии или гипогиперонимии и т. д., а также начинает служить основой для словообразования. Такая ассимиляция в значительной степени зависит от того, было ли это слово заимствовано вместе с новым предметом или понятием (как, например, было заимствовано русским языком слово *компьютер* или английским *sputnik* в значении *искусственный спутник земли*) или же оно пришло в язык, где уже было слово с близким значением. В первом случае судьба слова во многом будет определяться степенью употребительности соответствующего предмета или понятия, тем, как быстро они войдут в обиход. Во втором же случае слово с самого начала оказывается включенным в семантические отношения с близкими по значению словами. Если значение такого слова полностью совпадает с уже имеющимся в языке, оно может оказаться лишним, ненужным и не прижиться (примером может служить появившееся в свое время в молодежном жаргоне заимствованное из английского языка слово *шузы* — туфли), а может разделить с ним «сферы влияния», как это произошло, например, с парами слов *экспорт* — *вывоз* и *импорт* — *ввоз*: *экспорт* и *импорт* используются как термины внешней торговли, а *вывоз* и *ввоз* сохранили за собой общее, нетерминологическое значение. В исключительных случаях оба слова могут сохраниться в языке как абсолютные синонимы (*бегемот* и *гиппопотам*).

Но так или иначе, заимствованные слова, полностью или частично дублирующие уже имеющиеся, активнее вступают в семантические и словообразовательные связи в заимствующем языке.

4. Калькирование. Промежуточное положение между заимствованием и словообразованием занимает калькирование, поскольку калькированное слово (калька) создано из морфем своего языка, но по заимствованной модели. Кальки подразделяются на словообразовательные и семантические. **Словообразовательная калька** – это **поморфемный перевод иноязычного слова**. Поэтому калькироваться могут только сложные слова. Примером такой кальки (то есть слова, образованного путем калькирования) может служить *небоскреб* (от английского *skyscraper*, состоящего из *sky* – небо и *scraper* – то, что скребет). Иногда иноязычное слово приходит в язык двумя путями – и в виде заимствования, и в виде кальки. Именно так в русском языке появились греческое заимствование *алфавит* (возникшее в греческом языке на основе названий двух первых букв греческого алфавита *альфа* и *бета*) и его калькированный синоним *азбука* (на основе названий двух первых букв русского алфавита *аз* и *буки*). Подобным образом появилась синонимическая пара *концентрировать* и *сосредоточить* (лат. *con* – с, вместе и *centrum* – центр, средоточие).

В качестве разновидности словообразовательной кальки выделяют еще **полукальки**, в которых переводится только часть слова (например, *антитело* от французского *anticorps*). **Семантическая калька** – **приобретение словом нового, переносного значения под влиянием появления такого значения у соответствующего слова другого языка**. Так, под влиянием нового значения английского слова *mouse* (мышь) русское слово *мышь* также стало означать координатный манипулятор (*компьютерная мышь*). Под влиянием французского слова *borné* (*ограниченный* – о территории и человеке) русское слово *ограниченный* также приобрело значение *туповатый, недалекий*. Однако семантическое калькирование приводит к созданию не нового слова, а нового лексико-семантического варианта уже существующего.

Таковы основные пути пополнения словарного состава языка. Даже краткий их обзор показывает, что появление слов связано со множеством самых разных языковых и внеязыковых явлений. Толчком к их созданию служат, как правило, внеязыковые факторы. Конкретный же путь создания слова может быть обусловлен как внешними факторами (скажем, влиянием другого языка), так и внутренними особенностями языка – его фонетическим и грамматиче-

ским строем, лексической системой и т. д. Учет всех этих факторов и лежит в основе общих принципов, выработанных *этимологией* для диахронического изучения словарного состава языка.

Вопросы и задания для самоконтроля

1. Каким образом происходит изменение значения слова?
2. Как осуществляется процесс переноса наименования по смежности?
3. Как происходит расширение значения слова?
4. Почему происходит сужение значения слова?
5. Как образуется внутренняя форма слова?
6. Какое место занимает народная этимология?
7. Каким образом изменяется словарный состав языка?
8. Чем отличаются историзмы от архаизмов?
9. Назовите основные пути пополнения словарного состава языка.
10. Определите процесс словообразования.
11. Дайте характеристику обратного словообразования.
12. Определите особенности процесса словосложения.
13. Дайте характеристику процесса переосмысления.
14. Покажите процесс обогащения словаря языка за счет заимствований.
15. Определите механизм семантической ассимиляции.
16. Определите лингвистическую природу калькирования.

Тема 11. Фразеология как раздел лексикологии

Учебные вопросы

1. Фразеология и фразеологизмы
2. Классификация фразеологизмов

Фразеология и фразеологизмы

Фразеология – это раздел лексикологии, изучающий фразеологический состав языка в его современном состоянии и историческом развитии. Этим же термином обозначают совокупность фразеологизмов того или иного языка. Фразеология как самостоятельная лингвистическая дисциплина возникла в 40-х годах XX столетия.

Ее предпосылки как отдельной науки были заложены в работах А.А. Потебни, И.И. Срезневского, А.А. Шахматова, Ф.Ф. Фортунатова. Существенное влияние на становление и развитие фразеологии оказали труды швейцарского лингвиста Ш. Балли и русского языковеда академика В.В. Виноградова.

Фразеологизмы, или фраземы — это устойчивые сочетания слов, характеризующиеся слитностью, нечленимостью значения и цельностью воспроизведения в речи, например, рус. язык: *водить за нос, спустя рукава, сидеть на бобах, заморить червяка*; франц. язык: *nuit blanche* — «бессонная ночь», *se mettre en quatre* — «разрываться на части», *bête à pleurer* — «безнадежный дурак» и т. д.

В основе образования фразеологизмов лежит **семантическое опрощение**, то есть ограничение значений слов, ставших компонентами фразеологизма. Во фразеологизме образующие его слова получают единое фразеологическое значение: *бить баклуши* — *бездельничать, с глазу на глаз* — *наедине, точить лясы* — *пустословить, сломя голову* — *стремительно* и т. д. Очевидно, что значение фразеологизма не делится на части, соответствующие элементам его внешней формы, как и не вытекает оно из сложения значений отдельных слов.

Фразеологизм в смысловом и функциональном плане эквивалентен знаменательному слову, то есть, как и слово, выражает понятие, обозначает предмет или явление, участвует в построении высказывания. Несоответствие между формальной членимостью фразеологизма и слитностью выражаемого им значения приводит к устойчивости словосочетания, образующего фразеологизм. Главное отличие фразеологизма от обычного словосочетания заключается в том, что в свободном словосочетании составляющие его слова имеют каждое свое собственное значение: *бить* и *посуду*, *точить* и *ножи*, *слопать* и *ветку* и т. д. Они могут разъединяться, а также соединяться по выбору говорящего со многими другими словами языка: *бить* *кувалдой, мальчика, по стеклам, кулаками, камни, рыбу, колокол, врага, глухо* и т. д. В свободном словосочетании его общее значение как бы складывается из значений входящих в него отдельных слов, то есть налицо соответствие между членимостью формы и содержанием.

Вместе с тем между фразеологизмом и свободным словосочетанием существует множество единиц промежуточного типа, принадлежность которых либо к фразеологизмам, либо к свободным

словосочетаниям вызывает дискуссии среди ученых. В современной лингвистике до конца не решен вопрос об объекте фразеологии и критериях выделения фразеологизмов в языке, поэтому существуют два подхода в толковании фразеологии – широкий и узкий. При широком подходе к фразеологии в ее состав включают все сверхсловные, возобновляемые в готовом виде единицы языка, имеющие постоянное, независимое от контекста значение: и афоризмы, и пословицы, и поговорки, и крылатые выражения, и составные терминологические наименования. При узком подходе к фразеологии перечисленные выше единицы в состав фразеологизмов не включаются, а фразеология исследует только связанные значения слов.

Классификация фразеологизмов

Фразеологизмы по своей структуре и семантике оказываются неоднородными. Выделяют до десятка и более критериев фразеологичности: наличие или отсутствие в составе фразеологизма устаревшего компонента, утратившего свое индивидуальное значение; потеря фразеологизмом своей внутренней формы, или немотивированность его значения; постоянство, или неизменность, грамматической формы всех компонентов фразеологизма; невозможность синтаксической трансформации фразеологизма; наличие или отсутствие вариантности в компонентах фразеологизма и другие. Одна из общепринятых классификаций фразеологизмов, предложенная в свое время В.В. Виноградовым, основана на степени семантической слитности компонентов [Виноградов 1977].

Степень семантического опрощения компонентов фразеологизма может быть разной: чем древнее фразеологизм и чем менее связаны составляющие его компоненты со словами общего лексического фонда, тем менее мотивировано его значение, тем больше забыта его внутренняя форма. Как отмечал Ш. Балли, сущность фразеологизмов заключается в том, что между их компонентами наблюдается семантическая спаянность разной степени, которую достаточно трудно градуировать [Балли 2009: 98].

Вместе с тем классификация фразеологизмов по этому признаку включает три основных типа фразеологизмов: фразеологические сравнения, фразеологические единства и фразеологические сочетания.

Фразеологические сращения — это семантически нечленимые устойчивые словосочетания, значения которых совершенно не выводятся из значения составляющих их компонентов: точить лясы, попасть впросак, у черта на куличках, бить баклуши, тянуть канитель, лезть на рожон, очертя голову, турусы на колесах, Шемякин суд, ходить фертом и т. д.

Фразеологические сращения называют иногда **идиомами** (греч. *Idioma* — своеобразное выражение). Идиомы не допускают буквального пословного понимания фразеологизма, так как один из его компонентов обязательно выпал из современного словоупотребления. Нередко фразеологические сращения содержат в себе архаичные грамматические формы: ничтоже сумняшеся, еле можаху, притча во языцех, и вся недолга и т. д.

Этимологический анализ фразеологических сращений дает возможность обнаружить мотивировку их значений. Например, словарь В.В. Даля определяет значение слова *баклуша* как «чурка, болванка для изготовления деревянной посуды (чашек, ложек и т. д.)»; *бить баклуши* в прямом значении значит готовить эти *чурки или болванки*. Дело это считалось легким, несерьезным, почти бездельем, отсюда возникло современное фразеологическое значение: *бить баклуши* — *бездельничать* [Даль 2006].

В этом же словаре *канитель* определяется как «золотая, серебряная или мишурная трубчатая витушка для золотошвейных работ; ее сперва тянут, потом плющат и навивают» [Даль 2006]. Поскольку канитель тянули осторожно, медленно, долго, то отсюда возникло и современное значение фразеологизма. С помощью исторического анализа могут быть истолкованы и другие фразеологические сращения.

Фразеологические единства — семантически нечленимые устойчивые сочетания, целостность которых мотивирована словами, входящими в их состав: *белены объелся, держать порох сухим, стреляный воробей, намылить голову, как с гуся вода, мокрая курица, делать из мухи слона* и др. Различие между фразеологическими единствами и фразеологическими сращениями заключается в том, что единства имеют и прямое значение, и мотивируемое им переносное, осознаваемое говорящими и без исторических толкований.

Фразеологические сочетания — наиболее свободные степени семантической спаянности компонентов устойчивых словосочетаний,

в которых понимание значения отдельных слов обязательно для понимания целого, а также возможны замены компонентов: *потупить взор* (*взгляд, глаза, голову*), *ужас берет* (*страх, тоска, зависть, досада*), *нашло сомнение* (*раздумье, вдохновение*) и т. д. Во фразеологических сочетаниях один из компонентов употребляется в связанном значении, а другой свободном, поэтому может заменяться.

Помимо классификации фразеологизмов по степени семантической спаянности их компонентов существуют и иные классификации, в которых отражаются морфологические, синтаксические, стилистические и другие различия между фразеологическими единицами. Так, во французском языкознании наиболее объективным критерием семантической классификации фразеологических единиц представляется степень смысловой взаимозависимости их компонентов [Назарян, 1987: 65]. Исходя из этого критерия французские фразеологические единицы включают:

1) **идиомы**, т. е. фразеологизмы с двусторонней смысловой зависимостью компонентов; идиомы обладают целостным значением, хотя и различной степенью спаянности компонентов и мотивированности значения;

2) **унилатеральные фразеологизмы**, которые характеризуются односторонней смысловой зависимостью компонентов; в этом случае по меньшей мере один компонент выступает в своем прямом значении [Назарян, 1976: 65].

Разнообразны фразеологизмы и с точки зрения их принадлежности к функциональным стилям. Многие из фразеологических единиц являются разговорными и просторечными (*дать по шапке, возжа под хвост попала, валять дурака*), другие, напротив, принадлежат к книжному стилю (*дамоклов меч, прокрустово ложе, кануть в лету*).

Классификация фразеологизмов производится и с точки зрения их происхождения в том или ином языке. Так, в русском языке одним из источников фразеологии является фольклор: *мели Емеля, твоя неделя; не до жиру, быть бы живу; снявши голову, по волосам не плачут; и швец, и жнец, и в дуду (на дуде) игрец* и т. д.

Важным источником пополнения русской фразеологии является профессиональная речь представителей различных профессий, жаргоны: *тянуть ляжку* — из речи бурлаков, *тянуть канитель* — из речи

мастеров золотых нитей, *закрывать поддувало* и *перевести стрелку* — из речи железнодорожников, *без сучка, без задоринки* и *разделать под орех* — из речи столяров, *играть первую скрипку* — из речи музыкантов, *наше вам с кисточкой* — из речи парикмахеров, *втирать очки* — из речи картежников, *ни в зуб ногой* — из школьного жаргона и т. д. К ним примыкают переосмысленные составные термины наук и производств: *отрицательная величина, центр тяжести, привести к общему знаменателю, довести до белого каления, звезда первой величины* и др.

Богатым источником русской идиоматики служат многочисленные крылатые выражения, восходящие к тексту Библии, так называемые библеизмы: *вавилонское столпотворение, блудный сын, суета сует, камень преткновения, избиение младенцев, метать бисер перед свиньями, посыпать пеплом главу, беречь как зеницу ока, глас вопиющего в пустыне, копать другому яму, умыть руки, невзирая на лица, не сотвори себе кумира* и т. д.

Фразеологический фонд пополняется и за счет цитат из мировой литературы: между Сциллой и Харибдой, разрубить гордиев узел, авгиевы конюшни, сизифов труд, нить Ариадны, перейти Рубикон, жребий брошен, пришел, увидел, победил — античные авторы; а Васька слушает да ест; а воз и ныне там — Крылов; служить бы рад, прислуживаться тошно; а судьи кто? — Грибоедов; бди! Зри в корень! Нельзя объять необъятное — Козьма Прутков; есть еще порох в пороховницах — Гоголь; аппетит приходит во время еды — Рабле; порвалась связь времен — Шекспир и т. д.

Говоря о фразеологизмах, часто отмечают их национальное своеобразие, так как каждый язык имеет свою фразеологию. Перевод фразеологизмов с одного языка на другой чрезвычайно трудный, поскольку пословно фразеологизмы, как правило, не переводятся, а им подбирается подходящий по смыслу фразеологизм. Так, немецкое устойчивое выражение *Schön d(a)ran sein* дословно значит *красиво поэтому быть*, однако в русском языке ему соответствует фразеологизм *сесть в калошу*. Французскому фразеологизму *tête-à-tête* — *голова к голове* соответствует русское устойчивое выражение *с глазу на глаз* — *наедине*, по-английски это звучит как *face to face* — *лицо к лицу*, а по-немецки как *unter vier Augen* — *между четырех глаз*. В каждом из этих языков в основу фразеологизма берется по одной

из однородных примет обоих собеседников, ведущих разговор наедине между собой. Однако француз в этом случае упоминает о голове, русский – о глазе, англичанин – о лице, а немец – о четырех глазах. Английское выражение *have a drop in one's eye* дословно переводится как *иметь капельку в одном глазу*; в русском языке в качестве эквивалентного используется фразеологизм *быть под хмельком*.

Таким образом, фразеологизмы выступают в качестве средства образного отражения мира, они вбирают в себя мифологические, религиозные, этические представления народов разных эпох и поколений. Фразеологический состав языка является непосредственным компонентом культуры народа, отражающим особенности его духовного склада. Уместно употребленные фразеологизмы оживляют и украшают как устную речь, так и литературно-художественные произведения.

Вопросы и задания для самоконтроля

1. Что такое фразеология?
2. Каковы источники фразеологии?
3. Чем отличаются фразеологизмы от фразем?
4. Что такое «семантическое опрощение»?
5. Что такое «идиомы»?
6. Какой смысл вкладывается в понятие «крылатые выражения»?
7. Какое место во фразеологии занимают библеизмы?
8. Какая связь существует между фразеологией и профессиональными жаргонами?
9. Дайте характеристику основных классификаций фразеологизмов.
10. Укажите критерии, которые лежат в основе их классификации.
11. Дайте характеристику фразеологических сращений.
12. Определите сущность фразеологических единств.
13. Определите природу фразеологических сочетаний.
14. Назовите классификации фразеологизмов, которые строятся на других критериях, в отличие от семантического подхода.
15. Назовите имена лингвистов, которые внесли значительный вклад в исследование фразеологии.

Тема 12. Лексикография как раздел лексикологии

Учебные вопросы

1. Понятие лексикографии
2. Энциклопедические словари
3. Лингвистические словари

Понятие лексикографии

Лексикография (греч. *Lexicon* – словарь, *grapho* – пишу) – наука о словарях и практике их составления.

Лексикография является практическим разделом лексикологии, так как системное описание лексики наиболее ярко воплощается в словарях различного типа. Лексикографией называется также теория, предметом которой является разработка принципов и методик составления словарей.

В дословарный период элементами словарей выступали глоссы (греч. *Glossa* – устаревшее или малоупотребительное слово). Они представляли собой написанные на полях либо непосредственно в тексте книги перевод или толкование непонятного слова или выражения.

Словари подразделяются на лингвистические и энциклопедические.

Энциклопедические словари, или энциклопедии, раскрывают научные понятия, дают сведения о предметах и явлениях, событиях и лицах, в то время как *лингвистические словари* характеризуют слова и только попутно – предметы и понятия.

Энциклопедические словари

Энциклопедии подразделяются на универсальные и специальные, или отраслевые. Универсальные энциклопедии дают систематизированные знания по всем областям жизни общества и по различным отраслям науки (например, БСЭ – Большая советская энциклопедия). Специальные, или отраслевые энциклопедии содержат систематизированный свод знаний из той или иной области науки, техники, производства или культуры (энциклопедия медицинская, философская, физическая, биологическая, архитектурная, музыкальная и т. д.).

Лингвистические словари описывают слова с их значением, употреблением, грамматическими характеристиками, морфемным составом, стилевой принадлежностью, орфографическими и орфоэпическими нормами и т. д. Лингвистические словари делятся на одноязычные и двуязычные, или многоязычные. Одноязычные словари содержат сведения о словах одного языка, того, на котором эти сведения изложены. Двуязычные, или многоязычные словари, или переводные словари содержат слова одного языка и перевод их на другой язык или языки.

В структурном плане словарь включает следующие составляющие части:

- а) словник – подбор вокабул (заглавных слов) со взаимными ссылками и отсылками;
- б) филиации – расчлененная подача значений той или иной вокабулы;
- в) стилистические, грамматические, фонетические ремарки или пометы к словам и их значениям;
- г) иллюстративные примеры;
- д) идиоматические и фразеологические сочетания, содержащие данное слово;
- е) перевод (в разноязычных словарях) или толкование (объяснение – в одноязычных словарях).

Лингвистические словари

Среди лингвистических словарей в зависимости от способа описания слова, целей и задач описания выделяются словари толковые и аспектные. Толковые словари дают толкование значений слов какого-либо языка формами этого же языка. Основное назначение толкового словаря состоит в том, чтобы истолковать, объяснить значение слова с помощью логического определения, подбора синонимов или указания на грамматическое отношение к другому слову, а также показать с помощью иллюстраций применение слова в речи, дать характеристику стилистической принадлежности слова.

Среди толковых словарей принято выделять словари нормативные и ненормативные. Нормативные толковые словари содержат слова и сведения о них в строгом соответствии с действующими языковыми нормами, их задача состоит в том, чтобы объяснить значе-

ния слов и показать правила их использования в речи. Ненормативные толковые словари содержат, наряду с лексикой литературного языка, и диалектную лексику с указанием территории ее распространения, а также лексику, связанную с народными промыслами, ремеслами. Их назначение состоит в том, чтобы описать возможно большее количество слов, входящих в сокровищницу языка.

В зависимости от объема словника, принципов отбора материала и его характеристики выделяют толковые словари большие, или полные, и малые, или краткие. Большие (полные) толковые словари охватывают по возможности всю лексику литературного языка, поэтому их называют также тезаурусами. Малые (краткие) толковые словари толкуют лишь наиболее активные в речи слова, а также некоторые тематические группы словарного состава языка, территориально и социально ограниченную лексику.

Аспектные словари раскрывают отдельные аспекты слов и характер отношений между ними. Перечислим основные виды аспектных словарей:

- исторические словари – включают сведения, относящиеся к истории слов того или иного языка, которая обычно прослеживается по письменным памятникам; фиксируют лексику различных хронологических срезов;
- этимологические словари – содержат сведения о наиболее древних значениях и их мотивировке, а также о первичных формах слов;
- словообразовательные словари – иллюстрируют словообразовательную структуру наиболее употребительных слов языка;
- грамматические словари – дают представление о грамматических свойствах слова, в том числе о его парадигме, т. е. совокупности всех его форм;
- орфографические словари – фиксируют нормативное написание слов;
- орфоэпические словари – содержат информацию о нормативном произношении и ударении слова;
- синонимические словари (словари синонимов) – характеризуют синонимические ряды при их доминанте и дают иллюстративный материал к ним;
- антонимические словари (словари антонимов) – фиксируют антонимические однокоренные и разнокоренные пары;

- омонимические словари (словари омонимов) – приводят омонимические пары, дают квалификацию омонимов с точки зрения их образования или происхождения;
- словари паронимов – предлагают толкование слов-паронимов, указывают на различия в их сочетаемости, объясняют случаи ошибочного употребления;
- частотные словари – фиксируют частотность употребления слова в тексте;
- фразеологические словари – систематизируют фразеологический фонд того или иного языка;
- ассоциативные словари – строятся на основе изучения связей слов, ассоциаций, существующих между словами в сознании говорящих;
- терминологические словари – классифицируют лексику языка по отраслям знаний.

Основные функции словарей состоят в том, что они позволяют приобщиться к накопленным знаниям (информативная функция), способствуют межъязыковому общению, обучению родному и иностранному языку (коммуникативная функция), дают описание языковых единиц, фиксируют их значения, способствуя нормализации и унификации языка как средства общения (нормативная функция).

Вопросы и задания для самоконтроля

1. Какое содержание включает в себя понятие «лексикография»?
2. Что такое глоссы?
3. Что такое словник?
4. Что представляют собой филиации?
5. Чем отличаются понятия «глоссы» и «глоссарий»?
6. Какие основные типы словарей выделяются в лексикографии?
7. Чем отличаются универсальные энциклопедические словари от специальных энциклопедических?
8. Назовите составляющие части словаря.
9. Дайте характеристику энциклопедических словарей.
10. Дайте характеристику лингвистических словарей.
11. Назовите особенности аспектных словарей.
12. Назовите основные функции словарей.

Модуль 4. ГРАММАТИКА

Тема 13. Морфология как раздел грамматики

Учебные вопросы

1. Грамматика и ее основные понятия
2. Морфология и ее основные понятия
3. Части речи

Грамматика и ее основные понятия

Термин «грамматика» (др.-греч. «наука о грамоте», «грамота») многозначен: во-первых, он обозначает науку – раздел языкознания; во-вторых, объект этой науки – объективно существующий в каждом языке грамматический строй.

В свою очередь, **грамматический строй** понимается как:

1) совокупность правил функционирования единиц языка на всех уровнях его структуры;

2) совокупность правил построения: а) лексических единиц (слов и их форм из морфем); б) связных высказываний и их частей из лексических единиц, отбираемых в процессе речи соответственно выражаемой мысли.

Прежде чем приступить к изложению основных проблем грамматики, необходимо определить основные понятия этого раздела языкознания.

Грамматическое значение – это значение, выступающее как добавочное к лексическому значению слова и выражающее различные отношения: отношение к другим словам в словосочетании или в предложении, отношение к лицу, совершающему действие, или другим лицам, отношение сообщаемого факта к действительности и времени, отношение говорящего к сообщаемому и т. д.

Обычно слово имеет несколько грамматических значений. Так, слово «*страна*» имеет значения женского рода, именительного падежа, единственного числа. Слово «*написал*» имеет грамматические значения прошедшего времени, единственного числа, мужского рода, совершенного вида.

Грамматические значения находят в языке свое выражение – морфологическое или синтаксическое. Морфологический способ выражения грамматического значения осуществляется благодаря форме слова, особенностям его построения, его отдельным частям, например, окончаниям. Синтаксический способ выражения грамматического значения включает порядок слов в предложении, интонацию, служебные слова, обслуживающие все предложение или словосочетание.

Своеобразие грамматических значений состоит в том, что они в отличие от лексических значений не называются в речи прямо, а выражаются попутно; они как бы сопутствуют лексическим значениям. Однако в создании целостного высказывания грамматические значения играют не меньшую роль, чем лексические значения отдельных слов, например: *подарок жены – подарок жене; достань палку – достань палкой; «Вперед!» – «Вперед?»*.

Из приведенных пар примеров видно, что грамматические значения выявляются в противопоставлениях. Грамматические оппозиции образуют системы, называемые грамматическими категориями.

Грамматическая категория – это система (упорядоченная совокупность) противопоставленных друг другу грамматических значений, выраженных теми или иными формальными показателями.

Так, значения отдельных падежей объединяются в категорию «падежа», значения отдельных форм времени объединяются в категорию «времени». Можно сказать, что грамматическая категория относится к грамматическому значению как общее к частному.

Грамматические категории подразделяются на несколько видов по количеству противопоставленных членов (или граммем):

- а) грамматические категории двучленные: число в русском языке: единственное – множественное; глагольный вид: совершенный – несовершенный;
- б) грамматические категории трехчленные: глагольное наклонение в русском языке: изъявительное, повелительное, сослагательное; грамматический род: мужской – женский – средний;
- в) грамматические категории многочленные: падеж в русском языке: именительный – родительный – дательный – винительный – творительный – предложный.

Грамматика традиционно подразделяется на два больших раздела:

- 1) морфологию, или грамматику слова;
- 2) синтаксис, или грамматику связной речи.

Дадим более полное определение обоих разделов грамматики.

Морфология (греч. «*morphe*» – форма, «*logos*» – учение) – это грамматическое учение о слове, включающее учение о структуре слова, формах словоизменения, способах выражения грамматических значений, а также учение о частях речи и присущих им способах словообразования.

Синтаксис (греч. «*syntaxis*» – составление) – раздел грамматики, изучающий строй связной речи и включающий две основные части: 1) учение о словосочетании; 2) учение о предложении.

Морфология и ее основные понятия

Как было сказано выше, **морфология** – это грамматическое учение о слове.

Слово и морфема являются основными единицами морфологического компонента языковой системы – верхней и нижней. К компетенции морфологии относится изучение слов и морфем в таких аспектах, как:

- их свойства, позволяющие осуществлять сегментацию речи на слова и морфемы и инвентаризацию этих единиц в лексиконе и морфемиконе;
- особенности строения слов и морфем как знаков со своими означаемыми и означающими;
- характер оппозиций между словами (и, соответственно, между морфемами), лежащих в основе системной организации лексикона и морфемикона;
- дифференциальные признаки, определяющие место слов и морфем в соответствующих системах и обеспечивающие их различение и отождествление;
- характер варьирования слов и морфем в речи и дистрибутивные отношения между вариантами одного слова и, соответственно, между вариантами одной морфемы;
- фонемная и просодическая структура экспонентов как слов, так и морфем.

В том, что касается слова, морфология рассматривает такие проблемы, как:

- 1) грамматические значения и грамматические категории слов;
- 2) системы формальных показателей грамматических значений;
- 3) принципы грамматической классификации слов на части речи;
- 4) способы организации морфемных, формообразовательных и словообразовательных структур слов.

Исследование морфем целиком входит в компетенцию морфологии. Свое основное внимание морфология сосредоточивает на слове и его морфологической структуре, работая с морфемой как простейшей значимой единицей и словом как единицей более сложной, чем морфема.

Морфология противопоставляется синтаксису, в котором исследуются правила образования связной речи. На долю синтаксиса, в отличие от морфологии, приходится исследование единиц более сложных, чем слово, т. е. надсловных единиц.

Виды морфем. Одно из основных понятий, рассматриваемых в морфологии, это — **морфема, которая представляет элементарную двустороннюю единицу языка.** Понятие «морфема» было введено И.А. Бодуэном де Куртенэ как понятие, объединяющее частные понятия корня, приставки, суффикса, окончания, т. е. как «понятие минимальной значащей части слова, линейно выделяемой в виде некоторого «звукового сегмента» (отрезка) при морфологическом анализе. В дальнейшем понятие «морфема» было значительно расширено в лингвистике, и теперь морфема рассматривается как универсальная языковая единица.

Итак, морфема — это минимальная значимая единица языка, далее неделимая. Прежде всего выделяются:

- 1) морфемы сегментные:
 - а) части слова: (корни, приставки, суффиксы, окончания), нулевые окончания (дом, стол);
 - б) целые слова — служебные слова (предлоги — к, на, при; союзы — и, но);
- 2) морфемы супraseгментные:
 - а) ударение;
 - б) интонация;
 - в) чередование фонем.

Сегментные морфемы. Сегментные морфемы разделяются на два больших класса: 1) корни; 2) некорни или аффиксы разного рода.

Аффикс (лат. *affixum* – «прикрепленное») – общий термин для всех некорневых сегментных морфем, входящих в состав слова, как бы прикрепленных к корню как ядру слова. Эти два класса морфем противопоставляются друг другу, во-первых, по характеру выражаемого значения; во-вторых, по своей функции в составе слова.

Корни в составе знаменательных слов являются носителями самостоятельных лексических значений. Ср.: *рук-*: *рука*, *рук-* (*руч-*): *ручка* (*маленькая ручка*) и *ручка* (*дверная или для писания*).

Аффиксы не несут самостоятельных лексических значений. Аффиксы выражают значения:

- 1) лексико-грамматические (деривационные, или словообразовательные): *-к*: деривационный аффикс: ср.: рус. *руч-к-а*; *-ник*: *рукомойник*; *при-*: *приручить*, *выручить*; франц. *porter – porteur*; англ. *to teach – teacher*;
- 2) собственно грамматические (реляционные, или словоизменяемые): рус. *-а*: *рук-а*, *ручк-а*; *-ой*: *ручн-ой*; англ. *friend – friends*; франц. *travail – travaux*;
- 3) формально-структурные: рус. *рук-о-мойник* (*о* – соединительный гласный); нем. *Arbeitsstag – рабочий день*.

Соответственно, между корнями и аффиксами наблюдаются следующие формальные различия.

1. Различия в линейной протяженности и фонемном составе: в среднем протяженность корневой морфемы оказывается больше средней протяженности аффиксальной морфемы, а наиболее короткими являются морфемы формально-структурные.

2. Различия в позиционной характеристике: в соответствии с ролью корня как смыслового ядра слова корневая морфема служит ориентиром, по отношению к которому определяется позиция всех аффиксальных морфем; в русском языке и ряде других возможны три позиции и в соответствии с ними три главных позиционных класса аффиксов.

Префиксы, или приставки. Морфемы в позиции перед корнем; это особенно типично для глаголов и отглагольных имен, наблюдаются также в других частях речи, например, префикс *наи-* в превосходной степени прилагательных.

Примеры: фр. *porter – exporter – comporter*; англ. *to stand – to understand*; нем. *shtein – стоять, vershtein – понимать*; рус. *носить – уносить – приносить – относить*.

Постфиксы. Морфемы в позиции после корня:

– рус. *краса – крас-ота – крас-неть – крас-ный – красн-оват – ый*;
– франц. *lent – lente – lentement*; англ. *beauty – beautiful – beautifully*.

Интерфиксы. Морфемы в позиции между корнями, если их в слове более одного; в качестве интерфиксов выступают формально-структурные морфемы, соединительные аффиксы:

– орфографическое -о- : *лесоруб, пароход, водовоз*;

– орфографическое -е- : *бурелом*;

нем. *Arbeit-s-tag – рабочий день*.

Суффиксами называются все постфиксы, которые не попадают в число окончаний, независимо от того, занимают ли они конечную или неконечную позицию в слове. Основное различие между суффиксами и флексиями состоит в том, что первые выражают значения деривационные (словообразовательные), а вторые – реляционные.

Префиксы и постфиксы широко представлены во всех языках. Однако есть языки, в которых один из этих типов морфем или вовсе отсутствует, или используется редко. Так, тюркские и финно-угорские языки не употребляют или почти не употребляют префиксов. Многие языки Африки не имеют постфиксов. Значительно меньше, чем префиксы и постфиксы, распространены в языках мира интерфиксы. Они довольно широко используются в немецком языке: соединительное *-s* в слове *Arbeit-s-tag – рабочий день*, или: *Beruf-s-verbot – запрет на профессию*.

В некоторых языках система позиционных классов морфем является более сложной, чем в русском языке. Это имеет место там, где встречаются так называемые **прерывистые морфемы**, то есть морфемы, представленные прерывистым сегментом, способным расщепляться вставкой «постороннего» сегмента, представляющего другую морфему.

Инфиксы. Инфикс (лат. *infixum* – «прикрепленное внутри») – **непрерывная аффиксальная морфема, которая вставляется внутрь прерывистой корневой морфемы**. Например, *-n-* в латинском языке – инфикс настоящего времени: *findo – раскалываю, fidi – я расколол* (корень *fi ...d -*).

Инфиксы используются в ряде глагольных форм древних и некоторых современных индоевропейских языков (древнегреческий, латинский, литовский). В английском языке отмечается остаток старогинфикса *-n* в глаголе *to stand* – *стоять* (ср. с формой прошедшего времени – *stood*). В современном английском языке это единичный изолированный случай, а не регулярный грамматический прием.

Циркумфиксы. Циркумфикс – прерывистая аффиксальная морфема, которая охватывает с двух сторон корень: нем. *ge ... t, ge ... n*, так называемое «причастие второе»: *ge-mach-t* – *сделанный (machen)*; *gelese-n* – *прочитанный (lesen)*. Исторически циркумфикс есть сочетание префикса и постфикса, слившихся в смысловом и функциональном отношении в одно целое, в одну морфему.

Трансфиксы. Трансфикс – прерывистая аффиксальная морфема, сцепившаяся с корневой и как бы пронизывающая, проходящая сквозь корневую морфему. Так, в арабском языке единственное число выражается трансфиксом «*a*», а множественное число – трансфиксом «*u*», например: при корне *b ... j ... t*: *bajt* – *дом*, *bujut* – *дома*; при корне *d ... r ... s*: *dars* – *урок*, *durus* – *уроки*. По аналогии заимствованное из европейских языков слово *bank* – *банк* (корень *b ... n ... k*) во множественном числе имеет форму *banuk*.

Морфемы-повторы. Своеобразным типом морфем являются разного рода повторы тех или иных отрезков в рамках слов и даже повторы целых словоформ. Закономерное, систематически применяемое повторение, которое характеризует определенные языковые единицы, называется редупликацией (лат. *re* – *вновь*, *duplication* – *удвоение*). Примеры:

1) повтор как средство организации слова или корня слова: повтор слога или согласного: а) «детские» слова: *мама, папа, баба, няня, цаца, вава, биби*; б) звукоподражательные слова: *гав-гав, ку-ку, динь-динь, ха-ха-ха, куковать, хохотать, хихикать*;

2) редупликация используется в аффективных, эмоционально насыщенных образованиях: рус. *тары-бары, тья-ляп*, франц. *pêletête* – *всякая всячина*, *rififi* – *потасовка*, *bibine* – *кабачок*, *gaga* – *человек, впавший в детство*; англ. *wish-wash* – *бурда, болтовня*; *riff-raff* – *сброд, шпана*;

- 3) повторы, передающие значение:
- интенсивности качества: *синий-синий*;
 - длительности, многократности действия: *ходишь-ходишь, просишь-просишь*;
 - значение множественного числа: малайский язык: *orang* – человек, *orang orang* – люди;
 - значение разделительности: корейский язык: *сарам* – человек, *сарам сарам* – каждый из людей.

Несегментные морфемы. Все несегментные морфемы являются по своему значению грамматическими морфемами.

Первый тип – нулевые морфемы: это морфемы, которые формально не выражены, но имеют то или иное грамматическое содержание. Отсутствие окончания в форме «*бел*» рассматривается как нулевая морфема, так как эта форма противостоит форме «*белый*», а также формам «*бела*», «*бело*». Пример нулевого суффикса: в форме множественного числа «*болгары*», «*киевляне*», «*крестьяне*» (ср.: *болгар-ин*, суффикс *-ин* ед. числа). Нулевая морфема, противопоставленная служебному слову: отсутствие частицы «*бы*», отличающее в русском языке формы прошедшего времени от формы сослагательного наклонения: *читал* – *читал бы*.

Второй тип несегментных морфем – **супрасегментные морфемы**, форма выражения которых совпадает с формой выражения отдельных сегментных морфем.

Супрасегментные морфемы, связанные со словом, называются супрафиксами или симульфаксами. Это: 1) значащие чередования фонем; 2) значащие изменения места ударения; 3) значащие изменения в порядке следования тех или иных морфем в составе слова.

Чередования. Рассмотрим пример:

высокий	высь	высятся
новый	новь	обновят
глубокий	глубь	углубят

Противопоставление непалатализованного согласного палатализованному позволяет подразделить, с одной стороны, класс прилагательных, с другой стороны, классы существительных и глаголов. То есть грамматическое значение выражается благодаря чередованию дифференциального признака «палатализованность» / «непалатализованность».

Примером использования чередования согласных в качестве самостоятельного различителя грамматических значений могут служить случаи, когда дифференциальный признак «звонкость» последнего согласного указывает на глагол, отличая его от существительного, например:

англ.	mouse	[maʊs]	мышь
	mouse	[maʊz]	ловить мышей
	house	[haʊs]	дом
	house	[haʊz]	поселиться

Чередование согласных с нулем для образования форм мужского рода прилагательных во французском языке:

женский род		мужской род	
longue	[lɔ̃:g]	long	[lɔ̃]
ronde	[rɔ̃:d]	rond	[rɔ̃]
mauvaise	[mavɛ:z]	mauvais	[mavɛ]
douce	[dus]	doux	[du]

Мужской род образуется от женского путем отбрасывания последнего согласного. Таким образом, отсутствие согласного указывает на мужской род.

Ударение. Ударение — показатель грамматического значения и поэтому является супraseгментной морфемой. В английском языке нередко глагол и существительное, совпадающие по фонемному составу, различаются благодаря ударению. Примеры:

англ. *progress* [prɒʊgr'ɛs] — *прогрессировать*, *progress* [pr'ɒʊgrɛs] — *прогресс*, *import* [ɪmp'ɔ:t] — *импортировать*, *import* [ɪmpɔt] — *импорт*, *increase* [ɪnkri's] — *увеличивать*, *increase* [ɪnkri:s] — *прирост*;

рус. *замóк* — *зámок*, *мука́* — *му́ка*, *кружкíи* — *кру́жки*, *передохнúть* — *передóхнуть*, *насыпáть* — *насы́пать*.

Интонация. Интонация относится не к слову, а к фразе и тем самым грамматически связана с предложением и его строением. Интонация характеризует:

а) модальную форму предложения: при том же порядке тех же слов во многих языках можно отличить интонацией вопросительные предложения от утвердительных, предложения, выражающие сомнение, от предложений, выражающих удивление или побуждение, например: *Он пришел?* / *Он пришел.* / *Он ... пришел ?!*;

б) расстановка и градация пауз внутри предложения может показывать группировку членов предложения или расчленение предложения: «Ходить долго — не мог». / «Ходить — долго не мог»; «Казнить, нельзя миловать» / «Казнить нельзя, миловать».

Части речи

Термин «части речи» является буквальным переводом с латинского языка — partes orationis (франц. «parties du discours», англ. «parts of speech»). Говоря о частях речи, имеют в виду грамматическую группировку лексических единиц языка, то есть выделение в лексике языка определенных групп или разрядов, характеризующихся теми или иными грамматическими признаками.

На протяжении последних двух столетий проблема частей речи была предметом острых дискуссий среди ученых-лингвистов. Наиболее перспективный путь решения этой проблемы наметил академик Л.В. Щерба в известной статье «О частях речи в русском языке», которая впервые была опубликована в его «Избранных трудах по русскому языку» в Москве в 1957 году. В настоящее время эта статья доступна широкому кругу читателей в хрестоматии по дисциплине «Введение в языкознание» (составители А.В. Блинов, И.И. Богатырева и др.), которая вышла в 2000 году в Москве в издательстве «Аспект Пресс» (с. 184–203).

Л.В. Щерба исходит из того, что в языке «форма и значение неразрывно связаны друг с другом: нельзя говорить о знаке, не констатируя, что он что-то значит; нет больше языка, как только мы отрываем форму от значения», с другой стороны, «нет категорий, не имеющих формального выражения». В вопросе о частях речи исследователь «должен разыскивать..., под какую общую категорию подводится то или иное лексическое значение», причем нужно учитывать, что «внешние выразители категорий могут быть самые разнообразные» [Щерба 2000: 184–203].

Пусть слова вроде «кенгуру», «какаду», «такси» не имеют падежных окончаний. Однако это не значит, что эти слова не имеют грамматических категорий «падежа» и «числа». Это выясняется при анализе даже минимального контекста с этими словами:

- 1) мой какаду; какаду моего брата; какаду сидит в клетке;
- 2) прыжки этого кенгуру (род. падеж, ед. число);

3) прыжки этих кенгуру (род. падеж, мн. число);

4) видел **белого** какаду; видел **маршрутное** такси.

Грамматические категории имени существительного: падеж, число, род, одушевленность / неодушевленность.

Грамматические категории, характеризующие слова той или иной части речи, не совпадают или не вполне совпадают в разных языках, но они в любом случае обусловлены общим грамматическим значением данного класса слов. Так, из общей категории «предметности», составляющей грамматическое значение имени существительного, вытекают отдельные грамматические категории данной части речи, в частности в русском языке — категории падежа, числа, рода, одушевленности / неодушевленности, выражаемые соответствующими формальными показателями.

Споры по вопросу о частях речи продолжают до сих пор. Стремясь примирить разноречивые точки зрения, некоторые лингвисты провозгласили так называемый «смешанный принцип» выделения частей речи. Согласно этому принципу нужно учитывать и общее («категориальное») грамматическое значение каждого разряда слов, и присущие этим словам грамматические категории, и типы формо- и словообразования, и синтаксическую сочетаемость, и характерные функции этих слов в связной речи.

Конечно, все перечисленные моменты должны учитываться в определенной мере, с отбором более существенного. В частности, синтаксические функции обнаруживают при сравнении языков большее сходство, чем типы формо- и словообразования. Ведущим моментом является все же общее грамматическое значение, которое у каждой отдельной части речи обязательно проявляется в той или иной совокупности формальных примет морфологического и синтаксического порядка. При этом грамматическое значение важнейших частей речи является общим для многих языков, тогда как отдельные категории частей речи (акциденции), то есть приметы, в которых проявляется это общее грамматическое значение, особенно морфологические, в каждом языке специфичны.

Принцип общего грамматического значения и лежит в основе традиционной системы частей речи. Прежде всего выделяются более крупные классы слов, чем отдельные части речи: знаменатель-

ные слова и служебные слова. Рассмотрим части речи, входящие в класс знаменательных слов.

Знаменательные части речи. К знаменательным частям речи относятся имя существительное, имя прилагательное, глагол, наречие, числительное, местоимение. Имя (именные части речи – существительное и прилагательное) по своим семантическим, грамматическим и синтаксическим признакам противопоставит глаголу. Такое противопоставление имени и глагола наиболее распространено во всех языках мира, так как соотносится с членением высказывания на субъект и предикат.

Имя существительное. Имя существительное выражает грамматическое значение «предметности». Историческим ядром существительных были, по-видимому, названия предметов в прямом смысле (копье, камень, названия животных, людей, веществ и т. п.). Затем развились существительные с более абстрактными, «невещественными» значениями – названия отрезков времени (день, год), свойств в отвлечении от носителей свойства (белизна), действий и состояний в отвлечении от производителей (бег, ученье, рост), отношений (связь, зависимость) и т. д.

Человеческая мысль способна сделать своим предметом все, что доступно человеческому сознанию. Мы можем говорить или думать о реальном предмете, отмечая попутно его свойство: «белый снег»; но можем также выделить это свойство, поставить его в центр внимания – «белизна снега»; или же рассмотреть свойство само по себе в отвлечении от его носителя – «белизна».

Первичные синтаксические функции существительного – функции подлежащего и дополнения. Наиболее типичные грамматические категории – падеж, число.

Категория падежа выражается:

- 1) с помощью аффиксов: в английском языке притяжательный падеж выражается с помощью морфемы –s, что касается общего падежа, то он выражается нулевой морфемой;
- 2) с помощью аналитических средств – предлогов, порядка слов.

Содержание категории падежа составляют разнообразные отношения между существительным и другими словами в предложении, определенным образом отражающие отношения между реальными

предметами, предметом и действием и т. д. Категория числа выражается, во-первых, аффиксацией, во-вторых, редупликацией. Содержание категории числа составляют количественные отношения, отраженные сознанием человека и формами языка. В русском языке и некоторых других два числа – единственное и множественное. В некоторых языках есть двойственное, тройственное числа, множественное небольшого количества.

Категория определенности / неопределенности выражается:

- 1) с помощью артикля (французский, английский, немецкий языки и др.);
- 2) с помощью аффиксации – определенный артикль в скандинавских, румынском, болгарском, албанском языках.

Неопределенность выражается отсутствием артикля (болгарский язык) или специальным неопределенным артиклем. В языках, не имеющих категории «определенности / неопределенности» как развитой грамматической категории со специализированными показателями, выражение значений «определенности / неопределенности» могут брать на себя другие грамматические категории, например категория падежа: *выпил воды – выпил воду*.

Имя прилагательное. Имя прилагательное выражает грамматическое значение качества или свойства, называя их как признак, данный в чем-то, в каком-то предмете: не белизна, а белое что-то (снег, хлеб).

Как говорит Л.В. Щерба, «без существительного, явного или подразумеваемого, нет прилагательного» [Щерба 2000: 191]. Грамматическая подчиненность прилагательного существительному проявляется в одних языках в его согласовании с существительным, в других – в его линейной позиции в составе атрибутивной группы перед существительным, например, в английском языке между артиклем и существительным или после него. Первичные синтаксические функции прилагательного: определение (*белый хлеб*), именная часть сказуемого (*он – болен; он – больной*).

Признаки, обозначаемые прилагательными, могут варьироваться по степени интенсивности (силы), отсюда специфическая грамматическая категория качественных прилагательных – категория степеней сравнения.

Глагол. Глагол состоит из двух рядов образований:

- 1) **собственно глагола** (*verbum finitum*): *читаю, читал, читай, читал бы*;
- 2) **вербоидов**: *читать, читающий, читанный, читая*, совмещающих признаки и свойства глагола с признаками и свойствами некоторых других частей речи.

Собственно глагол выражает грамматическое значение действия, то есть признака динамического, протекающего во времени. Отношение к «неизвестному» или «неопределенному» лицу мы имеем в неопределенно-личном употреблении глагола: рус. *говорят; что посеешь, то и пожнешь*; франц. *on parle*; нем. *man sagt*; англ. *it is raining*.

Независимо от того, обозначено ли лицо в самой глагольной форме или вне ее, факт обязательной соотнесенности с лицом есть свойственная собственно глаголу **предикативность**, характерная для него предикативная (сказуемая) функция: собственно глагол всегда или почти всегда является в предложении сказуемым. В противоположность этому вербоиды могут выполнять различные синтаксические функции, а также участвовать в образовании аналитических форм собственно глагола.

Типичные грамматические категории глагола: время, наклонение, залог. Категория времени служит для локализации во времени того действия, которое обозначено глаголом. Отдельные виды этой категории (граммемы) выражают различные типы отношений между временем действия и временем высказывания о нем, то есть моментом речи, а иногда между временем действия и каким-то другим моментом, помимо момента речи, например: относительные времена: плюсквамперфект — прошедшее, предшествующее другому прошедшему. Особый случай — переносное употребление времен, например: «настоящее историческое» (*présent historique*) в рассказе о прошлом: *«Иду я вчера по улице»*.

Наклонение выражает отношение действия, обозначенного глаголом, к действительности, а в ряде случаев, особенно для действий, реально в данной ситуации не имеющих места. Отношение к воле и желанию, иногда — к личному опыту говорящего. Различают:

- 1) наклонение реальности — изъявительное наклонение (индикатив);

2) противопоставленные ему виды, представляющие глагольное действие как: а) вовсе нереальное; б) возможное, предполагаемое, допустимое, обусловленное в своем существовании другим действием; в) желательное; г) прямо требуемое от адресата речи; д) запрещенное и т. д.

Прямое побуждение к действию во многих языках выражается формами императива (повелительного наклонения).

В ряде языков есть специальные формы «заочного» наклонения, указывающие на то, что говорящий не был свидетелем действия, о котором сам говорит, что он знает об этом действии с чужих слов. Например, в болгарском языке: 1) *Тя пееше хубаво* — Она хорошо пела; 2) *Тя пеела хубаво* — Она, говорят, хорошо поет. Очное наклонение: говорящий сам слышал ее пение и высказывает свою оценку. Заочное наклонение (пересказывательное): говорящий только пересказывает мнение, услышанное от других.

Категория залога выражает в формах глагола разные типы отношения между членами предложения (подлежащим, дополнениями) и реальными участниками описываемой в предложении ситуации — агенсом, то есть реальным действующим лицом, и пациенсом, то есть первым объектом. Во многих языках четко выделяется противопоставление активного и пассивного залогов (актив — пассив). Активом (или действительным залогом) называется такая форма глагола, при которой подлежащее соответствует агенсу: «*Рабочие строят дом*». Пассивом (или страдательным залогом) называется такая форма глагола, при которой подлежащее, напротив, соответствует пациенсу: «Дом строится рабочими», «Дом строится», «Дом был построен». К области залога относится в русском и некоторых других языках «возвратность» глагола, несущая, кроме страдательного, и другие значения.

Категория вида. В славянских языках имеет место противопоставление совершенного и несовершенного вида, например: в русском языке: совершенный вид: *решил, взобрался*; несовершенный вид: *решал, взбирался*.

В английском языке имеет место противопоставление «конкретно-процессного» вида (continuous) и «общего» вида (indefinite): *he was writing* — он как раз писал (находился в процессе писания), *he wrote* — он написал.

Категория лица. Глагол как сказуемое всегда соотносится с действующим лицом. Соотнесенность с различными лицами у глагола выражается формально (с помощью флексий), например: (*я*) *пойду* – (*ты*) *пойдешь* и т. д.

Наречие – лексико-грамматический класс неизменяемых слов, обозначающих признак действия, предмета или признака. В предложении они выступают как обстоятельства, реже как определения.

Основные морфологические признаки наречия:

- отсутствие форм словоизменения (за исключением степени сравнения, свойственной только качественным наречиям);
- лексическая и словообразовательная соотнесенность со знаменательными словами;
- наличие особых словообразовательных аффиксов, используемых при образовании наречий.

По лексическому составу наречия делятся на два лексико-грамматических разряда:

- 1) качественные наречия, которые передают различные виды общего значения качественности, свойственности, интенсивности, степени качества;
- 2) обстоятельственные наречия, которые выражают обстоятельственные признаки, внешние по отношению к их носителю: места, времени, причины, цели.

Числительное – лексико-грамматический класс слов, обозначающих число, количество, меру.

Отметим некоторые специфические грамматические черты числительных:

- их сочетаемость с существительными, обозначающими считаемые предметы (они либо управляют существительными, либо согласуются с ними);
- их отношение к числу: передавая понятие числа, само числительное обычно категорией числа не обладает.

Числительные подразделяются на несколько разрядов:

- 1) количественные числительные, которые передают понятие числа в чистом виде;
- 2) собирательные числительные, которые обозначают совокупность однородных предметов;

3) порядковые числительные, которые рассматриваются как относительные прилагательные.

Местоимение – часть речи, объединяющая в своем составе слова, указывающие на предмет, признак или количество, но не называющие их.

Являясь заместительными словами, местоимения образуют свою особую систему, параллельную системе существительных, прилагательных, числительных.

Категории местоимений: лицо – вещь (кто – что); далекое – близкое (то – это); сочетаемость (невозможность сочетания притяжательных местоимений с глаголами или личных местоимений с прилагательными-определениями).

Служебные части речи. К служебным частям речи относят предлоги, союзы, частицы, артикли, вспомогательные глаголы, слова степени, «пустые» слова. Служебные слова освобождают знаменательные от выражения грамматики или сопровождают словоизменительную аффиксацию. Служебные слова лишены номинативной функции, так как ничего не называют и лишь показывают отношения между членами предложения (предлоги, союзы) или между предложениями (союзы), а также указывают некоторые грамматические значения, не зависящие от сочетания слов в предложении (артикли, частицы, вспомогательные глаголы, слова степени). Это кваликативные отношения, например, определенность и неопределенность, число и т. п.

Служебные слова характеризуются следующими признаками:

- они образуют свою подсистему, степень развитости которой в разных языках неодинакова, особенно высока она в языках аналитического типа;
- семантически пусты, функционально нагружены, участвуя в образовании различных аналитических форм (вспомогательные глаголы, предлоги, послелоги, артикли, союзы, детерминативы, частицы, указатели степени и т. д.);
- уступают знаменательным словам по численности, превосходят знаменательные части речи по частотности употребления.

Обратимся к характеристике отдельных служебных слов.

Предлоги. Предлоги выражают подчинительные отношения между членами предложения или уточняют падежные значения;

служат для выражения отношений: пространственных, временных, целевых, причинных.

По функции близки к предлогам послелоги, которые в сочетании с именами в тюркских, финно-угорских и кавказских языках выражают разнообразные обстоятельственные и объективные значения.

Союзы. Союзы выражают сочинительные отношения как в простом, так и в сложном предложении. Различают союзы:

а) соединительные: и, да;

б) противительные: а, но, да;

в) разделительные: или – или, ли – ли, либо – либо.

Союзы могут быть составными (потому что, в случае если, не смотря на то что) или парными (если – то).

Частицы. Частицы могут выражать следующие значения:

а) модальные, т. е. отношение говорящего к тому, что он высказывает как целевую установку высказывания (например, усиленное утверждение: же, ведь, да; отрицание: не, ни; вопрос: ли; условность: бы; побудительность: пусть, пускай, давай-ка; желательность: хотя бы, лишь бы; сомнение: де, мол, якобы);

б) немодальные, а именно: ограничительное (только, лишь, исключительно, единственно); определительное (именно, прямо, как раз); указательное (вот, вон, это, то, там, тогда); неопределенное (что-либо, что-нибудь); присоединительное (тоже, также, итак, все, еще); выделительное (а, и, и же, даже, все, еще); значение приближенности (почти, чуть не).

Артикли. Артикли свойственны не всем языкам: они необходимы в арабском, романских и германских языках; артикли не выражают отношений между членами предложения, не образуют синтаксических форм языка, но являются наиболее типичными «грамматическими сопровождающими» знаменательных слов.

Артикли имеют следующие грамматические функции:

а) субстантивация других частей речи: присоединение артикля к неизменным словам и формам переводит их в разряд существительных; возникает конверсия, когда данное слово переходит в другую категорию и попадает в иную парадигму без изменения своего морфологического состава, например, англ. play «играть» – а play «пьеса»; нем. Schreiben – «писать», das Schreiben – «письмо», т. е. «писание»;

б) различие грамматической категории определенности и неопределенности, когда существуют парные артикли – определенный и неопределенный (the – a (an) – в англ.; der – ein, die – eine, das – ein – в нем.);

в) различие рода (в португ. un menino «мальчик» – una menina «девочка»);

г) различие числа (в нем. Das Fenster – «окно», die Fenster – «окна», где только перемена артикля показывает изменение числа);

д) выражение синтаксических отношений между членами предложений, т. е. артикль может склоняться, освобождая от этой «обязанности» существительные (например, в нем. языке – артикль склоняется, а существительное остается неизменным).

Вспомогательные глаголы. Вспомогательные глаголы не выражают никакой знаменательности, а служат для выражения только реляционных грамматических значений (лица, числа, времени) знаменательного глагола, который сам при этом может не менять своей формы, а оставаться неизменяемым в самой общей форме (например, в инфинитиве).

В качестве вспомогательных употребляются глаголы со значением «быть» и «иметь» (нем. sein, haben; англ. be, have; фр. être, avoir), исполняя следующую роль:

- член «составной формы» (Я буду читать) с инфинитивом знаменательного глагола;
- связка – элемент составного сказуемого, где в качестве знаменательного (присвязочного) слова могут быть любые части речи (Я был болен).

Слова степени. Слова степени – бывшие «наречия степени», которые сопровождают качественные прилагательные и наречия при образовании степеней сравнения (*более красива, очень красива*); это также местоименные по происхождению слова (*самая красивая, всего красивее*).

Пустые слова. Пустые слова – служебные слова, которые не образуют четкой категории, они сопровождают знаменательные слова и выражают такие грамматические оттенки, которые в других языках выражаются аффиксами (в англ. языке, где нет категории грамматического рода, бывает потребность различать пол животных,

тогда в качестве «пустых» слов используются местоимения he — он и she — она: he — cat, she — cat).

Вопросы и задания для самоконтроля

1. Что такое «грамматика»?
2. Какие основные разделы принято выделять в грамматике?
3. Что такое «морфема»?
4. Какие основные типы морфем принято выделять в морфологии?
5. Какие критерии лежат в основе классификации частей речи?
6. Какие грамматические категории присущи имени существительному?
7. Какие грамматические категории присущи имени прилагательному?
8. К какому разряду частей речи относится глагол?
9. К какому разряду частей речи относится наречие?
10. Дайте характеристику числительного как части речи.
11. Определите местоимение как часть речи.
12. Определите слова, которые относятся к служебным частям речи.
13. Определите предлог как часть речи.
14. Дайте характеристику союзов.
15. Дайте характеристику частиц.
16. Определите природу артиклей.
17. Определите место вспомогательных глаголов.
18. Дайте характеристику слов степени и «пустых» слов.

Тема 14. Синтаксис как раздел грамматики

Учебные вопросы

1. Понятие синтаксиса
2. Основные синтаксические конструкции
3. Типы синтаксической связи и способы их выражения
4. Валентность
5. Словосочетание как синтаксическая единица

Понятие синтаксиса

Синтаксис определяется как грамматическое учение о связной речи, о единицах более высоких, чем слово. Синтаксис начинается там, где возникает связная речь с ее свободной комбинацией лексических единиц в рамках переменного словосочетания и предложения.

Синтаксис представляет собой раздел языкознания, который имеет дело не с воспроизводимыми, инвентарными языковыми единицами, а с единицами конструктивными, которые строятся каждый раз, в каждом отдельном речевом акте заново:

- с использованием конструктивных средств соответствующего языка;
- применительно к данному, конкретному положению дел, о котором предполагается сообщить;
- применительно к данному, конкретному факту, коммуникативному акту, к его прагматическому контексту, включающему автора высказывания и его адресата, место, время и условия высказывания.

Основные синтаксические конструкции

К основным синтаксическим конструкциям относятся:

- 1) текст – графически зафиксированное развернутое высказывание, выступающее в виде связной последовательности предложений;
- 2) предложение – центральная единица синтаксиса, центральная единица языка, порождению которой в речи служат все прочие компоненты языковой системы в целом;
- 3) словосочетание – соединение двух или нескольких знаменательных слов, характеризуемое наличием между ними формально выраженной смысловой связи; это называющая единица, обозначающая предмет, явление, процесс, качество, названные стержневым словом и конкретизируемым зависимым.

Каждая из перечисленных синтаксических конструкций может характеризоваться в трех аспектах:

- а) формально-структурном;
- б) семантическом;
- в) прагматическом.

Все перечисленные синтаксические конструкции обладают речевым статусом. Языковым статусом обладают только предложе-

ние и словосочетание. Текст и предложение обладают коммуникативностью.

Типы синтаксической связи и способы их выражения

Значительное место в синтаксисе отводится типам синтаксической связи слов и способам формального выражения синтаксических функций.

Обычно говорят о двух важнейших типах синтаксической связи: о **сочинении** и о **подчинении**. Для сочинительной связи характерны равноправность элементов, что внешне выражается в возможности перестановки без изменения смысла: *жена и я / я и жена*. При сочинении связанные элементы однородны, функционально близки. Примеры: *стол и стул / я или ты / строг, но справедлив*. Подчинительная связь: *ножка стола / подушка из пуха / пуховая подушка / читаю книгу*. Здесь отношения неравноправные: один элемент является главенствующим (ножка, подушка, читаю), другой – подчиненным (...*стола*, ... *из пуха*, *пуховая* ..., ... *книгу*).

Среди способов формального выражения синтаксических связей принято выделять: 1) согласование; 2) управление; 3) примыкание; 4) союзное и бессоюзное сочинение; 5) союзное и бессоюзное подчинение.

Первый и второй способы пользуются морфологическими формами, третий – неморфологическими формами (порядок слов, интонация). Союзное сочинение и подчинение пользуются служебными словами (союзами). Бессоюзное сочинение и подчинение – порядком слов, интонацией.

Морфологический способ выражения синтаксических связей включает:

1) **согласование** – состоит в повторении одного, нескольких или всех граммем одного слова в другом, связанном с ним слове, например, согласование сказуемого с подлежащим в русском языке: *я читаю / она поет / мы работаем* (граммемы лица, числа). Согласование используется как средство выражения подчинительных связей между определением и определяемым, при этом граммемы определяемого повторяются в определяющем: *новая книга, новую книгу, новые книги* (род, число, падеж);

2) **управление** – состоит в том, что одно слово вызывает в связанном с ним другом слове появление определенных граммем, не повторяющих, однако, граммем первого слова. Управление широко используется как средство выражения подчинительной связи, например: в русском языке переходный глагол требует дополнения в винительном падеже: *читаю книгу*. Другие глаголы: *радуюсь весне* (дат. падеж); *добиваюсь результатов* (род. падеж).

Постановки зависимых от них слов в определенных падежах требуют также: 1) существительные: *любитель балета* (род. падеж); *жажда знаний* (род. падеж); 2) прилагательные: *полный сил* (род. падеж); *довольный покупкой* (тв. падеж); 3) наречия: *наравне со мной* (тв. падеж).

Неморфологический способ выражения синтаксических связей включает:

1) порядок слов

а) позиционное примыкание, то есть обозначение связи слов путем их простого соположения, постановки рядом, например:

1) Он громко спорил, долго не соглашался, но наконец уступил.

2) An English book – английская книга; a sweet smell – сладкий запах (примыкание прилагательного-определения к существительному);

2) препозицию и постпозицию:

в русском языке постпозиция числительного в противопоставлении его препозиции служит выражению оттенка приблизительноности: *два килограмма / килограмма два*.

Во французском языке прилагательное употребляется в постпозиции – *drapeau rouge*, в русском языке – в препозиции: *красный флаг*.

В английском языке в сочетаниях типа *stone wall* – «каменная стена» существительное в препозиции к другому существительному выполняет функцию определения к нему и не отличается, таким образом, от прилагательного;

3) тенденцию к закреплению определенных мест в предложении за определенными членами предложения:

при совпадении (омонимии) именительного и винительного падежей у существительных, использованных в предложении в качестве подлежащего и дополнения:

Мать любит дочь (Дочь любит мать?).

Весло задело платье.

Бытие определяет сознание.

Мотоцикл обгоняет грузовик.

В данных примерах только порядок следования слов заставляет понимать первое существительное как подлежащее, а второе – как прямое дополнение. В языках без падежной системы характерен фиксированный порядок слов:

англ. язык: *The father loves the son* / *Отец любит сына*;

франц. язык: *Le père aime le fils* / *Отец любит сына*.

Инверсия с сохранением смысла всего предложения невозможна;

4) порядок слов, который может разграничивать типы предложений, например:

а) повествовательное предложение / общевопросительное предложение: рус.: *Ты хотел этого / Хотел ты этого?*; англ.: *The house has a garden / Has the house a garden?*

При этом инверсия сопровождается вопросительной интонацией.

Интонация как средство выражения синтаксических связей занимает важное место в синтаксисе. Прежде всего интонация разграничивает типы предложений – вопросительное, побудительное, повествовательное. Интонация осуществляет актуальное членение предложения, обособление и логическое или эмоциональное выделение отдельных членов предложения. Примеры:

1) *Вчера я был в театре* (завершающая, повествовательная интонация).

2) *Ты вчера был с ним в театре?* (повышение тона на слове «был» – вопросительная интонация).

3) *Петров – отличный специалист!* (выделительная, разделительная интонация, где основную роль играет пауза, создающая двучленность предложения); *Вечно нахмуренная свекровь / портила ей настроение* (интонационное примыкание).

Валентность

Связи слов определяются валентностью. **Валентность** – способность слова сочетаться с другими элементами. По более широкому толкованию, принятому в отечественном языкознании, валент-

ность – общая сочетаемостная способность слова, на основе которой строятся словосочетания и предложения. На основе валентности возникают сочетания слов, для которых характерна иерархия отношений: главный компонент распространяется зависимыми от него элементами.

Валентность слова определяется, во-первых, его лексическим значением (глаголы восприятия *увидеть*, *услышать* требуют распространения словом, называющим объект восприятия: *увидеть небо*); во-вторых, частью речи, к которой принадлежит слово, его грамматической формой (форма сравнительной степени в русском языке требует сочетания с формой, называющей объект сравнения: *выше крыши*).

Принято различать следующие виды валентности:

1) обязательная валентность (например, у переходных глаголов, некоторых существительных, требующих родительного падежа);

2) факультативная валентность.

Количество валентностей может быть различным, в связи с чем различаются слова **авалентные** (*смеркается*, *светает*), **унивалентные**, или **одновалентные** (*спать*, *лежать*); **много-**, т. е. двух-, трех- и более **валентные** слова (*брать*, *резать*, *рубить*).

Валентности присущи разным частям речи, но для построения высказывания важны валентности глагола. Слова, которые заполняют валентности глагола, называются **актантами**. Актанты соответствуют подлежащему и дополнению. Зависимые от глагола слова, не заполняющие никакой валентности, получили название **сирконстантов**; они соответствуют обстоятельствам.

Словосочетание как синтаксическая единица

Словосочетание есть соединение двух или нескольких знаменательных слов, характеризуемое наличием между ними формально выраженной смысловой связи.

Словосочетание – называющая единица. Оно обозначает предмет, явление, процесс, качество, названные стержневым словом и конкретизируемым зависимым.

Словосочетание может быть предложением или частью предложения, а предложение может реализоваться в виде словосочетания,

ряда связанных между собой словосочетаний и в виде отдельного слова или отдельного знаменательного слова, сопровождаемого служебным («Выдержим ли?»).

Словосочетания в минимальной степени коммуникативно-прагматически насыщены. В их структуре главенствуют формально-структурные и семантические составляющие. Словосочетания невоспроизводимы в противоположность формально-структурным и семантическим схемам, которые и реализуются в процессах порождения актуальных словосочетаний, т. е. сочетаний конкретных слов определенных грамматических классов. Словосочетания обладают и речевым, и языковым статусом.

Словосочетание имеет двухкомпонентный состав. С одной стороны, выделяется главный компонент – грамматически независимое слово, а с другой стороны, выделяется зависимый компонент – грамматически подчиненное слово.

Инвариантные схемы, или модели, построения словосочетаний, в которых формальные и семантические аспекты выступают в тесном единстве, следующие:

- 1) существительное + прилагательное (подлежащее + сказуемое, подлежащее + определение);
- 2) глагол + существительное в косвенном падеже (сказуемое + дополнение);
- 3) глагол + наречие (сказуемое + обстоятельство).

В зависимости от принадлежности к части речи, а также с функциональной точки зрения выделяются следующие типы словосочетаний:

- 1) субстантивные;
- 2) адъективные, или атрибутивные;
- 3) глагольные, объектные, или коллективные;
- 4) наречные, или обстоятельственные.

Схемы словосочетаний атрибутивного, объектного и обстоятельственного типов служат средствами для распространения формально-семантического каркаса предложений и введения в структуру предложения его второстепенных членов.

Грамматическое значение словосочетания создается отношением, которое возникает между знаменательными словами, вхо-

дящими в это словосочетание, соединяющимися на основе подчинительной грамматической связи согласования, управления и примыкания.

К основным типам синтаксической связи слов в словосочетании относятся согласование, управление и примыкание.

Согласование — это такой способ оформления подчинительной связи, при котором зависимое слово повторяет грамматические формы главного (во флективных языках широко используется в субстантивных словосочетаниях для выражения атрибутивных отношений: *синее небо, синий цветок, синяя чашка*).

Управление — это такой способ оформления подчинительной связи, при котором главенствующий компонент словосочетания требует постановки зависимого компонента в определенной грамматической форме; при этом изменение формы главного слова не вызывает изменения формы управляемого слова (в индоевропейских языках характерно для присоединения к главному слову предложной или беспредложной словоформы существительного или местоимения: англ. *He loves his country*).

Обычно выделяются два вида управления:

а) сильное управление — для выражения объектных (читать книгу, резать хлеб) и восполняющих (стать врагом, слыть чудаком) отношений;

б) слабое управление — для выражения объектно-определятельных отношений (подарок к столу, окно на юг).

Примыкание — это такой вид подчинительной связи, при которой зависимый элемент словосочетания присоединяется к главному без изменения своей формы; это смысловая связь компонентов, представленная позиционно: компоненты словосочетания располагаются обычно контактно (*красиво вышивать, бегло читать по-английски*); широко распространено в аналитических языках (*a French book*).

Вопросы и задания для самоконтроля

1. Что такое «синтаксис»?
2. Какие основные конструкции принято выделять в синтаксисе?
3. Какие типы синтаксической связи слов выделяются в составе предложения?

4. Какие способы формального выражения синтаксических функций выделяются при анализе предложения?
5. Что собой представляет морфологический способ выражения синтаксических связей?
6. Какие неморфологические способы выражения синтаксических функций выделяются в грамматике?
7. Дайте характеристику валентности.
8. Назовите основные виды валентности.
9. Дайте характеристику словосочетания как одной из основных синтаксических единиц.
10. Назовите основные свойства словосочетаний.
11. Определите состав словосочетания.
12. Назовите основные типы словосочетаний. Определите их грамматические значения.
13. Выделите основные типы синтаксической связи слов в словосочетании.

Тема 15. Предложение

Учебные вопросы

1. Предложение как синтаксическая единица
2. Члены предложения
3. Предикация и предикативность предложения
4. Структура предложения

Предложение как синтаксическая единица

Предложение – центральное понятие синтаксиса. Предложение – это минимальная коммуникативная единица языка и речи.

На уровне языка предложение есть структурный тип, модель построения, определенный инвариант. На уровне речи предложение есть конкретное сочетание структурной модели и ее лексического наполнения, «речевое образование», приуроченное к данному акту общения, созданное именно для него. Специфика предложения состоит в том, что предложение есть высказывание, что оно коммуникативно. Это значит, что оно:

- 1) так или иначе соотнесено с определенной ситуацией;
- 2) обладает коммуникативной установкой на утверждение (или отрицание), на вопрос или на побуждение к чему-либо.

Коммуникативность предложения рассматривается в двух указанных аспектах, конкретизируется в синтаксических категориях модальности и времени. По своей структуре предложения разнообразны. Они могут реализоваться в виде:

- 1) одного слова: *Пожар!* / *Воды!* / *Светает.* / *Великолепно!*
- 2) аналитической формы слова: *По коням!* / *Буду рад!*
- 3) более или менее сложного сочетания слов: *Он сказал, что родители приезжают завтра.*

В общем плане существует классификация предложений по их сложности, т. е. по количеству в нем предикативных центров:

- 1) **простое предложение** — элементарная единица, используемая для передачи относительно законченной информации, а также для построения сложного предложения или любого развернутого текста;
- 2) **сложное предложение** — объединение по определенным грамматическим правилам двух или более простых предложений на основе того или иного вида грамматической связи.

Простое предложение. Назовем грамматические признаки простого предложения:

- а) образовано по определенному грамматическому образцу;
- б) имеет значение предикативности;
- в) обладает семантической структурой, формальными характеристиками, коммуникативной установкой;
- г) интонационно оформлено.

Простые предложения классифицируются следующим образом.

Во-первых, в зависимости от коммуникативной цели сообщения выделяются:

- а) повествовательные предложения;
- б) вопросительные предложения;
- в) побудительные предложения.

Каждый из коммуникативных типов имеет более дробную градацию. Наличие особой эмоциональной окрашенности предложений позволяет выделить **восклицательные предложения**.

Во-вторых, отметим виды простых предложений по характеру выражаемого в предложении отношения к действительности:

- а) утвердительные (в которых содержание предложения утверждает-ся как реальное);
- б) отрицательные (в которых содержание предложения утверждает-ся как нереальное).

В-третьих, простые предложения классифицируются по наличию / отсутствию второстепенных членов. Таким образом, выделяются:

- а) распространенные предложения;
- б) нераспространенные предложения.

Кроме того, в зависимости от структурно-семантической схе-мы, наличия одного или двух организующих центров выделяются:

- а) двусоставные предложения – двухкомпонентные структурные схемы;
- б) односоставные предложения – однокомпонентные структурные схемы.

Односоставные предложения, в свою очередь, градуируются в зависимости от того, к какой части речи принадлежит главный член предложения:

- а) субстантивные предложения;
- б) глагольные предложения, которые подразделяются на несколько типов (в русском языке определенно-личные, неопределен-но-личные, обобщенно-личные, безличные, инфинитивные, но-минативные).

Помимо этого в зависимости от реализации структурно-семан-тической модели простого предложения, наличия / отсутствия в нем структурно необходимых членов выделяются следующие типы:

- а) полные предложения – имеющие все структурно необходимые члены;
- б) неполные предложения – с отсутствующими структурно необхо-димыми членами, на существование которых указывает контекст.

Сложное предложение. Грамматические характеристики частей **сложного предложения**, являясь по форме предложениями, не имеют самостоятельного коммуникативного значения и интонационной законченности. Будучи грамматическим аналогом простого пред-ложения, в изолированном употреблении они не в состоянии пере-дать общий смысл сложного предложения. Они составляют единое целое, что отличает сложное предложение от рядов простых само-

стоятельных предложений. Кроме того, они связаны между собой при помощи интонации, союзов (сочинительных и подчинительных), союзных слов, особого соотношения глагольных форм, при поддержке лексического состава частей сложного предложения (т. е. одно из предложений имеет в своем составе слова, нуждающиеся в распространении другим предложением).

Перечислим существующие **классификации сложных предложений**.

Во-первых, в зависимости от средств связи, используемых для объединения двух или более простых предложений в составе сложного, выделяются:

- а) союзные предложения – основными средствами связи являются союзы, союзные слова и интонация;
- б) бессоюзные предложения – основным средством связи является прежде всего интонация.

Во-вторых, по характеру союзов и формальной зависимости / независимости частей сложного предложения, а также степени тесноты их структурной и смысловой связи выделяются:

- а) сложносочиненные предложения (с формально независимыми друг от друга частями, связанными сочинительными союзами);
- б) сложноподчиненные предложения (с формально зависимыми и тесно связанными компонентами – главной и придаточной частью, соединенными подчинительными союзами и союзными словами).

Кроме того, существует градация союзных предложений по характеру формального выражения семантико-синтаксической связи частей сложного предложения. Таким образом, выделяются:

- а) сложносочиненные предложения, в которых реализуются типологически универсальные виды сочинительных отношений: соединительные, противительные и разделительные;
- б) сложноподчиненные предложения, в которых отмечаются отношения определительные, изъяснительные, временные, причинные, следственные и другие.

Члены предложения

Члены предложения – это структурно-семантические компоненты предложения, выраженные словами или словосочетаниями со свойственными им синтаксическими категориями. Части речи и члены предложения отличаются друг от друга и взаимодействуют между собой, так как каждая знаменательная часть речи в высказывании выступает в роли того или иного члена предложения.

Выделение членов предложения осуществляется на основании следующих критериев:

- а) логического (или смыслового);
- б) формального (или грамматического);
- в) коммуникативной функции предложения, которая позволяет определить в нем тему и рему сообщения.

По их функции и по отношению к грамматическому минимуму предложения выделяются следующие члены предложения:

- а) **главные** – **подлежащее и сказуемое**, которые выполняют в предложении логические функции и выступают ядерными, грамматически опорными компонентами предложения;
- б) **второстепенные** – **определение, дополнение и обстоятельство**, которые выполняют в предложении структурно-семантические функции, расширяя, уточняя, детализируя содержание высказывания.

Главные члены предложения выполняют следующие функции:

- а) являются центром структуры предложения, его ядром, так как именно они организуют минимальную основу предложения;
- б) определяют формально грамматическую организацию предложения, выражают его грамматические значения (модальность, время, лицо);
- в) выполняют логическую функцию.

Второстепенные члены предложения выполняют следующие функции:

- а) семантическая функция, которая состоит в том, что второстепенные члены предложения являются распространителями остальных его членов (главных и второстепенных) или всего предложения в целом, когда потребности общения заставляют уточнять, конкретизировать компоненты предложения;
- б) информативно могут быть существеннее главных членов предложения.

Обратимся к характеристике подлежащего. **Подлежащее** – главный грамматически независимый член предложения, обозначающий предмет и указывающий на «логический субъект» (в традиционной концепции) или – шире – на объект, к которому относится сказуемое. Подлежащее может быть выражено существительным в именительном падеже, но в этой позиции может употребляться любая субстантивированная форма, фразеологизм и даже целое предложение.

Определим сказуемое и назовем его основные признаки. **Сказуемое** – главный грамматически полузависимый член предложения, зависящий только от подлежащего и указывающий на действие, состояние, свойство или качество в их отношении к субъекту или – шире – к объекту, выраженному подлежащим, т. е. сказуемое выражает предикативный признак подлежащего.

Сказуемое характеризуется следующими признаками:

- а) формально зависит от подлежащего;
- б) передавая модальность и время, образует предикативный центр предложения;
- в) обычно выражено глаголом, но его место могут занимать и различные обстоятельственные обороты.

Обратимся к характеристике определения. **Определение** – второстепенный грамматически зависимый член предложения, распространяющий и поясняющий любой член предложения с предметным значением и обозначающий признак, качество или свойство предмета. Оно связано с определяемым именем (или любой другой субстантивированной частью речи) атрибутивной связью по способу согласования, реже – по способу управления или примыкания. Определение обычно выражено прилагательным. Определение, выраженное существительным и поясняющее существительное, называется **приложением**.

Определим дополнение и назовем его основные виды. **Дополнение** – второстепенный грамматически зависимый член предложения, распространяющий и поясняющий любой член предложения со значением действия, предмета или признака и обозначающий объект в его отношении к действию, предмету или признаку. Дополнение обычно выражено существительным в косвенном падеже и присоединяется к другим словам с помощью управления.

Основные виды дополнений:

- а) **прямое дополнение** – выражается формой винительного падежа без предлога, коррелирует с подлежащим, поэтому его иногда относят к главным членам предложения;
- б) **косвенное дополнение**.

Обратимся к характеристике обстоятельства. **Обстоятельство** – второстепенный грамматически зависимый член предложения, расширяющий и поясняющий члены предложения со значением действия или признака или предложение в целом и обозначающий, где, когда, при каких обстоятельствах совершается действие, или указывающий на условие, причину, цель его осуществления, а также меру, степень и способ его проявления.

Обстоятельства выражены наречием, основной вид синтаксической связи – примыкание.

Предикация и предикативность предложения

Важнейшие признаки предложения как синтаксической единицы: акт предикации, то есть высказывание о предмете мысли, исходном образе и его истолковании, и предикативность – грамматическое выражение предикации. Предикация в широком смысле устанавливает связь предмета и признака, а предикативность – связь сообщаемого в предложении с ситуацией в самом бытии. **Предикация** – акт соединения независимых предметов мысли, выраженных самостоятельными словами, для отображения и интерпретации в языке события, ситуации действительности; она предполагает приписывание некоторого признака предмету – субъекту. Этот признак называется предикативным, или предикатом. Принято различать **предикаты**:

- таксономические – предикаты, которые указывают на вхождение предмета в класс (Этот цветок – ландыш);
- характеризующие – предикаты, которые указывают на устойчивые или преходящие, собственные или несобственные, динамичные или статичные признаки субъекта (Он болеет. Он устал);
- реляционные – предикаты, которые указывают на отношение одной субстанции к другой (Анна Ивановна – бабушка Тани);
- предикаты временной и пространственной локализации (Занятия – вечером. Дом еще далеко. Сергей дома).

Предикативность – это отнесенность высказываемого содержания к реальной действительности, грамматически выражающаяся в категориях (синтаксических, а не только морфологических) модальности (наклонения), времени и лица. Предикативность – актуализация сообщаемого, установление его связи с действительностью и ее интерпретация.

Простое предложение характеризуется одной предикацией. Объединение нескольких предикаций в структуре одного предложения называется **полипредикативностью**. Основная форма – сложное предложение. Выражение предикации может свертываться. Свернутая предикативность передается существительным с процессуальной семантикой, которое может быть развернуто в самостоятельное предложение (Его приезд нас обрадовал. – То, что он приехал, нас обрадовало).

Структура предложения

Логическая структура предложения. Логическая, или предикационная структура предложения включает, во-первых, субъект – предмет, о котором выносится суждение, и, во-вторых, предикат – утвердительное или отрицательное высказывание, то, что предикцируется (присуждается) субъекту.

Субъект и предикат как основные конститутивные компоненты суждения находятся в предикативном отношении и имеют одинаковый статус (ни один из них не подчинен другому). Конструктивный минимум предложения – его предикативная основа, которую составляют подлежащее и сказуемое, являющиеся главными членами предложения. Наличие предикативно связанных грамматических субъекта и предиката считается обязательным свойством предложения.

Структура предикативной основы предложения может быть следующей:

- подлежащно-сказуемостная структура, включающая главные члены предложения – «Именная группа (noun phrase) + Глагольная группа (verb phrase)»;
- конструкция, включающая в свой состав необходимые члены предложения – «Подлежащее + Сказуемое + Дополнение»;

- наличие предикатного ядра («Глагол») с его сочетаемостными потенциями (валентностями), подлежащими заполнению соответствующими именами.

При наличии предикатного ядра все предложения делятся:

- на двухкомпонентные (Можно ехать. Приказано наступать);
- однокомпонентные (Светает. Стучат. Тишина).

Грамматический субъект (подлежащее) – одна из конститутивных знаковых единиц в составе предложения. Свойства грамматического субъекта:

- его означаемым является один из семантических актантов с присущей ему ролевой функцией (агентив, экспериенсер, элементив, инструмент, локатив и т. д.);
- его означаемым часто оказывается логический субъект как представление об исходном предмете мысли;
- обеспечивает идентификацию носителя признака;
- ориентированность его по отношению к предикату и по отношению к дополнению (или дополнениям): маркируется выдвижение одного из актантов на роль первого, главенствующего в логическом плане среди равных.

Формальные признаки грамматического субъекта:

- его начальная позиция в линейной структуре предложения;
- интонационная невыделенность;
- падежные флексии (в языках с развитой системой словоизменения);
- форма именительного падежа (в языках номинативного строя).

Грамматический предикат (сказуемое) является второй из двух конститутивных знаковых единиц в составе предложения. Его смысловой опорой является семантический предикат, т. е. признаковая семантема. С функцией семантического предиката может совместиться функция логического предиката. С ориентацией на указанную функцию различаются предикаты (по Н.Д. Арутюновой):

- характеризующие (Лошадь бежит);
- реляционные (Сергей – друг Петра);
- таксономические, или классифицирующие (Роза – цветок);
- пространственной и временной локализации (Наталья в университете. Звонить ему поздно).

Характеристика грамматического предиката:

- определенное место в линейной структуре предложения;
- в его позиции чаще всего выступает глагол, выражающий набор самых разных граммем, принадлежащих к формоизменяемым категориям времени, вида, наклонения, залога, отрицания, вопросительности, а также согласующийся с подлежащим в лице, числе, роде и т. д.
- может быть представлен другими предикатными словами (прилагательное, наречие, предикатив, неличные формы глагола), а также существительным (со связкой или без);
- возможны различные способы усложнения сказуемого.

Теория актуального членения предложения. Каждое предложение имеет не только формальное членение, но и смысловое, так как коммуникативная нагрузка предложения между его членами может распределяться по-разному. С распределением этой функциональной нагрузки связано актуальное членение предложения, то есть смысловое членение предложения на исходную часть сообщения – тему (или данное) и на то, что утверждается о ней – рему (или новое).

Сопоставим следующие предложения:

- 1) В четверг я пошлю ей цветы.
- 2) Цветы я ей пошлю в четверг.
- 3) В четверг я пошлю цветы ей.
- 4) В четверг цветы пошлю ей я.
- 5) В четверг цветы ей я пошлю.

Во всех предложениях содержится одна и та же «вещественная» информация, что следует из формально-синтаксической структуры предложений. Однако предложения различаются по содержащейся в них актуальной информации, и она определяется разными целями, которые ставит перед собой говорящий. Первое предложение: говорящий сообщает о факте в целом или подчеркивает, что пошлет именно цветы, а не конфеты. Второе предложение: цветы будут посланы именно в четверг, а не в другой день. Третье предложение: цветы будут посланы ей, а не другому лицу. Четвертое предложение: цветы пошлет именно говорящий, а не кто-либо другой. Пятое предложение: цветы будут доставлены через другое лицо, а не переданы лично говорящим.

Таким образом, актуальная информация есть как бы тот угол зрения, под которым подается вещественная информация. Актуальная информация передается линейно-динамической структурой предложения, то есть порядком слов, и местом логического ударения. Основы теории актуального членения были разработаны чешским лингвистом В. Матезиусом (1882–1945), который стоял во главе Пражского лингвистического кружка. Более подробно с его теорией можно ознакомиться, прочитав его работу «О так называемом актуальном членении предложения» [см.: Пражский лингвистический кружок. М., 1967. С. 239–245]. Эта работа была включена также в хрестоматию по дисциплине «Введение в языковедение» (составители: А.В. Блинов, И.И. Богатырева и др. М., 2000. С. 238–244).

Итак, «данное» — это все то в предложении, что уже известно собеседнику или вполне очевидно для него. Выбор «данного» определяется ситуацией и предшествующим контекстом, например: *«Этим вопросом мы займемся позже»*. «Новое» — та часть предложения, в соотношении которой с «данным» заключается актуальная информация. «Новое» может быть действительно чем-то новым и неизвестным для собеседника, например: *«Выйдите на четвертой остановке»*.

Актуальная информация передается с помощью:

а) порядка слов: тема обычно помещается в начале фразы, а рема — в конце: *«Секретаря зовут Сергей Иванович»*;

б) интонации (на теме она повышается, на реме — понижается), а также с помощью усилительно-выделительных частиц:

1) *Она даже этого не знала.*

2) *Я-то этого не знал* (энклитическая частица -то);

в) местоимений: неопределенные местоимения указывают на «новое», указательные — на «данное», например: *«Такую историю рассказал мне один знакомый»*;

г) синтаксических конструкций:

1) *That is he who* (wrote this letter).

2) *C'est lui qui ...* (a écrit cette lettre).

3) *C'est le style que j'admire.*

4) *C'est demain que je pars;*

д) паузации: *«В передней раздался... звонок»*.

В конечном итоге приходим к выводу о том, что актуализация предложения – это дальнейшая привязка к описываемому в нем факту действительности и к речевой ситуации, в которой осуществляется соответствующий акт высказывания (речевой акт, коммуникативный акт); это упорядочение смысловой информации.

Вопросы и задания для самоконтроля

1. Что такое предложение?
2. Какие типы классификаций предложений существуют в синтаксисе?
3. Какие грамматические признаки лежат в основе определения простого предложения?
4. Какие критерии положены в основу классификации членов предложения?
5. Какие функции выполняют члены предложения?
6. Что такое подлежащее?
7. Какие признаки определяют сказуемое?
8. Что такое определение?
9. Какие виды дополнения выделяются в грамматике?
10. Дайте характеристику обстоятельству.
11. Определите содержание предикации предложения.
12. Определите содержание термина «предикативность».
13. Укажите грамматические характеристики частей сложного предложения.
14. Перечислите существующие классификации сложных предложений.
15. Дайте характеристику логической структуры предложения.
16. Определите грамматический субъект предложения.
17. Определите сущность грамматического предиката.
18. Изложите основные положения теории актуального членения предложения.

Тема 16. Классификации языков мира

Учебные вопросы

1. Ареальная классификация языков
2. Генеалогическая классификация языков
3. Типологическая (или морфологическая) классификация языков

Ареальная классификация языков

Одной из основных задач каждой науки является классификация изучаемых явлений. Решая эту задачу, языковедение строило и строит классификации элементов языка — звуков и фонем, морфем, видов построений предложения, слов и словосочетаний. Теперь перед нами встает задача познакомиться с классификацией самих языков.

Это нелегкая задача. Дело не только в том, что на земном шаре насчитывается сейчас не менее 5 тысяч языков и каждое десятилетие в глухих углах нашей планеты, например в горных дебрях Новой Гвинеи, Филиппин или в джунглях бассейна реки Амазонки, открывают народы, говорящие на неизвестных до сих пор языках. Основная трудность состоит здесь в том, что каждый из этих языков обладает неповторимым своеобразием. Задача лингвистов состоит в том, чтобы разглядеть среди десятков тысяч слов, грамматических правил и других лингвистических элементов некоторые основные, так сказать, строевые, структурно-системные черты, которые позволили бы свести все многообразие языков мира к небольшому, обозримому количеству классов (типов, семей, групп). Как же решается эта задача?

Прежде всего языки можно сгруппировать по общности их географического распространения (географического ареала). Такой подход получил название ареальной классификации или ареальной лингвистики.

Ареальная классификация (лат. *area* — площадь, пространство) **языков** заключается в составлении языковой карты мира, ареалов распространения отдельных языков или групп языков в пространстве и времени. **Ареальная лингвистика** — раздел языковедения, занимающийся составлением языковой карты мира.

Ареальная лингвистика оперирует понятием языкового союза, т. е. совокупности языков, связанных общей географической обла-

стью распространения, но не обязательно связанных общностью происхождения или типологическим единством (единством «покроя»).

Языковой союз в ареальной лингвистике – особый тип языковой общности, включающий различные языки в границах одного географического пространства. Ареальная лингвистика выделяет на территории Европы **центрально-европейский языковой союз**, куда включаются немецкий, чешский, венгерский языки; **балканский языковой союз**, включающий албанский, болгарский, румынский, отчасти молдавский, новогреческий, сербский, македонский, сепардский и турецкий языки. Известны также **союз языков Юго-Восточной Азии**, **волжский языковой союз** и т. д.

Определим основные характеристики языков одного языкового союза:

- а) общие структурные признаки, полученные в течение длительного времени совместного сосуществования;
- б) близость языков не предполагает единый для всех них источник в прошлом, а является результатом последующих сближений, т. е. родство языков и их сближение в результате языковых контактов.

В ареальной классификации языков различают два аспекта: синхронический и диахронический. Синхронический аспект представлен современной лингвистической картой языков мира. Диахронический аспект – это историческая лингвистическая карта языков мира, которая помогает установить праязыковые состояния и их дальнейшее развитие на исторически засвидетельствованные языки и диалекты с присущими каждому из них в тот или иной период ареалами распространения.

В большинстве регионов планеты языки существуют не изолированно, а в соседстве с другими языками. В условиях контактов языков происходит их взаимодействие и взаимовлияние – элементы одного языка заимствуются другим языком, поэтому при ареальной классификации языков пользуются понятиями «субстрат», «суперстрат» и «адстрат». Определим данные понятия.

Субстрат (лат. *sub* – под и *stratum* – слой, пласт) – элементы побежденного языка в системе языка-победителя через этническое смешение и языковую ассимиляцию пришельцев с коренным населением, через стадию двуязычия: это явление в большей степени свойственно фонетическому и грамматическому уровням языка.

Суперстрат (лат. *super* – сверх, над и *stratum* – слой, пласт) – результат растворения в данном языке языка пришлых этнических групп, ассимилированных исконным населением; явление, противоположное субстрату.

Адстрат (лат. *ad* – при, около и *stratum* – слой, пласт) – нейтральный тип языкового взаимодействия, при котором не происходит этнической ассимиляции и растворения одного языка в другом; это явление образования прослойки между двумя самостоятельными языками, результат смешанного билингвизма.

Генеалогическая классификация языков

Языки можно сгруппировать по общности их происхождения. На этом принципе основана генеалогическая классификация языков.

Генеалогическая классификация – это группировка языков мира на основании определения родственной связи между ними – отнесения их к одной семье, группе, т. е. на основе общего происхождения предполагаемого праязыка.

Праязык – это язык исторической общности родственных языков: для славянских – праславянский, для романских – народная латынь и т. д.

Генеалогическая классификация делит все языки на **семьи**, а внутри семей – на **группы и подгруппы**. В семьи, группы и подгруппы языки объединяются по их материальному сходству. Прежде всего это сходство корней, притом не случайное сходство корней отдельных слов, а наличие целых групп слов с одинаковыми корнями или со сходными корнями, причем это сходство подчиняется определенным закономерностям.

Родство языков всегда очень отчетливо проявляется в числительных, как это имеет место в индоевропейских языках. Такое же сходство обнаруживается иногда и в других группах родственных языков при сравнении таких семантических групп, как: явления природы, названия домашних животных; прилагательные, обозначающие цвет, величину, качество; названия важнейших действий и т. п.

В рамках генеалогической классификации языков выделяются такие основные семьи: индоевропейская, афразийская, дравидская, уральская, алтайская, кавказская, семито-хамитская, монгольская,

тунгусо-манчжурская, китайско-тибетская, малайско-полинезийская, палеоазиатская и др.

Индоевропейская семья языков – наиболее крупная в Евразии. Индоевропейские языки делятся на следующие ветви:

– хеттско-лувийская или анатолийская (в Малой Азии) в XVIII–XVII вв. до н. э. (хеттский, лувийский, полайский) и VII–VI вв. до н. э. (лидийский, ликийский, карийский); сегодня все языки мертвые;

– индийская или индоарийская: санскрит, ведийский язык, бенгальский язык, цыганский язык;

– иранская – объединяет языки: мертвый язык «Авесты» (священные книги зороастризма, созданные на общеиранском языке), персидский язык, курдский, хорасанский;

– славянская ветвь, которая подразделяется на три группы:

- восточнославянская (русский язык с четырьмя наречиями: великорусское, малорусское, белорусское, червонорусское);

- южнославянская (сербохорватский, македонский, словенский и болгарский языки);

- западнославянская (чешский, словацкий, польский, кашубский, мертвый полабский);

– балтийская – включает литовский, латышский и мертвый прусский языки;

– германская ветвь, которая подразделяется на три группы языков:

- северогерманская, или скандинавская (датский, норвежский, шведский, исландский);

- западногерманская (английский, голландский, фламандский, немецкий, идиш – новоевропейский);

- восточногерманская (мертвые языки: готский, бургундский, вандальский, герульский);

– италийская – объединяет языки народов, населявших Апеннинский полуостров с III в. до н. э. до V в. н. э. (архаическая латынь, классическая латынь); на их основе стали развиваться романские языки;

– романская – включает три группы языков:

- западнороманская (испанский, португальский, каталанский, провансальский, французский);

- центральнороманская (итальянский, ретороманский, вымерший далматинский);
- восточнороманская (румынский, молдавский);
 - кельтская (ирландский, шотландский, бретонский, валлийский);
 - греческая (древнегреческий, классический древнегреческий, греческий византийского периода, новогреческий языки);
 - албанская – включает три разновидности албанского литературного языка: токский (православного населения), гетский (католического населения), арберешский (униатских населений);
 - армянская (только армянский язык);
 - анатолийская (мертвый хеттский язык);
 - тохарская (восточнотохарский и западнотохарский языки).

Подводя итог всему сказанному о генеалогической классификации языков, отметим, что эта классификация использует для выделения семей, групп и подгрупп языков метод сравнения и учета исторического изменения языков. Иными словами, в основе генеалогической классификации лежит так называемый сравнительно-исторический метод.

И ареальный, и генеалогический подходы к классификации языков дают, разумеется, возможность провести группировку языков в крупные лингвистические совокупности. Однако слабость этих приемов состоит в том, что они используют либо внелингвистический критерий (внешнюю лингвистику) – ср. ареальную классификацию, либо сходства в субстанции выражения – ср. генеалогическую классификацию.

Поскольку основной задачей современной лингвистики является изучение внутренних структурных свойств языка как основного средства общения между людьми и главной системы хранения информации в мозгу человека, то отсюда следует, что классифицировать языки нужно не столько исходя из внешних критериев, сколько опираясь на их внутренний, структурный покров. Так появляется третий тип классификации языков – **типологическая или морфологическая классификация.**

Типологическая (или морфологическая) классификация языков

Обращаясь к типологической классификации языков, необходимо в первую очередь рассмотреть вопрос о том, какие лингвистические категории лежат в основе такой классификации. Языки можно классифицировать, исходя из соотношения в них единиц плана выражения (точнее – структуры выражения) и плана содержания (точнее – структуры содержания). Начнем с первого подхода.

Классифицируя языки с точки зрения единиц структуры выражения, можно было бы использовать фонологической критерий. Например, выделить языки, где мало гласных и много согласных фонем (некоторые кавказские языки), противопоставив их языкам с большим количеством гласных фонем (гавайский язык). Можно использовать для классификации и структуры слога. Однако фонема и слог, как мы уже не раз говорили, не выполняют в языке знаковую функцию, а служат лишь вспомогательным средством смысла различения. Поэтому фонологические классификации языков не получили распространения в современном языкознании.

Классической типологической классификацией является разбивка языков на морфологические типы, исходя из строения слова. Такой подход вполне оправдан с точки зрения современной лингвистики – ведь в основу его положен структурный признак, характеризующий построение основной знаковой системы языка – слова. Основы морфологической классификации были заложены В. Гумбольдтом, который выделил, исходя из общих черт построения слова в языке, четыре типа языков:

- 1) изолирующие (корневые, аморфные);
- 2) полисинтетические (инкорпорирующие, ср. лат. *incorporare* «включать в свой состав»);
- 3) флективные (фузионные, ср. фр. *fusion* – «слияние»);
- 4) агглютинирующие (ср. лат. *agglutinare* – «склеивать») [Гумбольдт В.: 1984].

Изолирующий тип. К этому типу относятся вьетнамский (аннамский) язык, тибето-китайские (бирманский, китайский, таи, тибетский), а также некоторые языки коренного населения Западной Африки. Слова в изолирующих языках совпадают с корнем

и практически не изменяются, поэтому части речи формально разграничены очень слабо. Слова относительно кратки, среди них много односложных. При этом возможности содержания гласных и согласных фонем внутри слога весьма ограничены, отсюда количество возможных слогов, как правило, известно. Так, в китайском языке 411 слогов, во вьетнамском — около 1000. Границы слогов совпадают с границами морфем. Отличительной особенностью словарного состава является обилие односложных слов — омонимов, которые дифференцируются при помощи развитой системы музыкального ударения.

Например, в пекинском диалекте китайского языка 4 музыкальных тона, в центральном диалекте языка таи — 5, во вьетнамском языке — 6. Так, в китайском языке слово *da* произносится с четырьмя музыкальными тонами и каждое произнесение омонимично:

[dā] — «строить», «свисать», «садиться», «нарыть», «холм» и т. д.

[dá] — «достигать», «дюжина» и т. д.

[dǎ] — «бить», «стрелять», «ловить», «сооружать» и т. д.

[dà] — «большой», «старший», «очень» и т. д.

Слово *zi* (цзы) дает три произносительных варианта с несколькими десятками значений, одно из которых «печатный знак», слово *bao* дает снова четыре тоновых произношения и снова около 30 значений, среди которых имеется значение «информация», «газета».

При этом никаких окончаний, суффиксов или префиксов китайские слова не получают. Не случайно поэтому, что иероглифическая письменность, при которой восходящий к рисунку значок — иероглиф (ср. [mù] — дерево, [rén] — человек) обозначает неизменяемое слово-корень, упорно сохраняется в одном китайском языке.

Каким же образом снимается многозначность слов в изолирующих языках? Средством устранения этой многозначности, или средством актуализации словарных значений, является контекст, сочетаемость слов корней. В связи с отсутствием окончаний порядок слов в изолирующих языках выполняет фиксированную грамматическую функцию. Любое изменение порядка слов изменяет значение предложения или словосочетания. Следует иметь в виду, что склонности к аморфности (т. е. к изолирующей «технике») прослеживаются также в германских (особенно в английском), романских (особенно во французском) языках и даже в русском языке.

Ср.: англ. «The mother loves the daughter»; фр. «La mère aime la fille»; русск. «Мать любит дочь».

Поменяем местами существительные в трех первых предложениях, и смысл предложения изменится. Объясняется это тем, что подобно словам-корням в изолирующих языках, английские существительные не изменяются по падежам, а некоторые русские существительные уже не различают с помощью окончаний формы именительного и винительного падежей.

Полисинтетический тип (инкорпорирующий). Сюда относятся многие языки американских индейцев, отчасти баскский язык и некоторые палеоазиатские языки (ительменский, корякский, нивхский, чукотский, юкагирский). Раньше этот тип чаще называли инкорпорирующим, потому что его характерной особенностью является широкое использование наряду с обычными словосочетаниями инкорпорированных глагольных и именных комплексов.

Инкорпорированный комплекс – это единое морфологическое целое, образованное включением в главный член корней или основ зависимых членов. Внешне он напоминает наше сложное слово и обладает вполне определенной грамматической характеристикой. Глагол или имя, становясь стержнем инкорпорированного комплекса, охватывает и обслуживает своими показателями все включенные в него основы. Ср., например, чукотское га-пойгы-ма «с копьем» (имя существительное пойгы-н «копье» в форме сопроводительного падежа с префиксом га- и суффиксом –ма) и инкорпорированный атрибутивный комплекс га-тан-пойгы-ма «с хорошим копьем» (буквально «с хорошкопьем»), где в форму главного члена между приставкой га- и корнем –пойгы- включена основа –тан/тэн- прилагательного определителя ны-тэн-кин «хороший».

В некоторых из полисинтетических языков инкорпорированный комплекс по содержанию может соответствовать нашему предложению. Так, чукотское ты-тор-тан-пыл-вынты-пойгы-пэляркын (ты – показатель 1-го лица субъекта, суффикс –ркын – показатель настоящего времени) переводится как «я новое хорошее механическое копье оставляю» (буквально: я-нов-хорош-металл-копый-оставлять-сейчас).

Не следует думать, что инкорпорация (полисинтетизм) свойственна только индейским, палеоазиатским или баскскому языкам.

Элементы полисинтетизма обнаруживаются, например, в немецком языке: *Kesselsteinverhinderungsnrittelherzeugungsgessellschaft* – «компания по изготовлению растворителей для котельной накипи». Ср. также русские слова: двустороннесимметричный или оксигидрохинонсульфоталеин.

Агглютинативный тип. Агглютинация – механическое присоединение стандартных аффиксов к неизменяемым корням или основам для образования новых слов или грамматических форм одного и того же слова. Она типична для большинства языков Азии, Африки и Океании: банту, дравидских, монгольских, тунгусо-маньчжурских, японского и др. В наиболее чистом виде агглютинативный строй представлен в тюркских и восточных финно-угорских языках (коми, мансийском и др.).

Эти языки не знают классовых показателей (показателей основ) имен существительных, поэтому имеют единый образец склонения, одну парадигму. Именительный падеж ед. числа представляет собой неоформленный, чистый корень. Прочие падежи образуются так: основа им. падежа ед. числа или мн. числа + соответствующий падежный суффикс, ср., например, в узбекском языке: иш «работа», «дело» (чистый корень, именительный падеж существительного); иш-лар «работы», «дела»; иш-чи «рабочий»; иш-чи-лар «рабочие»; иш-чи-лар-га «рабочим»; иш-чи-га «рабочему»; иш-чи-лар-имизни «наших рабочих».

Между морфемами сохраняются легко опознаваемые границы. В слове все гласные аффиксов «выстраиваются» по типу гласной корня, т. е. имеет место так называемый **сингармонизм гласных**, ср. казах. *ат* «конь» – *аттар* «кони», *ит* «собака» – *иттер* «собаки».

Флективные языки. В языках этого типа, как и в агглютинативных языках, основным грамматическим способом является **аффиксация**, поэтому и те и другие часто называют **аффигирующими**. Однако своеобразие флективных языков заключается в том, что они, помимо внешней флексии, широко используют **внутреннюю флексию и апофонию**. Границы слогов в таких языках не совпадают с границами морфем. Аффиксы, как правило, многозначны. Корни и основы слов могут варьироваться, изменять свой фонемный состав в зависимости от аффиксального окружения. По этому признаку языки и названы флективными (лат. *flexio* – изгиб, изменение).

К флективному типу относятся и индоевропейские языки, и семитские (арабский, древнееврейский, сомали и др.). В семитских языках слова и формы образуются посредством **трансфиксации** и состоят из неизменяемого консонантного корня и вокальной схемы, отношения между которыми довольно просты и прозрачны. Семитский корень подобен неизменяемой корневой морфеме агглютинативных языков, ср. в арабском: *aqtul* «я убил» и *aktub* «я написал», *qatala* «он убил» и *kataba* «он писал», *qutila* «он убит» и *kutiba* «написан». Кстати говоря, эти приемы, называемые внутренней флексией, известны и в индоевропейских языках, ср.: англ. *tooth* – *teeth* («зуб – зубы»), нем. *kommen* – *kam* – *gekommen* (формы глагола «приходить»), фр. *je viens* – *nous venons* («прихожу – приходим»), исп. *vengo* – *viene* («прихожу – приходит»), русск. сплю – спит.

Элементы агглютинации встречаются во всех известных ныне языках, ср., например, русск. (мы) мылись, где суффикс –и выражает значение совершенного вида, суффикс –л – значение прошедшего времени, окончание –и – значение множественного числа, частица –сь (по существу уже аффикс) – значение возвратного залога. Следует, правда, иметь в виду, что при определении природы того или иного аффикса большую роль играет орфографическая традиция. Если в русском «мыться» мы считаем «ся» агглютинативной частицей, то в польском языке ее эквивалент *się*, пишущийся раздельно (ср. *myć się*, *się myć*), следует рассматривать как аморфное служебное слово.

Рассмотрим основные признаки флективного типа языковой структуры. Во-первых, тесная спайка морфем сопровождается изменением их фонемного состава. Границы между морфемами стираются, образуются сложные морфемы, составные части которых утрачивают свое самостоятельное значение и выделяются лишь этимологически. Фонемный состав корневой морфемы может меняться в зависимости от аффиксального окружения, ср.: во-нз-ить – на-низ-ать – за-но-за; на-ча-ть – на-чин-ать – на-чн-у; сес-ть – се-л – сяд-у. Во-вторых, многие аффиксы имеют синкретический характер и одновременно выражают несколько грамматических значений. Например, лат. окончание –*am* и русское –*у* в словах *tabulam* – доску выражают по три значения: ед. число, вин. падеж, женский род.

На морфологическую классификацию языков накладывается деление языков на аналитические и синтетические. Это деление использует уже не морфологический, но синтаксический признак, состоящий в том, как выражаются синтаксические отношения в предложении.

В языках аналитического строя синтаксические отношения выражаются преимущественно не формами самих слов, а служебными словами и интонацией. Знаменательные слова сами по себе не изменяются и не утрачивают изменение. Наблюдается своеобразное разделение функций: лексические значения выражаются неизменяемыми знаменательными словами, а грамматические — чисто внешними по отношению к данным словам средствами. Отсюда обилие аналитических, составных форм слов.

Все языки изолирующего типа являются аналитическими. Из флективных (точнее, сохраняющих остатки флексий) индоевропейских языков аналитическими являются: английский, болгарский, датский, новогреческий, новоперсидский, французский и некоторые другие.

В языках синтетического строя синтаксические отношения выражаются посредством изменения самих знаменательных слов, в структуре и форме которых органически сливаются лексические и грамматические значения. Основными грамматическими способами являются **аффиксация** (в том числе **внутренняя флексия**), **апфония** и **супплетивизм**. Типично синтетическими были древнеписьменные индоевропейские языки: греческий, готский, латинский, санскрит, старославянский и др. Из современных индоевропейских языков многими чертами синтетического строя обладают литовский, немецкий и большинство славянских языков.

Четкой границы между языками аналитического и синтетического строя провести невозможно. Так, внутри индоевропейских языков это деление учитывает, по существу, только особенности морфологии имен. В аналитических языках (английском, болгарском, французском и др.) нет или почти нет падежных форм. В языках синтетических имеется целый ряд падежей и даже несколько типов склонения. В сфере же глагола аналитические языки тоже в основном используют синтетические формы. Так, болгарский язык считается аналитическим, поскольку он утратил склонение и

выражает падежные значения посредством предлогов. Однако этот язык до сих пор сохраняет богатейшую систему синтетических глагольных форм. Русский язык, напротив, относят к синтетическим, хотя он широко использует предлоги, союзы, связку, вспомогательные слова и даже порядок слов. В связи с этим вспомним две уже приводившиеся русские фразы: «Мать любит дочь» (аналитическое построение); «Мать любит дочку» (синтетическая конструкция). Этот пример показывает, что в русском языке используются как аналитические, так и синтетические построения.

Вопросы и задания для самоконтроля

1. Какие критерии используются для классификаций языков?
2. Какие критерии положены в основу ареальной классификации языков?
3. Какие критерии лежат в основе генеалогической классификации языков?
4. Какие критерии используются для типологической (или морфологической) классификации языков?
5. Что представляет собой изолирующий тип языков?
6. Представьте полисинтетический тип языков.
7. Дайте характеристику агглютинативного типа языков.
8. Назовите основные особенности флективных языков.
9. Определите критерий деления языков на аналитические и синтетические.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Основная литература

1. Введение в языковедение: хрестоматия : учебное пособие для студентов вузов / сост. А.В. Блинов [и др.]. – М. : Аспект Пресс, 2000.
2. Горбунов, Ю.И. Введение в языкознание : учебное пособие / Ю.И. Горбунов, Е.Ю. Горбунов. – Тольятти : ТГУ, 2010.
3. Введение в языкознание : материалы для контроля знаний / Ю.И. Горбунов [и др.]. – Тольятти : ТГУ, 2010.
4. Горбунов, Ю.И. Основы языкознания : практикум [Электронный ресурс] / Ю.И. Горбунов, Е.Ю. Горбунов. – Тольятти : Изд-во ТГУ, 2015.
5. Гируцкий, А.А. Введение в языкознание : учебное пособие / А.А. Гируцкий. – 3-е изд. – Минск, 2005.
6. Маслов, Ю.С. Введение в языкознание : учеб. для филол. спец. вузов / Ю.С. Маслов. – 3-е изд. – Минск, 2005.
7. Реформатский, А.А. Введение в языковедение / А.А. Реформатский. – 5-е изд. – М., 2004.

Дополнительная литература

8. Алефиренко, Н.Ф. Современные проблемы науки о языке : учебное пособие / Н.Ф. Алефиренко. – М. : Флинта : Наука, 2005.
9. Балли, Ш. Французская стилистика / Ш. Балли. – 3-е изд. – М. : Едиториал УРСС, 2009.
10. Виноградов, В.В. Основные понятия русской фразеологии как лингвистической дисциплины / В.В. Виноградов // Избранные труды. Т. 3. Лексикология и лексикография. – М., 1977.
11. Воробьев, В.В. Лингвокультурология (теория и методы) : монография / В.В. Воробьев. – М., 1997.
12. Горбунов, Ю.И. Тезаурусное моделирование французской грамматической терминологии : автореф. дис. ... д-ра филол. наук / Ю.И. Горбунов. – СПб., 2004.
13. Гумбольдт, В. фон. Избранные труды по языкознанию / В. фон Гумбольдт. – 2-е изд. – М. : Прогресс, 2000.
14. Грушевицкая, Т.Г. Основы межкультурной коммуникации : учебник для вузов / Т.Г. Грушевицкая, В.Д. Попков, А.П. Садохин ; под ред. А.П. Садохина. – М. : ЮНИТИ-ДАНА, 2002.

15. Дойчер, Гай. Сквозь зеркало языка: почему на других языках мир выглядит иначе / Гай Дойчер ; пер. с англ. Н.Ю. Жуковой. — М. : АСТ, 2016. — (Наука XXI век).
16. Караулов, Ю.Н. Русский язык и языковая личность / Ю.Н. Караулов. — М. : 1987.
17. Красных, В.В. Этнопсихоллингвистика и лингвокультурология : курс лекций / В.В. Красных. — М. : Гнозис, 2002.
18. Маслова, В.А. Лингвокультурология : учеб. пособие для студ. высш. учеб. заведений / В.А. Маслова. — М. : Академия, 2001.
19. Маслова, В.А. Современные направления в лингвистике : учеб. пособие для студ. высш. учеб. заведений / В.А. Маслова. — М. : Академия, 2008.
20. Нерознак, В.П. От концепта к слову: к проблеме филологического концептуализма / В.П. Нерознак // Вопросы филологии и методики преподавания иностранных языков. — Омск, 1998.
21. Матезиус, В. О так называемом актуальном членении предложения / В. Матезиус // Введение в языковедение: хрестоматия : учеб. пособие для студентов вузов / сост. А.В. Блинов [и др.]. — М. : Аспект Пресс, 2000. — С. 238–244.
22. Назарян, А.Г. Фразеология современного французского языка / А.Г. Назарян. — М. : Высшая школа, 1987.
23. Пиотровский, Р.Г. Текст, машина, человек / Р.Г. Пиотровский. — Л. : Наука, 1975.
24. Пиотровский, Р.Г. Инженерная лингвистика и теория языка / Р.Г. Пиотровский. — Л. : Наука, 1979.
25. Пиотровский, Р.Г. Лингвистический автомат (в исследовании и непрерывном обучении) : учеб. пособие / Р.Г. Пиотровский. — СПб. : Изд-во РГПУ им. А.И. Герцена, 1999. — 256 с.
26. Пиотровский, Р.Г. Лингвистическая синергетика: исходные положения, первые результаты, перспективы / Р.Г. Пиотровский. — СПб. : Филологический факультет СПбГУ, 2006.
27. Пражский лингвистический кружок. Сборник статей / сост. и ред. Н.А. Кондрашов. — М. : Прогресс, 1967. — С. 239–245.
28. Прикладное языкознание : учебник / Л.В. Бондарко [и др.] ; отв. ред. А.С. Герд. — СПб. : Изд-во СПб. ун-та, 1996.

29. Прохоров, Ю.Е. Национальные социокультурные стереотипы речевого общения и их роль в обучении русскому языку иностранцев / Ю.Е. Прохоров. – М., 1996.
30. Соссюр, Ф. де. Труды по языкознанию : [пер. с франц.] / Ф. де Соссюр. – М. : Прогресс, 1977.
31. Соссюр, Ф. де. Заметки по общей лингвистике : [пер. с франц.] / Ф. де Соссюр ; общ. ред., вступ. ст. и коммент. Н.А. Слюсаревой. – М. : Прогресс, 1990.
32. Соссюр, Ф. де. Курс общей лингвистики : [пер. с франц.] / Ф. де Соссюр. – Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 1999.
33. Трубецкой, Н.С. Основы фонологии / Н.С. Трубецкой // Введение в языковедение: хрестоматия : учеб. пособие для студентов вузов / сост. А.В. Блинов [и др.]. – М. : Аспект Пресс, 2000. – С. 92–147.
34. Ушакова, Т.Н. Психология речи и языка. Психолингвистика / Т.Н. Ушакова // Психология XXI века : учебник для вузов / ред. В.Н. Дружинин. – М., 2003. – Гл. 3.8. – С. 353–396.
35. Хакен, Г. Синергетика : [пер с англ.] / Г. Хакен. – М. : Мир, 1980.
36. Хакен, Г. Синергетика: Иерархии неустойчивостей в самоорганизующихся системах и устройствах : [пер. с англ.] / Г. Хакен. – М. : Мир, 1985.
37. Чурилина, Л.Н. Актуальные проблемы современной лингвистики / Л.Н. Чурилина. – М., 2006.
38. Щерба, Л.В. О частях речи в русском языке / Л.В. Щерба // Введение в языковедение: хрестоматия : учеб. пособие для студентов вузов / сост. А.В. Блинов [и др.]. – М. : Аспект Пресс, 2000. – С. 184–203.
39. Энгельс, Ф. Роль труда в процессе превращения обезьяны в человека / Ф. Энгельс // Избранные произведения. В 3 т. Т. 3. / К. Маркс, Ф. Энгельс. – М. : Политиздат, 1985. – С. 69–82.
40. Якушин, Б.В. Гипотезы о происхождении языка / Б.В. Якушин. – М. : Наука, 1984.
41. Saussure F. de. *Ecrits de linguistique générale*. Etablis et édités par Simone Bouquet et Rudolf Engler avec la collaboration d'Antoinette Weil / F. de Saussure. – Paris : Gallimard, 2002.

Словари

42. Ахманова, О.С. Словарь лингвистических терминов / О.С. Ахманова. – М. : Едиториал УРСС, 2005.
43. Даль, В.И. Толковый словарь живого великорусского языка : в 4 т. / В.И. Даль. – М., 2006.
44. ЛЭС 1990: Лингвистический энциклопедический словарь / под ред. В.Н. Ярцевой. – М. : Советская энциклопедия, 1990.
45. Степанов, Ю.С. Константы. Словарь русской культуры / Ю.С. Степанов. – М., 1997.
46. Языкознание: Большой энциклопедический словарь / гл. ред. В.Н. Ярцева. – 2-е изд. – М. : Большая Российская энциклопедия, 1998.

ГЛОССАРИЙ

Агглютинация (лат. *agglutination* – приклеивание, склеивание) – способ слово- и формообразования, при котором к основе или корню, в преобладающем количестве случаев сохраняющим стабильный звуковой состав, присоединяются однозначные стандартные аффиксы.

Аккомодация (лат. *accomodatio* – приспособление) – один из видов комбинаторных изменений звуков; частичное приспособление артикуляций смежных согласного и гласного.

Актуальное членение предложения – членение предложения в контексте на исходную часть сообщения – тему (данное) и на то, что утверждается о ней – рему (новое).

Акцентология (лат. *accentus* – ударение и греч. *logos* – слово, учение) – раздел языкознания, изучающий природу и функционирование ударения, а также система связанных с ударением явлений языка.

Алломорф (алломорфа) (греч. *allos* – иной, другой и *morphe* – форма). См. **морф**.

Алфавит (греч. *alphabetos*, от названия двух первых букв греч. алфавита – альфа и бета) – система письменных знаков, передающих звуковой облик слов языка посредством символов, изображающих отдельные звуковые элементы.

Антонимия – тип семантических отношений лексических единиц, имеющих противоположные значения.

Антонимы (греч. *anti* – против и *onyma* – имя) – слова одной части речи, имеющие противоположные значения.

Антропонимика (греч. *antropos* – человек и *onyma* – имя) – раздел ономастики, изучающий антропонимы – собственные именованья людей: имена личные, патронимы (отчества или иные именованья по отцу), фамилии, родовые имена, прозвища и псевдонимы (индивидуальные или групповые), криптонимы (скрывааемые имена).

Арго (франц. *argot*) – особый язык некоторой ограниченной профессиональной или социальной группы, состоящей из произвольно избираемых видоизмененных элементов одного или нескольких естественных языков.

Ареальная лингвистика (лат. *area* – площадь, пространство) – раздел языкознания, исследующий с помощью методов лингви-

стической географии распространение языковых явлений в пространственной протяженности и межъязыковом (междиалектном) взаимодействии.

Артикль (франц. *article*, лат. *articulus* — часть) — грамматический элемент, выступающий в языке в виде служебного слова или аффикса и служащий для выражения определенности — неопределенности категории (именной), т. е. вида референции.

Артикуляция (лат. *articulation*, от *articulo* — расчленяю, произношу членораздельно) — совокупность работ произносительных органов при образовании звуков речи.

Архаизмы (греч. *archaios* — древний) — слова, вышедшие из активного употребления, но сохранившиеся в пассивном словаре и в большинстве своем понятные носителям языка.

Ассимиляция (лат. *assimilatio* — уподобление) — один из наиболее распространенных видов комбинаторных изменений звуков: артикуляционное уподобление звуков друг другу в потоке речи в пределах слова или словосочетания.

Аффикс (лат. *affixus* — прикрепленный) — служебная морфема, минимальный строительный элемент языка, присоединяемый к корню слова в процессе морфологической деривации и служащий преобразованию корня в грамматических или словообразовательных целях; важнейшее средство выражения грамматических и словообразовательных значений; часть слова, противопоставленная корню и сосредоточивающая его грамматические и / или словообразовательные значения.

Валентность (лат. *valentia* — сила) — способность слова вступать в синтаксические связи с другими элементами.

Веляризация (лат. *velum* — завеса) — дополнительная артикуляция, в результате которой задняя часть спинки языка сближается с мягким нёбом (для заднеязычных согласных эта артикуляция является основной, поэтому их часто называют велярными).

Вид — грамматическая категория глагола, обобщенно указывающая «как протекает во времени или как распределяется во времени» (А.М. Пешковский) обозначенное глаголом действие.

Внутренняя форма слова — семантическая и структурная соотнесенность составляющих слово морфем с другими морфемами данного языка; признак, положенный в основу номинации при образовании нового лексического значения слова.

Вокализм (лат. *vocalis* — гласный звук) — система гласных в языке, диалекте, говоре или в семье, группе языков.

Время глагольное — грамматическая категория глагола, являющаяся специфическим языковым отражением объективного времени и служащая для темпоральной (временной) локализации события или состояния, о котором говорится в предложении.

Высказывание — единица речевого общения.

Генеалогическая классификация языков — изучение и группировка языков мира на основании определения родственных связей между ними (отнесения их к одной семье, группе), т. е. на основе общего происхождения из предполагаемого праязыка.

Гипонимия (греч. *hupo* — под, внизу и *опута* — имя) — одно из основных парадигматических отношений в семантическом поле — иерархическая организация его элементов, основанная на родо-видовых отношениях.

Глагол (лат. *verbum*) — часть речи, выражающая грамматическое значение действия (т. е. признака подвижного, реализующегося во времени) и функционирующая по преимуществу в качестве сказуемого.

Гласные — класс звуков речи, выделяемый на основании их артикуляторных, акустических и функциональных свойств.

Грамматика (греч. *grammatike*, от *gramma* — буква, написание) — 1) строй языка, т. е. система морфологических категорий и форм, синтаксических категорий и конструкций, способов словопроизводства; 2) раздел языкознания, изучающий такой строй, его неоднородную организацию, его категории и их отношения друг к другу.

Грамматическая категория — система противопоставленных друг другу рядов грамматических форм с однородными значениями.

Грамматическая форма — языковой знак, в котором грамматическое значение находит свое регулярное (стандартное) выражение.

Грамматические единицы — слово, словоформа, синтаксическая конструкция (словосочетание, простое предложение, сложное предложение) как носители обобщенных грамматических свойств, а также средства выражения грамматических значений: служебные морфемы (аффиксы) и их совокупности, служебные слова (предлоги, союзы, частицы) и др.

Грамматическое значение — обобщенное, отвлеченное языковое значение, присущее ряду слов, словоформ, синтаксических

конструкций и находящее в языке свое регулярное (стандартное) выражение.

Граммема — компонент грамматической категории, представляющий собой по своему значению видовое понятие по отношению к значению грамматической категории как понятию родовому.

Графема (греч. *grapho* — пишу) — 1) минимальная единица графической системы языка (системы письма), обладающая тем или иным лингвистическим содержанием; 2) минимальный знак определенной системы письма, выражающий отношение соответствующей единицы языка (план содержания) к ее графическому отображению (план выражения): фонемы к букве в алфавитном фонографическом письме, группы звуков, слога — к графическому символу в слоговом, слова-понятия — к иероглифу в логографическом письме.

Графика (греч. *graphike*, от *grapho* — пишу, черчу, рисую) — 1) совокупность начертательных средств того или иного письма, включающая графемы, знаки препинания, знак ударения и др.; система соотношения между графемами и фонемами в фонематическом письме; 2) раздел языкознания, исследующий соотношения между графемами и фонемами.

Деепричастие — нефинитная форма глагола (вербоид), обозначающая второстепенное действие, подчиненное главному, выраженному в предложении сказуемым или инфинитивом в различных синтаксических функциях.

Денотат (лат. *denotatum* — обозначаемое) — обозначаемый предмет.

Деривация (лат. *derivatio* — отведение; образование) — процесс создания одних языковых единиц (дериватов) на базе других, принимаемых за исходные, в простейшем случае — путем «расширения» корня за счет аффиксации или словосложения, в связи с чем деривация приравнивается иногда к словопроизводству или даже словообразованию.

Десигнат (лат. *designatum* — обозначаемое, отмеченное) — содержательная сторона знака языкового, представляющего собой, по Ф. де Соссюру, комбинацию понятия (означаемого) с акустическим образом — означающим.

Дескриптивная лингвистика (англ. *descriptive* — описательный) — одно из направлений американского языкознания, возникшее и активно развивавшееся в 30–50 гг. XX века в общем русле структурной лингвистики.

Диакритические знаки (диакритики; греч. *diakritikos* – служащий для различения) – различные надстрочные, подстрочные, реже внутривстрочные знаки, применявшиеся главным образом в буквенных и отчасти слоговых типах письма для изменения или уточнения значения отдельных знаков.

Диалект (греч. *dialektos* – разговор, говор, наречие) – разновидность данного языка, употребляемая в качестве средства общения лицами, связанными тесной территориальной, социальной или профессиональной общностью.

Диалектология («диалект» + греч. *logos* – слово, учение) – раздел языкознания, изучающий местные, территориальные разновидности языка, диалекты.

Диахрония (греч. *dia* – через, сквозь и *chronos* – время) – историческое развитие языковой системы как предмет лингвистического исследования; исследование языка во времени, в процессе его развития на временной оси.

Диссимиляция (лат. *dissimilatio* – расподобление) – один из видов комбинаторных изменений звуков: расподобление артикуляции двух или более одинаковых или подобных звуков в пределах слова, утрата ими общих фонетических признаков.

Дистрибутивный анализ (лат. *distribuere* – распределять, разделять) – метод исследования языка, основанный на изучении окружения (дистрибуции, распределения) отдельных единиц в тексте и не использующий сведения о полном лексическом или грамматическом значении этих единиц.

Дифтонг (греч. *diphthongos* – двугласный) – сложный гласный, состоящий из двух элементов, образующих один слог, чем и обеспечивается фонетическая целостность.

Дополнение – член предложения, выраженный именем существительным и обозначающий предмет (объект), отражающий на себе действие глагольного признака или служащий его орудием.

Жаргон (франц. *jargon*) – разновидность речи, используемая преимущественно в устном общении отдельной относительно устойчивой социальной группой, объединяющей людей по признаку профессии (жаргон программистов), положения в обществе (жаргон русского дворянства в XIX в.), интересов (жаргон филателистов) или возраста (молодежный жаргон).

Займствованиe – элемент чужого языка (слово, морфема, синтаксическая конструкция и т. п.), перенесенный из одного языка в другой в результате языковых контактов, а также сам процесс перехода элементов одного языка в другой.

Залог – грамматическая категория глагола, выражающая, в соответствии с широко распространенной до недавнего времени точкой зрения, субъектно-объектные отношения.

Звукоподражание (ономатопея) – закономерная (не произвольная) фонетически мотивированная связь между фонемами слова и лежащим в основе номинации звуковым (акустическим) признаком денотата (мотивом).

Звукоподражания теория (ономатопозетическая теория) – одна из теорий происхождения языка, согласно которой язык возник в результате того, что человек подражал звуковым (и незвуковым) признакам называемых объектов.

Знак языковой – материально-идеальное образование (двусторонняя единица языка), репрезентирующее предмет, свойство, отношение действительности; знак языковой представляет единство определенного мыслительного содержания (означаемого) и цепочки фонематически расчлененных звуков (означающего).

Идеограмма (греч. *idea* – идея, образ, понятие и *gramma* – черта, буква, написание) – письменный знак, обозначающий в отличие от букв не звук или слог какого-либо языка, а целое слово или корень.

Инверсия (лат. *inversio* – переворачивание, перестановка) – 1) в широком понимании: любое отклонение порядка членов предложения от наиболее распространенного; 2) в узком понимании: такое отклонение от порядка членов предложения, которое не связано с изменением синтаксических связей и актуального членения предложения.

Интерлингвистика – раздел языкознания, изучающий международные языки как средство межъязыкового общения.

Интонация – единство взаимосвязанных компонентов: мелодики, интенсивности, длительности, темпа речи и тембра произнесения; важное средство формирования высказывания и выявления его смысла.

Инфинитив (лат. *infinitivus* – неопределенный) – (неопределенная форма, устар. – неопределенное наклонение) – нефинитная форма глагола (вербоид), существующая во флективных и агглюти-

нативных языках и используемая для оформления сказуемого, а также слов с предикативным значением в позициях именных членов предложения.

Историзмы — слова или устойчивые словосочетания, означающие исчезнувшие реалии.

Калька (франц. *calque* — копия) — образование нового фразеологизма, слова или нового значения слова путем буквального перевода соответствующей иноязычной языковой единицы.

Кириллица — одна из двух древнейших славянских азбук; название восходит к имени Кирилла, выдающегося просветителя и проповедника христианства у славян.

Конверсия (лат. *conversio* — изменение, превращение) — 1) в грамматике и лексике — способ выражения субъектно-объектных отношений в эквивалентных по смыслу предложениях; 2) в словообразовании — способ словообразования без использования специальных словообразовательных аффиксов; разновидность транспозиции, при которой переход слова из одной части речи в другую происходит так, что назывная форма слова одной части речи (или его основа) используется без всякого материального изменения в качестве представителя другой части речи.

Консонантизм (лат. *consonans*, род. падеж *consonantis* — согласный звук) — система согласных в языке, диалекте, говоре или в семье, группе языков.

Корень — носитель вещественного, лексического значения слова, центральная его часть, остающаяся неизменной в процессах морфологической деривации; выражает идею тождества слова самому себе; коррелирует с понятием лексемы; простая, или непроемная основа слова, остающаяся после устранения всех словообразовательных и/или словоизменяющих элементов.

Лабialisация (лат. *labialis* — губной) (огубление) — артикуляция звуков речи (как гласных, так и согласных), сопровождаемая округлением вытянутых вперед губ.

Лексема (греч. *lexis* — слово, выражение) — слово, рассматриваемое как единица словарного состава языка в совокупности его конкретных грамматических форм и выражающих их флексий, а также возможных конкретных смысловых вариантов; абстрактная двусторонняя единица языка.

Лексика (греч. *lexikos* — относящийся к слову) — совокупность слов языка, его словарный состав.

Лексикография (греч. *lexikos* — относящийся к слову и *grapho* — пишу) — раздел языкознания, занимающийся практикой и теорией составления словарей.

Лексикология (греч. *lexikos* — относящийся к слову и *logos* — учение) — раздел языкознания, изучающий словарный состав, лексику языка.

Лицо — грамматическая словоизменительная категория глагола, обозначающая отношение субъекта действия (процесса, качества) к говорящему лицу.

Математическая лингвистика — математическая дисциплина, предметом которой является разработка формального аппарата для описания строения естественных и некоторых искусственных языков.

Междометия — класс неизменяемых слов, служащих для нерасчлененного выражения эмоциональных и эмоционально-волевых реакций на окружающую действительность.

Мелодика речи (греч. *melodikos* — мелодический, песенный) — основной компонент интонации.

Местоимение — лексико-семантический класс знаменательных слов, в значение которых входит либо отсылка к данному речевому акту (к его участникам, речевой ситуации или к самому высказыванию), либо указание на тип речевой соотнесенности слова с внеязыковой действительностью (его денотативный статус).

Метатеза (греч. *metathesis* — перестановка) — один из видов комбинаторных изменений звуков — взаимная перестановка звуков или слогов в пределах слова.

Метафора (греч. *metaphora* — перенос) — троп или механизм речи, состоящий в употреблении слова, обозначающего некоторый класс предметов, явлений и т. п., для характеристики или наименования объекта, входящего в другой класс, либо наименования другого класса объектов, аналогичного данному в каком-либо отношении.

Метонимия (греч. *metonymia* — переименование) — троп или механизм речи, состоящий в регулярном или окказиональном переносе имени с одного класса объектов или единичного объекта на другой класс или отдельный предмет, ассоциируемый с данным по смежности, сопредельности, вовлеченности в одну ситуацию.

Морф, морфа (греч. *morphe* – форма) – минимальная значимая единица, текстовый представитель морфемы.

Морфема (греч. *morphe* – форма) – одна из основных единиц языка, часто определяемая как минимальный знак, т. е. такая единица, в которой за определенной фонетической формой (означающим) закреплено определенное содержание (означаемое) и которая не членится на более простые единицы того же рода.

Морфологическая классификация языков – классификация языков, проводимая на морфологическом уровне.

Морфология (греч. *morphe* – форма и *logos* – слово, учение) – 1) система механизмов языка, обеспечивающая построение и понимание его словоформ; 2) раздел грамматики, изучающий закономерности функционирования и развития этой системы.

Назализация (франц. *nasal* – носовой, лат. *nasus* – нос) – артикуляция звуков речи (главным образом гласных), заключающаяся в опускании нёбной занавески и одновременном выходе воздушной струи через рот и нос.

Наклонение – прагматическая категория, выражающая отношение действия, названного глаголом, к действительности с точки зрения говорящего.

Наречие – лексико-грамматический класс неизменяемых, как правило, слов, обозначающих признак действия, качества или предмета и выступающих в синтаксической функции обстоятельства или определения, реже сказуемого.

Нейтрализация – позиционное снятие противопоставления элементов языковой структуры.

Неологизмы – слова, значения слов или сочетания слов, появившиеся в определенный период в каком-либо языке или использованные один раз («оказиональные» слова) в каком-либо тексте или акте речи.

Обстоятельство – зависимая синтаксическая позиция в составе словосочетания или предложения; словоформа с признаковым значением, занимающая данную позицию.

Означаемое – содержательная сторона языкового знака, представляющего собой, по Ф. де Соссюру, комбинацию понятия (означаемого) с акустическим образом – означающим (в другой терминологии этим двум понятиям соответствуют термины «содержание» и «выражение»).

Означающее — формальная сторона языкового знака, находящаяся в неразрывной связи с другой его стороной — означаемым.

Омонимия — звуковое совпадение различных языковых единиц, значения которых не связаны друг с другом.

Ономасиология — теория номинации; один из двух разделов семантики, противопоставленный семасиологии по направлению исследования от вещи или явления к мысли об этой вещи, явлении и к их обозначению языковыми средствами.

Ономастика — раздел языкознания, изучающий собственные имена.

Определение — зависимая синтаксическая позиция в составе субстантивного словосочетания; словоформа с признаковым значением, занимающая данную позицию.

Опрощение (деэтимологизация) — лексико-морфологическое явление, состоящее в затемнении первоначальной семантической структуры слова вследствие стирания морфологических границ между его компонентами, т. е. в результате превращения прежде членимой основы в нечленимый корень (ср. рус. «воздух», «запах»).

Орфография — 1) исторически сложившаяся система единообразных написаний, которая используется в письменной речи; 2) раздел языкознания, изучающий и разрабатывающий систему правил, обеспечивающих единообразие написаний.

Орфоэпия — 1) совокупность произносительных норм национального языка, обеспечивающая сохранение единообразия его звукового оформления; 2) раздел языкознания, изучающий произносительные нормы.

Падеж — грамматическая категория имени, выражающая его синтаксические отношения к другим словам высказывания или к высказыванию в целом, а также всякая отдельная граммема этой категории.

Палатализация — подъем средней части спинки языка к твердому нёбу, сопровождающий губную, переднеязычную или заднеязычную артикуляцию согласного.

Парадигматика — 1) один из двух аспектов системного изучения языка, определяемый выделением и противопоставлением двух типов отношений между элементами и/или единицами языка — парадигматических и синтагматических; раздел науки о языке, за-

нимающийся парадигматическими отношениями, их классификацией, определением области их действия и т. п.; противопоставляется синтагматике по типу изучаемых отношений и их группировок; 2) в более широком смысле то же, что и система языковая, понимаемая как совокупность лингвистических классов — парадигм; противопоставляется синтагматике как синониму понятия лингвистического процесса и текста.

Письмо — знаковая система фиксации речи, позволяющая с помощью начертательных (графических) элементов передавать речевую информацию на расстоянии и закреплять ее во времени.

Подлежащее — один из двух главных членов предложения, указывающий на объект, к которому относится сообщаемое.

Подчинение — синтаксическая связь, располагающая своей системой средств выражения и конституирующая сложноподчиненное предложение.

Полисемия (многозначность) — наличие у единицы языка более одного значения — двух или нескольких.

Порядок слов — определенное расположение слов в предложении или синтаксической группе.

Праязык (язык-основа) — язык, из диалектов которого произошла группа родственных языков, иначе называемая семьей.

Предикативность — синтаксическая категория, определяющая функциональную специфику основной единицы синтаксиса — предложения.

Предлог — разряд служебных, морфологически неизменяемых слов, выражающих различные отношения между зависимыми и главными членами словосочетания и осуществляющих подчинительную синтаксическую связь внутри словосочетания и предложения.

Предложение — одна из основных грамматических категорий синтаксиса, противопоставленная в его системе слову и словосочетанию по формам, значениям и функциям.

Прикладная лингвистика — направление в языкознании, занимающееся разработкой методов решения практических задач, связанных с использованием языка.

Прилагательное — лексико-семантический класс предикативных слов, обозначающих непроецессуальный признак (свойство) предмета, события или другого признака, обозначенного именем.

Примыкание – подчинительная связь, при которой форма подчиненного компонента словосочетания не зависит от господствующего компонента и не подвергается каким-либо изменениям.

Причастие – нефинитная форма глагола (вербоид), обозначающая признак имени, связанный с действием, и употребляемая атрибутивно.

Просодия (просодика) – 1) система фонетических средств (высотных, силовых, временных), реализующихся в речи на всех уровнях речевых сегментов (слог, слово, словосочетание, синтагма, фраза, сверхфразовое единство, текст) и играющих смысловозначительную роль; 2) общее название для фонетических супrasegmentных характеристик речи как на уровне восприятия (высота тона, громкость, длительность), так и на физическом уровне (частота основного тона, интенсивность, время).

Психолингвистика – наука, изучающая процессы речеобразования, а также восприятия и формирования речи в их соотносительности с системой языка.

Редукция – изменение артикуляционных и акустических характеристик звука, вызванное сокращением его длительности или ослаблением напряженности.

Редупликация – фонеморфологическое явление, состоящее в удвоении начального слога или целого корня.

Рема – компонент актуального членения предложения, то, что утверждается или спрашивается об исходном пункте сообщения – теме и создает предикативность, законченное выражение мысли.

Референт – объект внеязыковой действительности, который имеет в виду говорящий, произнося данный речевой отрезок; предмет референции.

Речевая деятельность – один из трех аспектов языка наряду с психологической «речевой организацией» и «языковой системой»; «языковой материал», включающий сумму отдельных актов говорения и понимания.

Речевой акт – целенаправленное речевое действие, совершаемое в соответствии с принципами и правилами речевого поведения, принятыми в данном обществе; единица нормативного социоречевого поведения, рассматриваемая в рамках прагматической ситуации.

Речь – конкретное говорение, протекающее во времени и облеченное в звуковую или письменную форму.

Ритм речевой – регулярное повторение сходных и соизмеримых речевых единиц, выполняющее структурирующую, текстообразующую и экспрессивно-эмоциональную функцию.

Сверхфразовое единство (сложное синтаксическое целое, микротекст, период) – отрезок речи в форме последовательности двух и более самостоятельных предложений, объединенных общностью темы в смысловые блоки.

Сема – минимальная, предельная единица плана содержания.

Семантика – 1) все содержание, информация, передаваемые языком или какой-либо его единицей (словом, грамматической формой слова, словосочетанием, предложением); 2) раздел языкознания, изучающий это содержание, информацию; 3) один из основных разделов семиотики.

Семасиология – раздел языкознания, занимающийся лексической семантикой, т. е. значениями слов и словосочетаний, которые используются для называния, номинации отдельных предметов и явлений действительности.

Сигнификат – понятийное содержание языкового знака.

Синонимия – тип семантических отношений языковых единиц, заключающийся в полном или частичном совпадении их значений.

Синтагма – интонационно-смысловое единство, которое выражает в данном контексте и в данной ситуации одно понятие и может состоять из одного слова, группы слов и целого предложения.

Синтагматика – один из двух аспектов изучения системы языка, анализ особых – синтагматических – отношений между знаками языка, возникающих между последовательно расположенными его единицами при их непосредственном сочетании друг с другом в реальном потоке речи и тексте; этот аспект изучения языка противопоставляется парадигматике.

Синтаксис – 1) характерные для конкретных языков средства и правила создания речевых единиц; 2) раздел грамматики, изучающий процессы порождения речи: сочетаемость и порядок следования слов внутри предложения, а также общие свойства предложения как автономной единицы языка и высказывания как части текста.

Синхрония — состояние языка в определенный момент его развития как системы одновременно существующих взаимосвязанных и взаимообусловленных элементов.

Сказуемое — один из двух главных членов предложения, в котором выражается сообщаемое; соотносится с подлежащим и связано с ним предикативным отношением.

Слово — основная структурно-семантическая единица языка, служащая для именованя предметов и их свойств, явлений, отношений действительности, обладающая совокупностью семантических, фонетических и грамматических признаков, специфичных для каждого языка.

Словосочетание — синтаксическая конструкция, образуемая соединением двух и более знаменательных слов на основе подчинительной грамматической связи — согласования, управления или примыкания.

Слог — фонетико-фонологическая единица, занимающая промежуточное положение между звуком и речевым тактом.

Служебные слова — лексически несамостоятельные слова, служащие для выражения различных семантико-синтаксических отношений между словами, предложениями и частями предложений, а также для выражения разных оттенков субъективной модальности.

Согласные — класс звуков речи, противоположных по своим свойствам гласным.

Согласование — подчинительная связь компонентов словосочетания, при которой в зависимом слове повторяются грамемы или часть граммем главенствующего слова.

Социоллингвистика — научная дисциплина, развивающаяся на стыке языкознания, социологии, социальной психологии и этнографии, изучающая широкий комплекс проблем, связанных с социальной природой языка, его общественными функциями, механизмом воздействия социальных факторов на язык и той ролью, которую играет язык в жизни общества.

Союз — класс служебных слов, оформляющих синтаксические связи предложений и синтаксические связи слов.

Субстрат — совокупность черт языковой системы, не выводимых из внутренних законов развития данного языка и восходящих

к языку, распространенному ранее на данной лингвогеографической территории.

Суперстрат — совокупность черт языковой системы, не выводимых из внутренних законов развития языка и объясняемых как результат растворения в данном языке языка пришлых этнических групп, ассимилированных исконным населением.

Существительное — класс полных слов (часть речи), который включает названия предметов и одушевленных существ и может выступать в предложении по преимуществу в качестве подлежащего и дополнения.

Табу — запрет на употребление тех или иных слов, выражений или собственных имен.

Тема — компонент актуального членения предложения, исходный пункт сообщения (предложения) — то, относительно чего нечто утверждается в данном предложении.

Темп речи — скорость произнесения элементов речи: звуков, слогов и т. д., произносимых в единицу времени (чаще всего — в секунду), либо средняя их длительность.

Типологическая классификация языков — направление лингвистических исследований, имеющее целью установить сходства и различия языков, которые коренятся в наиболее общих и наиболее важных свойствах языка и не зависят от их генетического родства.

Тон — наделенное значимостью контрастное варьирование высотно-мелодических голосовых характеристик при произнесении языковых единиц.

Топонимика — раздел ономастики, исследующий географические названия (топонимы), их функционирование, значение и происхождение, структуру, ареал распространения, развитие и изменение во времени.

Транскрипция — способ однозначной фиксации на письме звуковых характеристик отрезков речи.

Транслитерация — побуквенная передача текстов и отдельных слов, записанных с помощью одной графической системы средствами другой графической системы.

Ударение — выделение в речи той или иной единицы в последовательности однородных единиц с помощью фонетических средств.

Фонема — единица звукового строя языка, служащая для опознавания и различения значимых единиц — морфем, в состав которых она входит в качестве минимального сегментного компонента, а через них — и для опознавания и различения слов.

Фонетика — раздел языкознания, изучающий звуковую сторону языка.

Фонология — раздел языкознания, изучающий структурные и функциональные закономерности звукового строя языка.

Фраза — основная единица речи, выражающая законченную мысль.

Фразеологизм — общее название семантически связанных сочетаний слов и предложений, которые в отличие от сходных с ними по форме синтаксических структур не производятся в соответствии с общими закономерностями выбора и комбинации слов при организации высказывания, а воспроизводятся в речи в фиксированном соотношении семантической структуры и определенного лексико-грамматического состава.

Фразеология — раздел языкознания, изучающий фразеологический состав языка.

Части речи — классы слов языка, выделяемые на основании общности их синтаксических, морфологических и семантических свойств.

Частицы — разряд неизменяемых служебных слов, участвующих в выражении отдельных морфологических категорий, входя в состав слова либо присоединяясь к нему, передающих коммуникативный статус высказывания, а также выражающих отношение высказывания и/или его автора к окружающему контексту, выраженному или подразумеваемому.

Числительное — класс однозначных слов, обозначающих число, количество, меру и связанные с числом мыслительные категории порядка при счете, кратности (повторяемости), совокупности.

Число — грамматическая категория, выражающая количественные характеристики предметов мысли.

Члены предложения — структурно-семантические компоненты предложения, выраженные однозначными словами или словосочетаниями.

Эвфемизмы – эмоционально нейтральные слова или выражения, употребляемые вместо синонимичных им слов или выражений, представляющихся говорящему неприличными, грубыми или нетактичными.

Этимология – раздел языкознания, изучающий происхождение слов.

Язык – основной объект изучения языкознания.

Языкознание (языковедение, лингвистика) – наука, изучающая языки (в принципе – все существующие, когда-либо существовавшие и могущие возникнуть в будущем), а тем самым и человеческий язык вообще.